

Научный центр «LJournal»

Рецензируемый научный журнал

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

№115, Ноябрь 2024
(Часть 4)

Самара, 2024

T33

Рецензируемый научный журнал «Тенденции развития науки и образования» №115, Ноябрь 2024 (Часть 4) - Изд. Научный центр «LJournal», Самара, 2024 - 172 с.

doi: 10.18411/trnio-11-2024-p4

Тенденции развития науки и образования - это рецензируемый научный журнал, который в большей степени предназначен для научных работников, преподавателей, доцентов, аспирантов и студентов высших учебных заведений как инструмент получения актуальной научной информации.

Периодичность выхода журнала – ежемесячно. Такой подход позволяет публиковать самые актуальные научные статьи и осуществлять оперативное обнародование важной научно-технической информации.

Информация, представленная в сборниках, опубликована в авторском варианте. Орфография и пунктуация сохранены. Ответственность за информацию, представленную на всеобщее обозрение, несут авторы материалов.

Метаданные и полные тексты статей журнала передаются в наукометрическую систему ELIBRARY.

Электронные макеты издания доступны на сайте научного центра «LJournal» - <https://ljournal.org>

© Научный центр «LJournal»
© Университет дополнительного
профессионального образования

УДК 001.1
ББК 60

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чернопятов Александр Михайлович
Кандидат экономических наук, Профессор

Царегородцев Евгений Леонидович
Кандидат технических наук, доцент

Пивоваров Александр Анатольевич
Кандидат педагогических наук

Малышкина Елена Владимировна
Кандидат исторических наук

Ильященко Дмитрий Павлович
Кандидат технических наук

Дробот Павел Николаевич
Кандидат физико-математических наук, Доцент

Божко Леся Михайловна
Доктор экономических наук, Доцент

Бегидова Светлана Николаевна
Доктор педагогических наук, Профессор

Андреева Ольга Николаевна
Кандидат филологических наук, Доцент

Абасова Самира Гусейн кызы
Кандидат экономических наук, Доцент

Попова Наталья Владимировна
Кандидат педагогических наук, Доцент

Ханбабаева Ольга Евгеньевна
Кандидат сельскохозяйственных наук, Доцент

Вражнов Алексей Сергеевич
Кандидат юридических наук

Ерыгина Анна Владимировна
Кандидат экономических наук, Доцент

Чебыкина Ольга Альбертовна
Кандидат психологических наук

Левченко Виктория Викторовна
Кандидат педагогических наук

Петраш Елена Вадимовна
Кандидат культурологии

Романенко Елена Александровна
Кандидат юридических наук, Доцент

Мирошин Дмитрий Григорьевич
Кандидат педагогических наук, Доцент

Ефременко Евгений Сергеевич
Кандидат медицинских наук, Доцент

Шалагинова Ксения Сергеевна
Кандидат психологических наук, Доцент

Катермина Вероника Викторовна
Доктор филологических наук, Профессор

Полицинский Евгений Валериевич
Кандидат педагогических наук, Доцент

Жичкин Кирилл Александрович
Кандидат экономических наук, Доцент

Пузыня Татьяна Алексеевна
Кандидат экономических наук, Доцент

Ларионов Максим Викторович
Доктор биологических наук, Доцент

Афанасьева Татьяна Гавриловна
Доктор фармацевтических наук, Доцент

Байрамова Айгюн Сеймур кызы
Доктор философии по техническим наукам

Лыгин Сергей Александрович

Кандидат химических наук, Доцент

Заломнова Светлана Петровна

Кандидат педагогических наук, Доцент

Биймурсаева Бурулбубу Молдосалиевна

Кандидат педагогических наук, Доцент

Радкевич Михаил Михайлович

Доктор технических наук, Профессор

Гуткевич Елена Владимировна

Доктор медицинских наук

Матвеев Роман Сталинарьевич

Доктор медицинских наук, Доцент

Шамутдинов Айдар Харисович

Кандидат технических наук, Профессор

Найденев Николай Дмитриевич

Доктор экономических наук, Профессор

Романова Ирина Валентиновна

Кандидат экономических наук, Доцент

Хачатурова Карине Робертовна

Кандидат педагогических наук

Кадим Мундер Мулла

Кандидат филологических наук, Доцент

Григорьев Михаил Федосеевич

Кандидат сельскохозяйственных наук

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ VI. ФИЛОСОФИЯ	8
Денильханова Р.Х. Исторический материализм	8
Денильханова Р.Х. История и контекст становления аналитического марксизма	11
Денильханова Р.Х. Происхождение марксизма в Китае и на Западе.....	13
Денильханова Р.Х. Эволюция и трансформация западного марксизма	16
Изибаиров Д.В. Коммуникативные теории Франкфуртской школы до Ю. Хабермаса	18
Тарарова М.С. Критика аналитического марксизма и её преодоление.....	20
Тарарова М.С. Эмансипирующая социальная наука	23
Тарарова М.С., Сугаипова Э.И. Фундаментальная цель социализма и нормативности.....	26
Тарарова М.С., Сулейманова Р.Р. Марксистская программа классового анализа.....	28
Упоров И.В. Научно-технический прогресс (IT-технологии) и будущее цивилизации: позитив не гарантирован	31
Zorina E.V., Dmitrienko N.A. The socio-philosophical basis of the differences in the way men and women think	36
РАЗДЕЛ VII. ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ	40
Васильченко О.А. Социальная работа по развитию семейного предпринимательства на Дальнем Востоке Российской империи во второй половине XIX – начале XX века.....	40
Васильченко О.А. Социальная работа с женщинами-дальневосточницами в 20 – 30-х годах XX века	43
Воропай Е.С. Деятельность «Молодой гвардии» в годы Великой Отечественной войны как фундамент духовного и патриотического воспитания современной молодежи России.....	45
Касимов Р.Н., Кудрявцева И.К. Этнокультурные и этноязыковые просветительские практики как механизм сохранения этнической идентичности народов Удмуртии	48
Кудашева В.А., Явнова И.И. Особенности колониального развития Франции в конце XIX – начале XX вв.	59
Леонов И.В. Триколор – флаг власовцев и предателей: разоблачение мифа.....	61
Меараго Ш.Л., Кобышев С.В. Полководцы и медицина. М.В. Фрунзе – полководец Гражданской войны. Сообщение 8.....	64
Мухамадеев А.Р. О некоторых видах преступлений в Волжской Болгарии мусульманского периода (X – начало XIII вв.)	68
Никитина А.В., Кизрин Д.М. Молодежные общественные объединения: воспитательно-педагогическая деятельность и пропаганда патриотизма в постсоветский период (на примере Республики Мордовии).....	71
Русских Т.Н. Символическая кража в культуре удмуртов: традиции и современность	74
Трибуль Е.О., Глотова М.В. Профессия «учитель истории»: вызовы времени и перспективы.....	77

Упоров И.В. Взаимобусловленность патриотизма и общественно-государственной идентичности в России: исторические особенности	80
Упоров И.В. Диссиденты-шестидесятники 1960-х годов и меры Советской власти по нейтрализации их влияния	86
Упоров И.В. Что писала районная газета «Колхозная трибуна» о местных Советах народных депутатов в 1952 году	90
Ямщикова М.В., Явнова И.И. Жития святых в трудах советских и российских историков: историографический аспект	93
РАЗДЕЛ VIII. РЕЛИГИЯ	97
Сергеев О.А. Православное пение на родном языке	97
РАЗДЕЛ IX. ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	102
Ардисламова А.Р. Интерактивное обучение английскому языку	102
Ачох Б.Д. Одинокий «герой» в фольклоре северокавказских народов.....	105
Ачох Б.Д. Особенности эпического повествования применительно к горскому фольклору.....	107
Ганеева Р.М., Исянгулова Г.А. О зоонимах башкирского языка.....	110
Гареева Г.Н., Хаматдинова А.К. Концепция портрета Евгения Базарова в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети»	113
Гареева Г.Н., Хаматдинова А.К. Система образов в поэме «Слово о полку Игореве».....	115
Карипиди А.Г., Богомоллова М.С. Английский язык как язык интернационального профессионального общения современного юриста	117
Курашкина Н.А. Натурлингвистическое комментирование как один из способов гармонизации отношений «человек – природа» (на примере произведения С.Т. Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии»)	120
Лукманова А.Р. Геймификация в обучении английскому языку с использованием платформы FunBrain	123
Мусалигина Е.А. Проблема унификации перевода названий китайских университетов на русский язык	126
Породин И.В. Акцентированное кино и немецкоязычный лингвокультурный дискурс	128
Сботова С.В., Стешина Е.Г., Гостенина С.В. Трудности перевода омонимов в англоязычном тексте.....	130
Шибанов А.А. Функциональная омонимия в словах, обозначающих погодные явления в удмуртском языке.....	133
Buranshina L.R. The use of computer technologies in self-study of foreign languages by students.....	135
Gazizova E.F. Toponyms in English phraseological units	138
Gilmanova A.A. The Passive Voice in Official Documents.....	140
Khusnullina A.I. Features of translating proper names into Russian	143

Martynova N.A. Brunch terminology in jurisprudence.....	145
Nizomova S.I. The structure of the bilingual dictionary entitled as “Mirqot” by Badeuzzamon Natanzi	151
Rakhimova E.K. Expressions of Doubt in the English Language.....	153
Usmanova E.E. Typological Study of Emotives in the English Language	156
Ydyrysova S. S., Zhakup kyzy A. Multilingualism in Southern Kyrgyzstan: Current Realities and Prospects.....	158
РАЗДЕЛ X. ЛИНГВИСТИКА	162
Калашникова С.В., Горгарова Я.Ю. Переводческие ошибки в кинематографических текстах	162
РАЗДЕЛ XI. АСТРОНОМИЯ	167
Походина М.А. Космология и происхождение Вселенной.....	167

РАЗДЕЛ VI. ФИЛОСОФИЯ

Денильханова Р.Х.

Исторический материализм

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
(Россия, Грозный)

doi: 10.18411/trnio-11-2024-137

Аннотация

Исторический материализм - одна из главных составляющих теории как классического марксизма, так и аналитического. Неслучайно аналитический марксизм рождается из исследования исторического материализма, предпринятого в книге Джеральда Аллана Коэна «В защиту теории истории Карла Маркса».

Ключевые слова: исследования исторического материализма, направление, социальные изменения.

Abstract

Historical materialism is one of the main components of the theory of both classical Marxism and analytical Marxism. It is no coincidence that analytical Marxism is born from the study of historical materialism undertaken in Gerald Allan Cohen's book "In Defense of Karl Marx's Theory of History".

Keywords: historical materialism studies, direction, social changes.

Замысел книги Коэна состоит в защите исторического материализма Маркса, где под защитой понимается реконструкция исторического материализма в более привлекательной форме и предложение аргумента в пользу этой теории. Иными словами, Коэн предлагает такую реконструкцию исторического материализма, которая отвечала бы стандартам ясности и строгости, свойственным исследованиям аналитических философов XX века. Согласно определению аналитического марксизма Коэна, все аналитические марксисты противостоят диалектическому мышлению. Результатом диалектического мышления являются такие уклончивые заявления, как «негр - это раб и не раб, машина - это капитал и не капитал» и т.д.

Правильное направление - попытаться выразить различие Маркса как можно более четко. Нужно критиковать формулировки Маркса, чтобы прояснить его идею. Стоит сделать замечание, что радикально негативное отношение к диалектике Коэна, хоть и схватывает представления многих аналитических философов, но неадекватно отражает представления некоторых аналитических марксистов, которые придерживаются «умеренной» версии диалектики. Прежде чем описать их реконструкцию диалектики следует сначала выяснить интерпретацию исторического материализма Коэном. В связи с этим Коэн предпринимает попытку интерпретации исторического материализма не как диалектической теории истории, а как теории технологического детерминизма, где место диалектики занимает функциональное объяснение. В качестве центрального изложения теории истории Маркса он выбирает отрывок из предисловия «К критике политической экономии». В своей реконструкции Коэн предлагает ряд понятий, традиционно ассоциируемых с марксизмом, и два тезиса, связывающие эти понятия в единую теорию истории: тезис первичности и тезис развития. Производственные силы - средства и приспособления, используемые в процессе производства для достижения продуктивного эффекта.

Они делятся на средства производства (орудия труда, сырье, помещения) и рабочую силу (сила, умения, технические знания). Производственные отношения - это

отношения власти, которой люди обладают или не обладают над производственными силами (над средствами производства или над рабочей силой). Рост - уменьшение количества труда, требуемого для производственных сил, которое необходимо для удовлетворения основных физических потребностей непосредственных производителей. Тезис развития заключается в том, что производственные силы имеют автономную тенденцию к развитию на протяжении истории. Смысл же тезиса первичности состоит в том, что, во-первых, уровень развития производственных сил объясняет экономическую структуру, сложившуюся в этом обществе, а, во-вторых, базис объясняет правовую и политическую надстройку. Коэн стремится обосновать тезис первичности, утверждая, что различные производственные отношения обладают неодинаковыми возможностями для обеспечения роста производительных сил на разных стадиях развития. Коэн считает, что объяснение в теории Маркса носит функциональный характер. Функциональное объяснение - это такой тип объяснения, в котором что-то, что имеет эффект, объясняется с точки зрения этого эффекта (пример: у птиц есть полые кости, потому что они содействуют полету). Функциональное объяснение позволяет признать влияние надстройки на экономическую структуру, сохраняя при этом объяснительный приоритет последней. Таким образом, надстройка стабилизирует свой экономический базис, а экономические отношения определяют роль надстройки, так что в этом смысле экономический базис первичен, а надстройка вторична. Коэн, обосновывая тезис развития, основывается на предпосылках, связанных с человеческой природой и положением человека в истории. Коэн пишет, что отрицание существования исторически инвариантной человеческой природы стало уже марксистской традицией, хотя для Маркса это было не так. Эта традиция противопоставляет себя консерватизму, который фиксируется на какой-либо исторически сложившейся распространенной модели поведения (обычно негативной), затем приписывает это человеческой природе и заключает, что эта модель поведения будет проявляться в любом обществе, если только не будет устранена тиранией. Коэн предлагает избежать оба взгляда: не нужно в ответ отрицать неизменные факты о человеческой природе - нужно отрицать, что тенденции поведения, подчеркиваемые консерваторами, относятся к их числу.

Итак, Коэн признаёт, что существуют устойчивые факты о человеческой природе. Человек - это млекопитающее, с определенной биологической конституцией, которая почти не эволюционирует в некоторых центральных аспектах на протяжении тысячелетней истории. Возвращаясь к обоснованию исторического материализма, а точнее к тезису развития, Коэн предлагает три факта: 1) люди в некоторой степени рациональны; 2) историческая ситуация людей - это ситуация дефицита; 3) люди обладают интеллектом такого рода и степени, который позволяет им улучшить свое положение. Рациональные существа, которые знают, как удовлетворить имеющиеся у них желания, будут склонны к тому, чтобы найти и использовать средства для удовлетворения этих желаний. Учитывая желания людей и особенности внешней природы, они не смогут удовлетворить свои желания, если не будут тратить большую часть времени и энергии. Однако, в отличие от млекопитающих с меньшим интеллектом, люди могут постоянно перестраивать окружение под себя, способны к кумулятивному улучшению среды обитания. Иными словами, наличие дефицита обеспечивает борьбу за выживание, наличие интеллекта - появление инноваций, снижающих дефицит, а наличие рациональности - тенденцию к принятию этих инноваций. Таким образом, для Коэна исторический материализм заключается в следующем: сущность истории - систематический рост производственных сил людей, в соответствии с которыми формы общества, организованные вокруг экономических структур, расцветают или распадаются в зависимости от того насколько они способствуют и содействуют росту или препятствуют и сдерживают его. Всего существует четыре стадии в прогрессивной человеческой эпохе, а именно бесклассовое общество, докапиталистическое общество, капиталистическое общество и современное бесклассовое общество. Тем не менее Коэн

не завершает свой анализ на этом. Он разделяет две возможные интерпретации исторического материализма, а именно инклюзивный исторический материализм и ограниченный исторический материализм. Он также называет их наступательный и защитный исторический материализм. Ограниченный исторический материализм называется так, поскольку он ограничен сферой экономически релевантных феноменов. Он объясняет неэкономические явления, если они не были объяснены до этого, только тогда, когда они констатируют материальное развитие. Ограниченный исторический материализм является защитным, поскольку он стремится защитить историю материального прогресса от излишнего духовного вторжения.

Инклюзивный исторический материализм подтверждает утверждения ограниченного исторического материализма и добавляет к ним новые. Он заключается в том, что материально-экономическое развитие объясняет основные черты неэкономических явлений. Инклюзивный исторический материализм называется наступательным, поскольку он стремится к объяснительному покорению духовных явлений не только из соображений самозащиты. Это различие инклюзивного и ограниченного исторического материализма необходимо в связи с вызовами социологии Макса Вебера касательно протестантизма. Так, другой основатель аналитического марксизма, Юн Эльстер принимал умеренную концепцию диалектики. В «*Making sense of Marx*» («Придать смысл Марксу») Эльстер предлагает три понимания диалектики: - диалектика как метод презентации. Это «квази-дедуктивная процедура» представления результатов экономического анализа по аналогии с развитием категорий в «Науке логики» Гегеля. Эльстер не симпатизирует такому методу изложения, утверждая, что ни соответствующие отрывки, ни лежащая в их основе мотивация не понятна. Диалектика как диалектические «законы» Энгельса: отрицание отрицания и переход количества в качество (взаимопроникновение противоположностей Эльстер сознательно игнорирует).

Эльстер преуменьшает статус и объяснительный охват изложения Энгельса. Он предполагает, что нам следует относиться к ним не как к законам природы или универсальным схемам, а как к терминам для описания «не редких закономерностей изменений» (*not infrequent patterns of change*), иногда встречающихся в природе, обществе и сознании. Нет никаких предположений о том, что все события в этих различных контекстах следуют таким закономерностям, и их масштабы рассматриваются как открытый эмпирический вопрос. Однако, учитывая эти и другие предостережения, Эльстер считает, что эти «законы» хоть и неточны, но могут привести к размышлениям. - Диалектика как теория социальных противоречий. Основная идея здесь заключается в противопоставлении локального (возможно для конкретного социального агента) и глобального (возможно для всех социальных агентов в этом социальном положении). Эльстер полагает, что идея противоречия в трудах Гегеля и Маркса не только ясна, но и плодотворна. Иными словами, такое понимание, не только невосприимчиво к запрету на диалектику со стороны аналитиков, но и операбельно, способно создавать существенные социальные научные результаты. Двигателем же теории Эльстера послужила модальная логика с кванторами. В отличие от других философов и ученых Эльстер полагает, что можно говорить не только о противоречиях в социальной теории, но и о реальных противоречиях в обществе. Реальное противоречие - это ситуация в психологической или социальной реальности, которую можно описать с точки зрения логического противоречия. Существует четыре вида реальных противоречий, причём их можно классифицировать на два рода: индивидуальные (ментальные) противоречия и социальные противоречия. Идея ментальных противоречий заключается в том, что человек может иметь противоречивые мнения или желания, даже если это невозможно, что они истины или станут истинными. Так противоречивые желания появляются, когда кто-то надеется или хочет, чтобы множество утверждений, которое влечет противоречие, было истинным.

1. Айер Дж. А. Язык, истина и логика / Пер. с англ. В.А. Суровцева, Н.А. Тарабанова / Под общей ред. В.А. Суровцева. Альфред Дж. Айер. М: Канон+ РООИ Реабилитация, 2010. 240 с.
2. Альтюссер Л. За Маркса / Пер. с франц. А. В. Денежкина. М.: Праксис, 2006. 392 с.

Денильханова Р.Х.

История и контекст становления аналитического марксизма

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
(Россия, Грозный)

doi: 10.18411/trnio-11-2024-138

Аннотация

В статье исследуется - история аналитического марксизма, а точнее, его появление, развитие и критика. Несмотря на ярко выраженный междисциплинарный статус исследований этого движения, данная работа исследует аналитический марксизм, прежде всего, как философское течение. Это означает особое внимание к тем аспектам теоретических построений аналитических марксистов, которые напрямую связаны или трудноразличимы с собственно философским вопрошанием.

Ключевые слова: эволюция, направление, социальные изменения, аналитический марксизм.

Abstract

The article examines the history of analytical Marxism, or rather, its emergence, development and criticism. Despite the pronounced interdisciplinary status of the research of this movement, this work examines analytical Marxism, first of all, as a philosophical movement. This means special attention to those aspects of theoretical constructions of analytical Marxists that are directly related or difficult to distinguish from the actual philosophical questioning.

Keywords: evolution, direction, social changes, analytical Marxism.

Аналитический марксизм представляет собою современное движение марксизма в англоговорящих странах, появившееся в 1978 году. Это академическое движение, несмотря на недавнее своё появление, уже успело, не только на мой взгляд, внести значительный вклад в развитие и изучение марксизма. Об этом свидетельствуют включение в монографии по современной политической философии и учёт мнений участников этого движения в современных западных исследованиях марксизма. К сожалению, ввиду отсутствия перевода большинства работ и интереса сторонников марксизма к аналитической философии эти прогрессивные сдвиги в теории остались незамеченными в России.

Марксизм продолжает оставаться одним из важнейших духовных движений современности, несмотря на дискредитацию и падение социалистических режимов в Восточной Европе. Одной из причин такого положения дел является обратная тенденция на Западе – возрождение марксистского теоретизирования, осуществленное движением аналитического марксизма.

Рождение аналитического марксизма датируют появлением книги Джеральда Коэна (Gerald Cohen) «Karl Marx's Theory of History: A Defence» («В защиту теории истории Карла Маркса») в 1978 году. Само название «аналитический марксизм», по всей видимости, было придумано Юном Эльстером (Jon Elster), а впервые появилось в печати в сборнике под редакцией Джона Рёмера (John Roemer) в 1986 году. Коэн, Эльстер и Рёмер – это основатели аналитического марксизма как сознательного интеллектуального течения. Коэн определяет аналитический марксизм через составляющие его понятия. Слово «аналитический» указывает на замену единственного и ценного марксистского метода – диалектики – различными методами буржуазной науки и философии. «Аналитический» имеет два смысла: в широком смысле аналитическое противостоит диалектическому, в узком – холистическому. Все аналитические марксисты «аналитические» в широком смысле, многие – в узком. Иными словами, все аналитические марксисты противостоят диалектическому языку и в большинстве своём придерживаются методологического индивидуализма. Что же значит «марксизм» в

аналитическом марксизме? Коэн считает, что марксизм представляет неудачное название того, чем занимался Маркс. Согласно Коэну, Маркс основал научно исследовательскую программу, которую Энгельс назвал «научный социализм». Научный социализм представляет собой изучение природы социализма и пути к нему с использованием самых передовых достижений социальных наук в рамках приверженности социалистическим обязательствам.

В связи с этим Коэн замечает, что приверженность тезисам Маркса в аналитическом марксизме (в отличие от приверженности социалистическим ценностям) не является абсолютной в том смысле, в каком является приверженность аналитической технике. Приверженность аналитической технике, то есть требование ясного изложения и строгой аргументации, отражает не что иное, как приверженность разуму как таковому¹⁸. Взгляд Коэна об относительной приверженности тезисам Маркса заслуживает внимательного рассмотрения, поскольку он проблематизирует связь аналитического и традиционного марксизма. Что аналитический марксизм принимает от традиционного марксизма и от чего отказывается? Для того чтобы ответить на этот вопрос, нам необходимо обратиться к истории марксизма. Уже во время жизни Маркса его учение начало свое распространение. Во многом это является заслугой, друга и соавтора Маркса, Фридриха Энгельса, сотрудничавшего с ним на протяжении сорока лет. Существует два взгляда на вклад Энгельса в развитие марксизма. Согласно первому взгляду, распространившемуся в коммунистических странах, Маркс и Энгельс слились в одно целое, поэтому высказывания Энгельса могут быть использованы для поддержки той или иной интерпретации Маркса без особых аргументов. Однако есть противоположный взгляд, разделяющих Маркса и Энгельса: только высказывания Маркса могут быть использованы для аргументации того, что Маркс придерживался тех или иных взглядов. Юн Эльстер придерживается второй интерпретации. Он считает, что Маркс был гением, а Энгельс незначительным педантичным писателем, который в «Анти-Дюринге» кодифицировал учение Маркса в тотальную систему, обещающую ответы на все вопросы философии, естественных и социальных наук. Известно, что Маркс читал эту работу и не возражал против неё. Однако Эльстер протестует против того, что текст Энгельса отражает взгляды Маркса. У Маркса были личные причины интересоваться работами Энгельса и ссылаться на них, но это не дает оснований считать, что он полностью одобрял их. Ещё более сомнительно, что Маркс имел взгляды на исторический материализм, высказанные Энгельсом уже после его смерти. Сравнение совместных работ Маркса и Энгельса (прежде всего «Немецкой идеологии» и «Манифеста коммунистической партии») с поздними работами Энгельса служит этому доказательством. Работы Энгельса на аналогичные темы упускают глубокие формулировки, исторический охват и сложные аргументы тех фрагментов совместных работ, которые принадлежали Карлу Марксу. Таким образом, Фридрих Энгельс примитивизировал марксизм.

Тем не менее, рубеж XIX и XX веков внешне можно считать временем невероятного успеха марксизма: возникают рабочие партии, принимающие идеи Маркса и Энгельса в качестве своей программы, брошюры, академики знакомятся с его произведениями и требуют этого от своих студентов. Закономерно, что такое массовое распространение марксизма сопровождается ещё большей примитивизацией первоначальных идей. В итоге это приводит к теоретическому кризису марксизма к концу XIX века.

Первым человеком, раскритиковавшим марксизм изнутри, заслужено можно считать Эдуарда Бернштейна. Его методика очень проста: марксизм воспринимается как склад готовой продукции, который оценивается актуальным положением дел - идеи, пригодные к использованию, остаются, а остальные, не соответствующие реальности, списываются. Такой взгляд просто констатирует механические несовпадения марксизма и реальности, но не анализирует причины, по которым эти идеи не работают, никак не развивает теорию. Этот взгляд на марксизм получил название «ревизионизм».

Также в трудах Райта можно найти продуктивное разделение марксизма и марксологии. Марксология - это жесткая идеология, функционирующая как светская теология, нежели научная дисциплина. Марксизм - это не единая теория с четкими границами, а семейство теорий, объединенное общей сферой дискуссий и проблем. Отвечая на вопрос, почему аналитический марксизм – это марксизм, Райт дает несколько оснований: осознанное обращение к традиции марксизма; марксистская проблематика; марксистский дискурс; приверженность социализму. Таким образом, аналитический марксизм можно охарактеризовать как междисциплинарную школу мысли, совмещающую марксистские проблемы с аналитическим инструментарием «буржуазной» социальной науки и философии.

1. Айер Дж. А. Язык, истина и логика / Пер. с англ. В.А. Суровцева, Н.А. Тарабанова / Под общей ред. В.А. Суровцева. Альфред Дж. Айер. М: Канон+ РООИ Реабилитация, 2010. 240 с.
2. Альтюссер Л. За Маркса / Пер. с франц. А. В. Денежкина. М.: Практика, 2006. 392 с.
3. Андерсон П. Размышления о западном марксизме. На путях исторического материализма / Пер. с англ. — М.: Common place, 2016. 350 с. 4. Васильев В. В. Что такое аналитическая философия и почему важен этот вопрос? // Философский журнал. 2019. Т. 12. № 1. С. 144–158

Денильханова Р.Х.

Происхождение марксизма в Китае и на Западе

*ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
(Россия, Грозный)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-139

Аннотация

По мере ускорения процесса глобализации взаимосвязь между теоретической эволюцией и социальными изменениями Китая и западного марксизма стала особенно важной. Как всемирное направление мысли марксистская теория имеет важное руководящее значение для исторического развития человеческого общества. Изучая эволюцию китайского и западного марксизма в прошлом веке, мы можем лучше понять внутреннюю связь и взаимное влияние между ними.

Ключевые слова: эволюция, направление, социальные изменения, глобализация.

Abstract

As the globalization process accelerates, the relationship between theoretical evolution and social changes of China and Western Marxism has become particularly important. As a global trend of thought, Marxist theory has an important guiding significance for the historical development of human society. By studying the evolution of Chinese and Western Marxism in the past century, we can better understand the internal connection and mutual influence between them.

Keywords: evolution, trend, social change, globalization.

Значение исследования работы главным образом отражается в следующих аспектах: во-первых, понимание связи между теоретической эволюцией и социальными изменениями китайского и западного марксизма в прошлом веке имеет большое значение для углубления понимания марксизма.

Понимание роли марксизма в исторических переменах Китая и Запада поможет нам полнее понять и оценить значение и значение этой теории для развития современного общества. Марксизм — социальная теория и идеологическая система, основанная немецкими философами Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом в середине XIX века. Они считают, что общественное существование определяет общественное сознание, а

общественное существование складывается из производительных сил и производственных отношений. В капиталистической системе капиталисты контролируют средства производства и эксплуатируют пролетариат, что неизбежно приводит к классовой борьбе. Пролетариат может добиться истинного освобождения человечества, только свергнув капиталистический строй и установив социалистический строй посредством революции. Марксизм впервые получил широкое распространение и влияние в Европе. В 1848 году в различных странах Европы вспыхнули революционные волны, создавшие возможности для распространения марксизма. Маркс и Энгельс также активно участвовали в европейской революционной деятельности. Однако реакционные силы в различных странах Европы в конечном итоге подавили революцию, и развитие марксизма было затруднено. В течение следующих нескольких десятилетий марксизм постепенно развивался в Европе. В 1889 году была создана Международная социалистическая рабочая ассоциация — первая в мире международная социалистическая организация. В то же время марксистские политические партии и организации возникли одна за другой в Германии, Франции, Италии, России и других странах. Эти политические партии и организации привержены делу содействия пролетарской революции и установлению социалистической системы. Успех русской революции 1917 года послужил практическим примером для марксистов всего мира и способствовал дальнейшему развитию марксизма в Европе. Установление советской власти способствовало созданию социализма и коммунистических партий во многих европейских странах. Эти партии активно способствовали социальным изменениям в своих странах. Во время двух мировых войн политический ландшафт Европы претерпел драматические изменения, а марксистская теория продолжала адаптироваться к новым политическим реалиям. Коммунистические партии многих стран Европы сыграли важную роль в борьбе с фашизмом и нацизмом, усилив влияние марксизма в Европе. Во время Холодной войны Европа была разделена на два лагеря: Восток и Запад. Большинство стран Восточной Европы реализовали социалистические системы, тогда как Западная Европа была в основном капиталистическими странами. В этот период марксизм был официальной идеологией в странах Восточной Европы, тогда как в Западной Европе марксистская теория и левые движения оставались активными, несмотря на давление со стороны капиталистических стран. Развитие марксизма в Европе — сложный исторический процесс, его влияние и популярность меняются в зависимости от времени и региона. Сегодня марксизм остается важной частью дискуссий по многим социальным движениям и политическим теориям в Европе и во всем мире. Распространение марксизма в Китае началось в начале 20 века. Благодаря зарубежным студентам и международным обменам в сочетании с традиционной китайской культурой и социальными условиями того времени был создан марксизм с китайской спецификой. По соответствующим данным, в начале 20 века большое количество китайских студентов отправились в страны Европы и Америки и познакомились с марксистскими идеями и теориями. Они стали пионерами и распространителями марксизма в Китае. В процессе интеграции китайского марксизма с китайской традиционной культурой китайский марксизм осуществил теоретические инновации и практические исследования в ответ на уникальные национальные условия и социальные проблемы Китая. В ходе развития марксизма в Китае Китай осуществил социалистические преобразования и революцию, и марксизм стал идеологической и теоретической основой, направляющей социальные изменения в Китае. Кроме того, постепенно усиливается пропаганда китайского марксизма в средствах массовой

информации, а также усиливается и совершенствуется марксистская образовательная работа партии и строительство марксистских исследовательских институтов.

В прошлом веке китайский марксизм столкнулся с различными трудностями и проблемами в процессе распространения. Ему пришлось не только столкнуться с проблемой экспорта культуры в зарубежные страны, но также столкнуться с собственными теоретическими инновациями и практическими исследованиями.

Будучи новой социальной теорией, марксизм не только активно интерпретируется и применяется китайскими учёными, но также проникает в Китай через различные каналы коммуникации и влияет на идеологические концепции и идеи реформирования китайского общества. Китайский марксизм, в основе которого лежит утопическая социалистическая мысль, прошел путь от изучения и применения к инновационному развитию и оказал важное влияние на социалистическое строительство Китая. Теоретические изменения западного марксизма в разные исторические периоды отражают развитие и изменения западного общества. От неомарксизма до структурализма и постмодернизма, непрерывное появление и эволюция западных марксистских направлений мысли предоставили богатые теоретические ресурсы и идеологическое вдохновение для социальных перемен. Теоретические изменения в западном марксизме также оказали важное влияние на теоретическое построение и социальную реформу китайского марксизма. Например, появление западной критической теории культуры вдохновило китайских ученых критиковать китайскую традиционную культуру и размышлять над ней, тем самым способствуя идеологической эмансипации и социальному прогрессу китайского общества. Благодаря теоретическому диалогу и столкновению между китайским и западным марксизмом не только китайский марксизм приобрел богатые теоретические ресурсы и вдохновение, но и западный марксизм также извлек суть из практического опыта Китая, углубляя взаимопонимание и обмена между двумя сторонами. Этот вид теоретического диалога и интеграции обеспечивает новые идеи и инновационные направления для современных социальных изменений.

Практика китайского марксизма в социальных преобразованиях не только обеспечивает теоретическое руководство и практический опыт для развития и прогресса Китая, но также предоставляет справочный опыт для социалистического строительства других стран мира. Однако западный марксизм также демонстрирует некоторые трудности и ограничения в своем размышлении о социальных изменениях. Особенно в эпоху глобализации западный марксизм также сталкивается с некоторыми проблемами в интерпретации и реагировании на современные социальные проблемы. Однако нельзя игнорировать просвещение западных марксистских мыслей и взглядов на социальные изменения в Китае. Китайский марксизм продолжает участвовать в диалоге и обмене с западным марксизмом в области теоретических инноваций и практических исследований, которые не только обеспечивают теоретическое руководство и практический опыт для социальных перемен в Китае, но и обогащают развитие западной марксистской теории. Заглядывая в будущее, диалог и интеграция китайского и западного марксизма будут продолжать способствовать теоретическим инновациям и социальному прогрессу, а также совместно способствовать развитию человеческого общества.

1. Лян Цичао. Сборник ледяных питьевых комнат: Том 14. Пекин: Книжная компания Чжунхуа, 2015
2. Ма Чи. О современном значении и исторических ограничениях критики популярной культуры [J].95-100.
3. Хоркхаймер, Адорно. Диалектика Просвещения. Перевод Хун Пейю и Линь Юэфэна: Издательство Чунцина, 1990:139.

Денильханова Р.Х.

Эволюция и трансформация западного марксизма

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
(Россия, Грозный)

doi: 10.18411/trnio-11-2024-140

Аннотация

В статье рассматривается эволюция китайского марксизма и западного марксизма в прошлом веке, а также социальные изменения, сопровождавшие эти теоретические изменения. Как важная теоретическая система марксизма оказала глубокое влияние как в Китае, так и на Западе в 20 веке.

Ключевые слова: эволюция, направление, социальные изменения, западный марксизм.

Abstract

This article examines the evolution of Chinese Marxism and Western Marxism in the last century, as well as the social changes that accompanied these theoretical changes. As an important theoretical system, Marxism has had a profound influence in both China and the West in the 20th century.

Keywords: evolution, direction, social change, Western Marxism.

В ходе изучения западного марксизма возникло множество школ мысли. В западной марксистской теории важное место занимает Франкфуртская школа, известная своей критической социальной теорией. Предложенная ею критическая теория массовой культуры раскрывает коммерциализацию, стандартизацию и развитие массовой культуры с экономической, культурной и идеологической точек зрения. Единообразие, обман и идеологическое доминирование, а также указывал на то, что массовая культура утратила свободу и трансцендентный характер искусства. Популярная культура — это система индустрии развлечений, в которой коммерциализированные, нетворческие продукты культуры воспроизводятся и распространяются в больших масштабах стандартизированным и унифицированным образом после применения современной науки, техники и технологий средств массовой информации в сфере культуры. «Не только поп-песни, кинозвезды и мыльные оперы приходят и уходят по жесткой и неизменной схеме, но и конкретное содержание самого развлечения также вытекает из этого, и его изменения являются лишь поверхностными изменениями». В этом случае кино, телевидение, музыка, журналы, реклама и т.д. в капиталистическом обществе не являются аутентичной культурой, демонстрирующей творчество людей, а являются товарами на конвейере массового производства. Культура превратилась в коммерческую культуру без индивидуальности. Это человеческое духовное производство, на которое возлагали большие надежды Маркс и Энгельс, развилось в капиталистическое общество и стало инструментом сдерживания народного сознания, соучастником авторитаризма, овеществления человека. Фальшивая, фальшивая, конвейерная «индустрия культуры». С идеологической точки зрения представители Франкфуртской школы вообще считают, что массовая культура является идеологической и является инструментом поддержания буржуазной идеологии, рожденная в условиях капиталистического общества, несомненно, является одним из господствующих инструментов буржуазии. Франкфуртская школа считает, что по сравнению с предыдущим искусством популярная культура более идеологизирована. Люди считают, что «кино является продолжением того, что происходит на улице» посредством содержания, распространяемого через фильмы, романы и рекламу. И они рассеивают внутренние измерения трансцендентности и сопротивления людей, предоставляя все больше и больше обещаний и все лучшие и лучшие развлечения, заставляя людей предаваться существующим удовольствиям, и это

создает своего рода общество, которое кажется демократическим. Иллюзия мира и равенства. Представители мыслителей Франкфуртской школы, такие как Адорно и Хабермас, раскрыли духовную дилемму личности в капиталистическом обществе и лицемерие современной цивилизации. Хабермас предложил своего рода «социально критическое знание». Цель этого типа знания — сохранить знание критическим и саморефлексивным, чтобы не попасть в ловушку позитивизма и объективизма. Если естественнонаучное знание основано на чистом разуме, оно фокусируется на объективной истине, тогда как гуманитарное научное знание отрицает абсолютную рациональность и критикует объективную истину, сосредотачиваясь на значении действующего лица. Но эпистемология Хабермаса идет по третьему пути. «Теория коммуникативного действия», предложенная Хабермасом, фокусируется на intersубъективности, а не на субъективности. Большое значение «теории коммуникативного действия», предложенной Хабермасом, состоит в том, что она преодолевает односторонность «предметно-центрированной рациональности» в господствующей западной философии и тем самым выходит из дилеммы западной субъектной философии. Одно из основных убеждений Хабермаса в теории познания состоит в том, что любое знание возникает из интереса. В то же время экзистенциальный марксизм также является одной из важных школ западного марксизма. Экзистенциальный марксизм в лице французских философов Ж.-П. Сартра и Мерло-Понти. Сартр считал, что «современный марксизм оставляет все конкретные определения человеческой жизни на произвол судьбы, не оставляя после себя ничего, кроме костей абстрактной универсальности». Часто говорят, что существует столько экзистенциализмов, сколько существует существ, но все экзистенциалисты согласны с тезисом, что «существование предшествует сущности». Сартр не является исключением. Он указывал: «Что мы имеем в виду, когда говорим, что существование предшествует сущности? Это означает, что сначала кто-то, человек сталкивается с самим собой и появляется в мире, а затем он определяет себя». Отталкиваясь от положения о том, что «существование предшествует сущности», Сартр указывал, что «человек есть свобода». Сартр считает, что «если существование действительно предшествует сущности, человек никогда не сможет объяснить свои действия, ссылаясь на известную или конкретную человеческую природу. Другими словами, человек свободен, человек есть свобода». Сартр считает, что «реальное существование людей мы можем приписать действиям. Реальность не означает сначала существование, а затем действие, но существование есть действие; прекращение действия означает прекращение существования», самосуществование, а самосуществование должно быть реализовано посредством практической деятельности. ценность, которую они преследуют. Сартр связал человеческую ценность с абсолютной свободой личности, поэтому человеческая ценность, естественно, может быть реализована только посредством самопроектирования и борьбы с собой.

Ценности экзистенциальной философии Сартра тесно вращаются вокруг «я», а суждение Сартра о человеческой ценности полностью основано на «я».

Экзистенциализм конструирует собственные жизненные ценности на основе личности, что по сути все еще является идеей господства буржуазного индивидуализма. Марксизм полагает, что общество и личность представляют собой противоречивое единство. Индивидуальный выбор, замысел, борьба и реализация должны находиться в соответствии с объективными законами общественного и исторического развития и должны сочетаться с потребностями общественного и исторического развития. Общество обуславливает и ограничивает способность личности наконец успешно реализовать свою собственную ценность. Те, кто отрывается от коллектива и отклоняется от потребностей социального развития и прогресса, в конечном итоге будут устранены ходом истории. Экзистенциальный марксизм считает, что основная сущность человека заключается в практике самотворения. По этой причине личная практика должна стать основной отправной точкой диалектического метода, а личная автономия и свобода воли должны

стать источником будущего класса. борьба, которой жаждет марксизм. Он выступает за использование экзистенциализма для понимания индивидуального субъективного жизненного опыта в рамках марксизма для понимания объективных аспектов истории с точки зрения результатов человеческой деятельности. Экзистенциализм подчеркивает связь между человеческим существованием и реальностью и обращает внимание на свободу и достоинство личности.

Вообще говоря, школы и школы западного марксизма имеют свои особенности. Они провели глубокие дискуссии и разработки марксистской теории и обогатили содержание и форму марксизма. Благодаря анализу культуры, рассмотрению индивидуального существования и изучению социальной структуры эти школы предоставили нам полезные идеи и перспективы, позволяющие лучше понимать современные социальные проблемы и реагировать на них.

1. Лян Цицао. Сборник ледяных питьевых комнат: Том 14. Пекин: Книжная компания Чжунхуа, 2015
2. Ма Чи. О современном значении и исторических ограничениях критики популярной культуры [J].95-100.
3. Хоркхаймер, Адорно. Диалектика Просвещения. Перевод Хун Пейю и Линь Юэфэна: Издательство Чунцина, 1990:139.

Изибаиров Д.В.

Коммуникативные теории Франкфуртской школы до Ю. Хабермаса

*ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»
(Россия, Симферополь)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-141

Аннотация

В данной статье рассматриваются основные коммуникативные теории и концепции, разработанные представителями Франкфуртской философской школы до появления работ Юргена Хабермаса, известного автора теории коммуникативного действия. Анализ представленных теорий и концепций философов позволит лучше понять эволюцию мыслей о роли масс-медиа в современном обществе и их воздействие на социальные процессы.

Ключевые слова: коммуникативная теория, коммуникация, Франкфуртская школа, массмедиа, массовая коммуникация, теория коммуникативного действия.

Abstract

This article examines the main communicative theories and concepts developed by representatives of the Frankfurt School of Philosophy before the appearance of the works of Jurgen Habermas, the famous author of the theory of communicative action. The analysis of the presented theories and concepts of philosophers will allow us to better understand the evolution of thoughts about the role of mass media in modern society and their impact on social processes.

Keywords: communicative theory, communication, Frankfurt school, mass media, mass communication, theory of communicative action.

Франкфуртская школа, ставшая одним из ключевых концентраторов философской, социологической, культурологической и психоаналитической мысли XX века, оказала значительное влияние на понимание процессов массовой коммуникации и их социальной роли. Исследования, проводимые представителями этой школы, заложили основы для дальнейшего анализа взаимодействия между медиа, обществом и индивидом. В центре их внимания находились вопросы критического анализа культуры, власти и идеологии, а также влияние технологий на общественное сознание.

Так в критической теории основателя франкфуртской школы Макса Хоркхаймера имелось несколько размышлений о массовой коммуникации, а вернее – о языке, как средстве массовой коммуникации. Анализируя Карла Крауса и его социологию языка, М. Хоркхаймер пришел к выводу, что язык выполняет посредническую роль в «диалоге» между человеком и обществом, становясь, таким образом, «народным языком», отражая в себе общественный контекст. Данный «статус» неизбежно наделяет каждого представителя общества историческим опытом социума, который влияет на дальнейшее понимание и использование языка [6, с 165]. Еще одним выводом, полученным Хоркхаймером в ходе своих исследований, стало то, что в современности язык и мышление выступают параллельными, не связанными процессами, что сужает использование языка лишь использования устоявшихся в обществе клише, подчиняя ему побуждения и действия индивида, а мыслительная деятельность – ограничивается применением ранее приобретенного опыта [6, с 165].

Развивая эту мысль, Макс Хоркхаймер и Теодор Адорно отмечают, что в современном капиталистическом обществе роль массовой коммуникации, выраженной через средства массмедиа, состоит во всеобщем обмане людей, эксплуатируя их желания, оперируя их поведением для достижения поставленных утилитарно-экономических целей [2, с. 46]. В этом ключе Т. Адорно и М. Хоркхаймер утверждают, что основная технология массовой культуры заключается в постоянной отсрочке удовлетворения, сопровождаемой все более откровенными обещаниями, что приводит к самозамыканию массовой культуры в обслуживании созданного ими рынка, низводя человека до потребителя, чьи вкусы формируются культурной индустрией, с целью очередного повторения циклического процесса «деньги – товар – деньги».

С другой стороны, Т. Адорно идет дальше в развитии теорий коммуникации и формирует «коммуникативную стратегию», основную суть которой можно свести к «нацеленности на продуцировании и генерировании среды мультиагентного взаимодействия участников процесса коммуникации» [3, с. 27]. Иными словами, пока характерной особенностью постмодернистского философского восприятия текста была идея «смерти автора» и участия читателя в работе по «дописыванию» произведения, Адорно предлагает создание такой коммуникативной среды, которая бы способствовала участию индивидов в обоюдных ролях «адресата» и «адресанта», вместе с утверждением «каждого из них в качестве самостоятельного агента знания и действия» [3, с. 28]. В этом плане к Адорно был близок его коллега Вальтер Беньямин, который считал, что реципиенты продукта массовой культуры не являются однородной массой, которую автор или ведущий формирует по своему усмотрению, а, напротив, активно участвуют в оценке и развитии медиа через свое восприятие и пространственно-временное взаимодействие [5, с. 240].

Эти идеи развивает другой представитель Франкфуртской школы – Герберт Маркузе, который, в своём знаменитом «Одномерном человеке», пишет, что массовое использование и распространение техники, средств массовой информации и коммуникации приводит к потере «многомерности» человека, превращая его в «рационального индивида», что уже в свою очередь ведет к подчинению его жизни всецелому рациональному планированию и формирует систему «рационального порабощения». Маркузе отмечал, что происходит становление новой основы саморегулирования современного общества, так как старые формы репрессивного подавления уже не выполняют в полной мере заложенные в них функции и замещаются методами коммуникативного манипулирования, навязывая людям ложные «репрессивные потребности» [4, с. VII].

В свою очередь Эрих Фромм, еще один философ старшего поколения Франкфуртской школы, напрямую связывал массовую коммуникацию с рекламой и, по

этому счету, писал, что ранее взаимоотношения между покупателем и продавцом строились напрямую, через непосредственное представительство товара продавцом, из-за чего коммуникация строилась на более личных, равных и обоюдных условиях. Сейчас же в этой цепочке «продавец-товар-покупатель» появилось целое множество дополнительных «ступеней», выражающихся в концептуализации и подготовке товара, его производстве и рекламе и лишь затем в доставке его до покупателя, - в этой новой цепи задействовано большее число людей, не являющихся прямыми выгодоприобретателями от акта продажи [1, с. 38]. Соответственно, коммуникация в указанных условиях так же трансформировалась и стала односторонней и теперь выражается посредством рекламы, которая, в рамках коммуникации, в первую очередь воздействует на чувства и эмоции покупателя, а не на его рациональность, как, по мнению философа, было ранее. Фромм также отмечает, что корни проблем общества, включая преобладание неспособности к критическому мышлению, находятся не в рекламе и СМИ, которые унижают и обезличивают людей, а в самом обществе, которому люди передали правление над собой, ради поддержания иллюзии «настоящей», наполненной быстротечными эмоциями, жизни [1, с. 40].

На основании представленных идей возможно лучше понять истоки становления «теории коммуникативного действия» Юргена Хабермаса, родившейся из размышлений его предшественников, таких как Макс Хоркхаймер, Теодор Адорно, Вальтер Беньямин, Герберт Маркузе и Эрих Фромм, которые подчеркивали значимость массовой коммуникации в современном обществе и указывали на то, что она не только отражает общественный контекст, но и служит инструментом манипуляции, превращая индивидов в потребителей, чьи желания и действия легко манипулируемы.

1. Беседина А. П., Сиротов П. А. Анализ коммуникационной сущности рекламы в философии Э. Фромма // Science Time. 2016. №1 (25). С. 37-40.
2. Гоноцкая, Н. В. Масс-медиа в современном социокоммуникативном пространстве // Философская мысль. 2018. №7. С. 42-54
3. Кузнецов, М.М. Опыт коммуникации в информационную эпоху. Исследовательские стратегии Т.В. Адорно и М. Маклюэна [Текст] / М.М. Кузнецов; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2011. – 143 с
4. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: АСТ, 2002.
5. Чубаров Игорь Теория медиа Вальтера Беньямина и русский левый авангард: газета, радио, кино // Философско-литературный журнал «Логос». 2018. №1 (122). С 233-260.
6. Шушкина А. Г. Хоркхаймер на пути к философии языка // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. №4 (24). С. 159-167.

Тарамова М.С.

Критика аналитического марксизма и её преодоление

*ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
(Россия, Грозный)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-142

Аннотация

Критику аналитического марксизма можно разделить на внутреннюю и внешнюю. Внутренняя критика - это критика конкретных концепций аналитических марксистов сторонниками этого движения, а внешняя критика - это критика аналитического марксизма как движения. В статье рассматривается внутренняя и внешняя критика.

Ключевые слова: движение, история, развитие, течение, функционализм, критика.

Abstract

Criticism of analytical Marxism can be divided into internal and external. Internal criticism is criticism of specific concepts of analytical Marxists by supporters of this movement, and external criticism is criticism of analytical Marxism as a movement. The article examines internal and external criticism.

Keywords: movement, history, development, trend, functionalism, criticism.

Аналитический марксизм крайне гетерогенное течение, поэтому большая часть коммуникации между его участниками может быть описана через дебаты, которые пересекаются и взаимопроникают друг в друга. Так одной из первых тем для разногласий стала интерпретация Коэном исторического материализма. Интерпретация Коэна не устроила критиков по нескольким основаниям. Во-первых, Коэн обосновал историю как развитие техники и её включение в общественный процесс, однако многие тексты Маркса свидетельствуют в пользу иной интерпретации. Во-вторых, многие нашли неубедительным функционализм. В-третьих, сомнительным показалось радикальное отвержение Коэном диалектики. Все эти возражения можно встретить в многочисленных сочинениях Юна Эльстера. Эльстер считает, что диалектика - представление о непреднамеренных последствиях намеренных действий - является главным вкладом Маркса в методологию социальных наук. Тем не менее Эльстер в своей теории диалектики отвергает диалектический материализм, легитимирующий гегелевские ходы мысли в социально-экономическом исследовании. И Коэн и Эльстер ищут правильную методологию для объяснения марксизма. Коэн, отрицая диалектический материализм, находит альтернативу в функциональных объяснениях и защищает их использование в историческом материализме, чтобы сохранить последовательность теории. Эльстер же выступает за методологический индивидуализм, интенциональное объяснение и теорию игр. Он критикует Коэна, приравнивая функциональное объяснение к диалектическому материализму. Иными словами, для Коэна диалектика и диалектический материализм одно и то же - они должны быть заменены функциональными объяснениями, в то время как для Эльстера дело обстоит иначе: методологический индивидуализм должен заменить диалектический материализм, то есть функционализм. Эльстер считал функциональное объяснение произвольным, неоднозначным и непоследовательным, а также обвинял Коэна в примитивных взглядах на философию науки, которые он назвал наивным верификационизмом из-за неспособности указать какой-либо механизм, который бы оправдывал утверждение функциональных объяснений, на основании наблюдений. Для Эльстера функциональные объяснения не работают без наличия адекватного микрооснования - эгоистичного и рационального социального актора. В ходе дальнейшей дискуссии Коэн заявил, что исторический материализм содержит каузальное функциональное объяснение и неинтенциональное объяснение, а Эльстер признал, что методологический индивидуализм и функциональное объяснение не обязательно несовместимы, учитывая существование неявного механизма, связывающего их, который объясняет, почему происходят те или иные события.

Таким образом, противопоставление каузального объяснения и функционального объяснения исчезает, поскольку функциональное объяснение может рассматриваться как подмножество каузального объяснения. Таким образом, позиции Эльстера и Коэна сближаются: они придерживаются одного и того же подхода, но с разными формами конкретизации. Они оба утверждают, что марксизм должен избегать диалектического материализма и использовать инструменты аналитической философии, чтобы быть понятным. Многие аналитические марксисты также критиковали Коэна и отвергали исторический материализм как общую теорию истории, однако предположение о рациональности, выдвинутое Коэном, было достаточно общим, чтобы служить обоснованием марксизма рационального выбора. Юн Эльстер, а также Джон Рёмер и Адам Пшеворски - основные представители «марксизма рационального выбора».

Марксизм рационального выбора - это основная парадигма внутри аналитического марксизма. Её представители используют теорию рационального выбора, традиционно используемую для оправдания и защиты капитализма, в качестве критического оружия против него. Таким образом, наибольшую критику за методологическую неадекватность получили исторический материализм Коэна (функционализм) и марксизм рационального выбора Эльстера и Рёмера (методологический индивидуализм). Тем не менее самое значимое разногласие было связано не с методологией аналитического марксизма, а с его целью. Аналитический марксизм как движение имеет несколько отличительных черт. Во-первых, признаётся, что не существует отдельного и ценного марксистского метода. Вместо этого аналитические марксисты черпают различные позитивные методологические подходы в буржуазной науке и философии. Во-вторых, переопределяется «марксизм». Аналитические марксисты сопротивляются отношению к марксизму как единой теоретической сущности, которую можно либо полностью принять, либо полностью отвергнуть. Признаётся множественность марксизмов и необходимость недогматичного исследования наследия Маркса. Это приводит к критическому отношению к некоторым основополагающим «марксистским» положениям. В-третьих, провозглашаются наличие собственных нормативных обязательств и утверждается важность создания проекта социализма. Соответственно, противники аналитического марксизма критикуют эти аспекты, поэтому их критику можно сгруппировать на три кластера: методологический, содержательный и нормативный. Одни критики, утверждают существование метода, который превосходит буржуазные инструменты, принятые в аналитическом марксизме. Многие могут заявить, что марксизм обязательно привержен диалектическому подходу, который аналитические марксисты обязаны отвергать. Такой тип критики обычно сводится к тому, что, переводя содержательные проблемы традиционного марксизма на язык современной социальной науки, аналитический марксизм утратил то ценное, что в них было.

Также аналитические марксисты, видимо, упустили отличительную характеристику марксизма от предшествующего социализма, а именно центральную роль системы труда в изложении Марксом человеческого общества эти критические замечания кажутся неудовлетворительными по нескольким причинам. Во-первых, будущее аналитического марксизма выглядит открытым, критики аналитического марксизма не учитывают, что на данный момент может быть уместна лишь весьма предварительная оценка аналитического марксизма как исследовательской программы. Некоторые из этих критических замечаний выглядят односторонними, не делая достаточных усилий для рассмотрения потенциальных достижений этого движения.

Стремление к ясности, тщательная проработка и честность по отношению к аргументам являются важными интеллектуальными достоинствами и напоминают об их значимости, а эволюционирующая трактовка основных марксистских проблем - включая историческое развитие, класс и эксплуатацию - отражает и подтверждает открытость к науке, разуму и эмпирическим данным.

Аналитический марксизм признает и продолжает некоторые ценные, но часто игнорируемые элементы мысли самого Маркса. Тем не менее это не означает неуязвимость аналитического марксизма к этим трём группам вопросов. Обозначим второй вариант возможной критики, учитывающий высказанные выше замечания. Во-первых, аналитический марксизм заявляет своей целью избавление традиционного марксизма от брежни, однако эта категория проблематична. Коэн особенно интересуется та разновидность брежни, жертвой которой он почти стал в юности. Она характеризуется как бессмыслица (nonsense) или «непроясняемая неясность».

Бессмыслица - это предложение, которое, хотя и кажется осмысленным, поскольку синтаксически хорошо сформировано, на самом деле таковым не является. Так или иначе попытка Коэна определить брежню как-то, что является не поддающейся разъяснению бессмыслицей, по-видимому, не удастся, поскольку Коэн не смог определить

бессмыслицу простым и убедительным образом. Он признает сложность создания теории бессмыслицы, поскольку это предполагает определение «ясности», что, по его признанию, не так-то просто сделать. Возможно, нам следует воспринимать одержимость стремления к ясности и строгости как другую форму брехни. Иными словами, Коэн допускает, что в бессмыслице всегда виноват автор, но не сам мир. Тем не менее может быть так, что некоторые предложения неясные из-за того, что имеющиеся в неязыковом мире факты не устанавливаются однозначно тем или иным образом, то есть имеет место метафизическая неопределенность.

Аналитический марксизм внёс вклад в развитие новой исследовательской парадигмы, критически осмысляющей марксизм при помощи инструментов аналитической философии, что было невозможно в рамках парадигмы марксизма-ленинизма.

1. Маркс К. Капитал: критика политической экономии. Том 2 / Маркс К. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1951. 530 с.
2. Новак Д. Е. Социологическая теория Эрика Райта: концепция классовых структур, эксплуатации и противоречивых классовых позиций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. № 4. С. 10-20 26.

Тарамова М.С.

Эмансипирующая социальная наука

*ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
(Россия, Грозный)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-143

Аннотация

В социально справедливом обществе все люди будут иметь в целом равный доступ к материальным и социальным средствам, необходимым для жизни в достатке. «Равный доступ» - это критерий равенства, который схож с идеей «равных возможностей». Разница в том, что равные возможности удовлетворялись бы справедливой лотереей, в которой некоторые люди получали бы достаточные средства для процветающей жизни, в то время как другие живут в крайней нищете, при условии, что у каждого из них есть равные шансы выиграть в лотерею.

Ключевые слова: эмансипация, наука, социальная справедливость, процветания жизни.

Abstract

In a socially just society, all people would have roughly equal access to the material and social resources necessary to live a prosperous life. "Equal access" is a criterion of equality that is similar to the idea of "equal opportunity." The difference is that equal opportunity would be satisfied by a fair lottery in which some people would receive sufficient resources to live a prosperous life while others live in abject poverty, provided that each of them has an equal chance of winning the lottery.

Keywords: emancipation, science, social justice, prosperous life.

Эмансипирующая социальная наука стремится генерировать научные знания, имеющие отношение к коллективному проекту борьбы с различными формами человеческого угнетения. Программа эмансипирующей социальной науки включает в себя четыре основные задачи: во-первых, определение моральных принципов для оценки социальных институтов, во-вторых, использование этих моральных принципов в качестве стандартов для диагностики и критики существующих институтов, в-третьих, разработка

жизнеспособных альтернатив в ответ на критику, в-четвертых, предложение теории трансформации для реализации этих альтернатив. В разные времена и места те или иные задачи могут быть более актуальны, чем другие, но все они необходимы для всеобъемлющей теории освобождения. В основе анализа Райта лежит то, что можно назвать радикально демократическим эгалитарным пониманием справедливости. Оно опирается на три аспекта справедливости: равенство, демократию и устойчивость развития. Капитализм по своей природе порождает высокий уровень неравенства и тем самым увековечивает устранимый дефицит человеческого процветания, это может быть связано с огромными масштабами неравенства в доходах и богатстве, порождаемыми капиталистическими рынками. Последствия этих форм экономического неравенства усиливаются систематическим недополучением важнейших общественных благ. Люди с высокими доходами могут заменить дорогие и качественные частные товары в случае отсутствия общественных благ для удовлетворения различных потребностей (образование, здравоохранение, общественная безопасность и отдых). Люди с более низким уровнем дохода вынуждены полагаться на общественные блага, которые неизбежно плохо предоставляются капиталистическими рынками. В политически справедливом обществе все люди будут иметь равный доступ к необходимым средствам для конструктивного участия в принятии решений по вопросам, которые влияют на их жизнь. Это включает в себя как свободу людей делать выбор, который влияет на их собственную жизнь как отдельных личностей (индивидуальная свобода), так и их способность участвовать в коллективных решениях, которые влияют на их жизнь как членов более широкого сообщества (демократия). Капитализм порождает серьезные недостатки в реализации демократических ценностей по трем причинам: исключая важнейшие решения из общественного обсуждения, позволяя частному богатству влиять на доступ к политической власти, и позволяя появляться диктатурам на рабочих местах. Будущие поколения должны иметь доступ к социальным и материальным условиям для процветающей жизни, по крайней мере, на том же уровне, что и нынешнее поколение. Такое понимание экологической устойчивости тесно связано с принципом равенства, являясь его распространением на будущие поколения. Капитализм по своей сути угрожает качеству окружающей среды для будущих поколений из-за императивов консюмеризма и бесконечного роста материального производства. Мир конечен; бесконечный рост материального потребления просто несовместим с долгосрочной устойчивостью, окружающей среды. Поскольку капитализм проваливает все три нормативных стандарта, возникает потребность в альтернативе. Альтернативы могут быть оценены с точки зрения желательности, жизнеспособности и их достижимости. Утопист беспокоится о желательности, но игнорирует жизнеспособность или достижимость.

Изучение реальных утопий требует понимания этих двух других измерений. О жизнеспособности можно узнать, ответив на вопрос: если бы мы смогли создать эту альтернативу, сможем ли мы остаться в ней или она приведет к таким непредвиденным последствиям и саморазрушительной динамике, что она не будет устойчивой? О достижимости же мы можем узнать, задав вопрос касательно жизнеспособной альтернативы: как нам перейти отсюда туда? Райт, предлагая жизнеспособные альтернативы капитализму, строит свою аналитическую модель, основанную на типологии власти. Власть - это способность делать что-то в мире, производить эффект. Мы можем выделить три вида власти, развертываемой в рамках экономических систем: экономическая власть, основанная на контроле над использованием экономических ресурсов; государственная власть, основанная на контроле над установлением правил и их исполнением на территории; и социальная власть, которая коренится в способности мобилизовать людей для совместных, добровольных коллективных действий. Иными словами, можно заставить людей делать что-то, подкупив, принудив или убедив их. В каждой экономической системе задействованы все три формы власти, но по-разному связанные между собой. Райт выделяет три идеальных типа (в смысле М. Вебера)

экономических структур - капитализм, этатизм и социализм - которые разделяются по доминирующей форме власти, контролирующей экономическую деятельность.

При капитализме экономическая деятельность контролируется через осуществление экономической власти, при этатизме - через осуществление государственной власти, а при социализме - социальной власти (это эквивалентно тому, чтобы сказать, что экономика демократическая). Эти три формы экономической структуры никогда не существуют в мире в чистом виде, но всегда сочетаются в различных сложных формах. Реальные экономические системы - это всегда гибриды, которые варьируются в зависимости от того, как эти различные формы власти имеют место¹⁶⁷. В условиях существования современного гражданского общества, как утверждает Райт, не существует институциональных механизмов, которые могли бы организовать демократический контроль над производством и распределением товаров и услуг, поэтому Райт стремится определить основные пути усиления социальной власти, которые позволили бы ей в будущем стать основным организующим принципом экономики. Эти различные направления распространения социальной власти и есть «реальные утопии», поскольку с их помощью Райт стремится реализовать идеалы всеобщего равенства, которые были бы жизнеспособными институциональными образованиями. К их числу, например, относятся: Википедия (как эгалитарная альтернатива науке), публичные библиотеки, безусловный базовый доход, кооперативы в собственности рабочих, бюджетирование с участием населения и т.д. Особое внимание Райт уделяет рыночному социализму и безусловному базовому доходу. Наконец Райт выделяет три логики трансформации: разрыв, внедрение и симбиоз. Они соответственно отражают три антикапиталистические движения: революционный социализм (коммунизм), некоторые разновидности анархизма и социальную демократию.

Модель разрыва предусматривает создание новых институтов, расширяющих социальные возможности и права, через полную трансформацию существующих институтов и социальных структур. При преобразованиях по модели внедрения предпринимается попытка воплотить новые формы «социального усиления» там, где они не несут непосредственной угрозы господствующим классам, а симбиотические преобразования предполагают стратегии, при которых расширение и углубление институциональных форм «социального усиления» широких масс одновременно способствуют решению определенных практических проблем, стоящих перед господствующими классами и элитами. Таким образом, исторический материализм, понимаемый как тезис о неизбежности пролетарской революции и социализма, оказывается необоснованной идеей.

Реконструкция Коэна показывает возможность существования лишь ограниченной версии марксистской теории истории, напоминающей по своей структуре эволюционную теорию, которая хорошо обосновывает прошлое, но не будущее. Эльстер и Райт придерживаются другой интерпретации теории истории Маркса, выделяя в ней классовую борьбу как центральный элемент теории, однако они также считают будущее контингентным. Как результат, аналитические марксисты обращают свое внимание на людей и их ценности, преобразуя марксизм в этическую теорию. Следует отметить, что трактовка аналитическими марксистами основных социалистических принципов оказывается совместимой друг с другом. Более того, они опираются на сходные посыпки: неразрешимость экологического кризиса при капитализме, проблема экономического неравенства, важность уважения и самоуважения в социальных интеракциях и т.д. Важным пунктом их позиции является отвержение государственного социализма в пользу различных видов рыночного социализма.

1. Новак Д. Е. Социологическая теория Эрика Райта: концепция классовой структуры, эксплуатации и противоречивых классовых позиций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. № 4. С. 10-20 26.
2. Нозик Р. Анархия, государство и утопия / пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. М.: ИРИСЭН, Социум, 2019. 424 с.

Тарамова М.С.¹, Сугаипова Э.И.²

Фундаментальная цель социализма и нормативности

¹ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

²ФГБОУ ВО «Чеченский педагогический университет»

(Россия, Грозный)

doi: 10.18411/trnio-11-2024-144

Аннотация

Когда марксисты верили, что социализм неизбежен, не было необходимости объяснять, почему он желателен. Однако аналитические марксисты больше не верят в неизбежность пролетарской революции, поэтому они стали прояснить нормативные основания своей приверженности социализму или коммунизму. Фундаментальная цель аналитического марксизма - дать критику либеральных теорий справедливости и предложить им социалистическую альтернативу.

Ключевые слова: справедливость, марксизм, рабочий класс, коллективность, аргументы.

Abstract

When Marxists believed that socialism was inevitable, there was no need to explain why it was desirable. However, analytical Marxists no longer believe in the inevitability of proletarian revolution, so they have begun to clarify the normative bases for their commitment to socialism or communism. The fundamental goal of analytical Marxism is to provide a critique of liberal theories of justice and to offer them a socialist alternative.

Keywords: justice, Marxism, working class, collectivity, arguments.

Адекватность традиционной марксистской теории перехода от капитализма к социализму подрывается тем фактом, что коллективная способность рабочего класса бросить вызов структурам капиталистической власти, похоже, снижается в зрелых капиталистических обществах, поэтому для успеха социалистических партий необходимо привести аргументы, почему социалистическое общество более желательно, чем современный капитализм.

В связи с этим аналитические марксисты отказываются от «утопофобии» Маркса и Энгельса, отвергая их мнение, что детальное описание социалистического будущего невозможно и не нужно. Вместо этого они признают необходимость проектирования социализма, стремясь разработать последовательные и достоверные описания: ценностей социализма; институциональных механизмов, которые могли бы наилучшим образом воплотить и продвинуть эти ценности; а также форм, к которым может привести переход к этим альтернативам капитализму. Так Эрик Олин Райт выражает этот сдвиг в марксистской теории, обращаясь к метафоре путешествия. Если марксисты прошлого использовали карту, показывающую маршрут до точки назначения, то современным марксистам, ввиду невозможности создания такой социальной теории, доступен только компас.

Этим социалистическим компасом являются различные социалистические ценности - самореализация (Эльстер), сообщество и равенство (Коэн), индивидуальная свобода и демократия (Райт) - это принципы, которые помогают нам понять движимся ли мы в правильном направлении. Юн Эльстер анализирует самореализацию как социалистическую ценность, для этого он обращается к философской антропологии Маркса и его теории отчуждения. Важной особенностью философской антропологии Маркса является внимание к потребностям (need) и возможностям (capacity) человека. Под потребностью понимается субъективно воспринимаемая склонность в отношении объектов в широком смысле (например, потребность в книгах). Склонность же к конкретным объектам называется желанием (например, желание книги). Человеческая

природа может быть описана и оценена в терминах потребностей и способностей, а развитие человечности происходит через взаимодействие между потребностями и возможностями человека. По Марксу, хорошее общество - это то общество, где люди имеют много потребностей и много способов удовлетворения этих потребностей. Капиталистическое общество не является хорошим обществом, поскольку капитализм дефектен как в количестве людских потребностей, так и в их реализации. Потребности взаимосвязаны, не все потребности существуют одновременно и не все существующие потребности можно одновременно удовлетворить. Откуда же берутся новые потребности? Зачастую удовлетворение одной потребности порождает другую. Посредствующим звеном в этом процессе служит развитие новых человеческих когнитивных, творческих и производственных способностей. Главным препятствием, связанным с развитием человеческих способностей, является отчуждение. Отчуждение предстаёт в двух формах как духовное отчуждение и как овеществление. Духовное отчуждение предстаёт как отсутствие ощущения смысла, а овеществление как сила, которую продукты человеческой деятельности могут обрести над своими создателями.

Самореализация ценна, поскольку само-актуализация подвержена возрастающей предельной полезности, а само-экстериоризация - самый важный источник самоуважения. Эльстер считает, что теория Маркса является утопической, поскольку самореализация хоть и должна быть свободной (в смысле отсутствия принуждения), но не может быть полной. Дело не только в том, что Маркс пренебрегает необходимостью выбирать между тем, чтобы быть мастером на все руки и мастером по крайней мере чего-то одного. Важнее то, что такой способ осуществления идеала самореализации потерпел бы поражение, поскольку не позволил бы человеку воспользоваться преимуществами возрастающей предельной полезности, что является основной причиной предпочтения этого вида деятельности перед потреблением - противоположностью само-актуализации, в процессе осуществления которой предельная полезность убывает. Джеральд Коэн также исследует социалистические принципы. В работе «Почему бы и не социализм?» Коэн описывает социалистический идеал, сравнивая его с походом в компании друзей. В нём нет никакой иерархии, есть набор ресурсов, на эксклюзивное пользование которыми никто не претендует, снаряжение используется коллективно, а разные люди обладают разными вкусами и талантами. Цель этого похода состоит в том, чтобы каждый мог получать удовольствие от того, что ему или ей больше всего нравится, и чтобы каждый вносил свой вклад в общее дело по мере своих возможностей. Иными словами, этот поход реализует два принципа социализма: принцип эгалитаризма и принцип сообщества. Когда преобладает социалистическое равенство возможностей (принцип эгалитаризма), различия в результатах отражают не что иное, как различия во вкусах и выборе, а не различия в природных и социальных способностях и силах. Так, например, при социалистическом равенстве возможностей различия в доходах возникают тогда, когда они отражают не что иное, как различные индивидуальные предпочтения. Люди ответственны за свою добровольную удачу, и рискованные решения, которые оказываются неудачными, приводят к тому, что справедливость требует, чтобы люди оказывались в плохих условиях. Сильное невезение может поставить людей в тяжелые экономические условия. Коэн отмечает, что, хотя такое неравенство «не осуждается справедливостью, оно, тем не менее, отвратительно для социалистов». Здесь мы находим причину того, почему принцип справедливости должен сдерживаться принципом сообщества.

Принцип сообщества, по мнению Коэна, требует, чтобы «люди заботились друг о друге и, где это необходимо и возможно, заботились о том, что они заботятся друг о друге». Цель мысленного эксперимента Коэна показать, что поход с преобладанием рыночных ценностей не так предпочтителен, как обычный поход, следовательно, социалистическое устройство хотя бы иногда может быть лучшей альтернативой капиталистическому, а поэтому имеет смысл распространить образ похода на всё

общество. Распространяя этот образ, Коэн, однако, сталкивается с проблемой реализации социализма. Существует три варианта социализма, каждый из которых имеет свой недостаток: государственный социализм с плановой экономикой экономически неэффективен, рыночный социализм, напротив, недостаточно эгалитарен, а идеальный социализм возможно вообще нереализуем. Тем не менее Коэн считал, что рыночный социализм наиболее предпочтителен на практике. Это устройство общества, которое сохраняет рынок, но модифицирует его таким образом, чтобы он минимально противоречил эгалитаризму. Иными словами, для Коэна ценность справедливости и ценность эффективности находятся в конфликте, поэтому возникает необходимость размена: нельзя отказаться от рынка, не пожертвовав эффективностью, и также нельзя принять его полностью, не пожертвовав справедливостью. Идея совмещения эгалитаризма и рынка была свойственна и Ролзу, однако Коэн не согласен с ним. Во-первых, «справедливость как честность» предполагает, что справедливость - это добродетель институтов, а не людей - Коэн же считает, что справедливость не может быть достигнута исключительно за счёт подчинения принуждающим законам, необходим также этос справедливости, который служит основой для индивидуального выбора.

По мнению Коэна, конфликта между свободой (как её понимают либертарианцы) и равенством нет. На самом деле, не совместимой с самопринадлежностью оказывается - настоящая свобода, интересующая Коэна - автономия. Также Коэн спорит с Марксом. Он пишет: «Мы больше не можем поддерживать экстравагантный, доэкологический, материалистический оптимизм Маркса». То есть Коэн отказывается от марксистского предсказания изобилия и приводит в защиту предпочтительности социализма экологический аргумент. Согласно этому аргументу, мы уже находимся в экологическом кризисе, выход из которого представляет собой значительное сокращение среднего потребления ископаемых носителей и естественных ресурсов, осуществляемый за счёт перехода от капитализма к социализму. В социально справедливом обществе все люди будут иметь в целом равный доступ к материальным и социальным средствам, необходимым для жизни в достатке. «Равный доступ» - это критерий равенства, который схож с идеей «равных возможностей». Разница в том, что равные возможности удовлетворялись бы справедливой лотереей, в которой некоторые люди получали бы достаточные средства для процветающей жизни, в то время как другие живут в крайней нищете, при условии, что у каждого из них есть равные шансы выиграть в лотерею.

1. Новак Д. Е. Социологическая теория Эрика Райта: концепция классовых структур, эксплуатации и противоречивых классовых позиций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. № 4. С. 10-20 26.
2. Нозик Р. Анархия, государство и утопия / пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. М.: ИРИСЭН, Социум, 2019. 424 с.

Тарамова М.С.¹, Сулейманова Р.Р.²

Марксистская программа классового анализа

¹ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

²ФГБОУ ВО «Чеченский педагогический университет»

(Россия, Грозный)

doi: 10.18411/trnio-11-2024-145

Аннотация

Если марксистская теория истории объясняет, как социальные формации сменяют друг друга, то, марксистская социология - как связаны между собой элементы внутри социальной формации. В русле марксистских теорий классы могут быть кратко определены как общие позиции в рамках социальных производственных отношений,

однако среди марксистов нет единого мнения относительно того, какие классы существуют при современном капитализме.

Ключевые слова: марксистская социология, социальная формация, классовый анализ.

Abstract

If Marxist theory of history explains how social formations replace each other, then Marxist sociology explains how elements within a social formation are related. In the mainstream of Marxist theories, classes can be briefly defined as common positions within the framework of social production relations, but there is no consensus among Marxists regarding what classes exist under modern capitalism.

Keywords: Marxist sociology, social formation, class analysis.

Важнейший вклад в развитие марксизма с позиции социальной формации был осуществлён Юном Эльстером и Эриком Олином Райтом.

Первый - включил в марксизм методологический индивидуализм, взгляд согласно которому все социальные явления макроуровня в принципе сводятся к объяснению на микроуровне, затрагивающем только индивидов и их свойства.

Второй - обновил теорию классов и эксплуатации, что позволило обосновать не-технологический взгляд на теорию истории в марксизме. Фундаментом для этой альтернативной теории является высказывание из «Манифеста коммунистической партии»: «история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов».

Получается, что точкой отсчета марксистского анализа является анализ структуры классовых отношений - поля, на котором разворачивается классовая борьба и происходят социальные изменения - чей анализ влияет на осознание того, что способствует изменениям и что их ограничивает. Таким образом, класс оказывается основным понятием марксистской теории. Теорию классов можно назвать марксистской, когда верны три утверждения:

Во-первых, классы скорее определяются через отношения к другим классам, нежели через градацию между ними.

Во-вторых, эти социальные отношения анализируются на основе понятия «способ производства», а не с точки зрения технологической организации экономических отношений.

В-третьих, в рамках социальной организации экономических отношений классовые отношения прежде всего определяются социальными отношениями в процессе производства, а не социальными отношениями в процессе обмена.

Все марксисты соглашаются, что наемные работники, занятые физическим трудом в промышленности, принадлежат к рабочему классу. Такой взгляд на классовую структуру современных капиталистических обществ является неверным, поскольку он разрывает связь между анализом классовой структуры и образованием класса посредством включения в рабочий класс социальных позиций с фундаментально противоположными классовыми интересами. Сторонники простой поляризации правы в утверждении, что менеджеров, не являющихся высшими руководителями, не следует включать в класс капиталистов, однако из этого не следует, что они принадлежат к рабочему классу. Поскольку большинство менеджеров имеют какую-либо степень контроля, они не попадают ни в рабочий класс, ни в буржуазию, именно по этой причине вводится концепция «противоречивых позиций в классовых отношениях». Согласно точке зрения Райта, существуют «противоречивые классовые позиции», объективно тяготеющие к разным классам. Многие из позиций, охватываемых понятием «средний класс», находятся именно в таком противоречивом положении, то есть они в рамках процесса производства не попадут в один класс однозначно. Согласно модели Райта,

существуют три взаимосвязанные аспекта господства и подчинения в рамках производства. Каждый из этих аспектов включает социальную связь господства и подчинения по отношению к какому-либо ресурсу в процессе производства: денежному капиталу (потоку инвестиций в производство и направлению общего процесса накопления прибавочной стоимости), физическому капиталу (реальным средствам производства в рамках процесса производства) и труду (деятельности непосредственных производителей в рамках производства). Эти отношения могут быть охарактеризованы как отношения господства и подчинения, поскольку в одних позициях люди имеют способность контролировать какой-либо ресурс, а в других они оказываются отчуждены от такого контроля. При этом эти отношения никогда не существуют автономно - каждый из них является необходимым условием существования других. Социальные отношения контроля над денежным капиталом структурируют или ограничивают отношения контроля над физическим капиталом, который, в свою очередь, ограничивает непосредственный контроль над трудом в рамках производства. Райт выделяет 7 классов. Основные классовые отношения между трудом и капиталом являются антагонистическими по всем этим трем аспектам. Класс капиталистов занимает господствующую позицию с точки зрения социальных отношений контроля над денежным капиталом, физическим капиталом и трудом, а рабочий класс занимает по всем аспектам подчиненное положение.

Менеджеры и мастера занимают противоречивую позицию между рабочим классом и классом капиталистов. Как и рабочий класс, они отчуждены от контроля над денежным капиталом, от основных решений, касающихся распределения инвестиций и управления накоплением; однако они имеют определенный контроль над физическими средствами производства и над трудом, что различает их от рабочих. Высокопоставленные менеджеры занимают самые близкие позиции к классу капиталистов, а позиции мастеров находятся ближе всего к рабочему классу. Мелкие работодатели занимают противоречивую позицию между мелкой буржуазией и классом капиталистов.

В отличие от мелкой буржуазии, они используют наемную рабочую силу и, следовательно, являются эксплуататорами по отношению к рабочим. С другой стороны, в отличие от класса капиталистов, они сами непосредственно заняты в процессе производства наравне со своими работниками, и кроме этого они не используют достаточного количества рабочей силы, чтобы накопить значительный капитал. Полуавтономные работники занимают противоречивую позицию между мелкой буржуазией и рабочим классом. Как и последний, они отчуждены от контроля над денежным капиталом и над работой других, но также, как и мелкая буржуазия, они имеют некоторый реальный контроль над своими непосредственными физическими средствами производства, над своей непосредственной деятельностью в процессе труда.

Другой концептуальной основой социологического марксизма является эксплуатация. Она связывает марксистский концепт класса с отчетливо марксистской программой классового анализа. Эксплуатация используется для обозначения конкретной формы взаимозависимости материальных интересов людей, а именно для характеристики ситуации, которая удовлетворяет трем критериям.

Во-первых, материальное благосостояние эксплуататоров находится в причинно-следственной зависимости от материальных лишений эксплуатируемых (принцип обратной взаимозависимости благосостояния).

Во-вторых, эта обратная взаимосвязь между благосостоянием эксплуататоров и эксплуатируемых является следствием исключения доступа эксплуатируемых к определенным производственным ресурсам (принцип исключения).

В-третьих, исключение создает материальную выгоду для эксплуататоров, поскольку позволяет им присваивать трудовые усилия эксплуатируемых (принцип присвоения). Эксплуатация тесно связана с господством, то есть социальным

отношением, в рамках которого деятельность одного человека управляется и контролируется другим человеком. Господство проявляется в принципе исключения и часто сочетается с принципом присвоения. Таким образом, эксплуатация именуется процессом, посредством которого неравенство в доходах порождается неравенством в правах и полномочиях в отношении производственных ресурсов.

Суть тезиса об общественном воспроизводстве классовых отношений состоит в том, что деятельность институтов общественного воспроизводства постоянно необходима. Ни один тип социальных отношений не может продолжать свое существование в своей изначальной форме по инерции, поэтому их функционирование всегда сопровождается деятельностью, поддерживающей их существование. Эта деятельность называется социальным воспроизводством. Социальное воспроизводство осуществляется при помощи таких механизмов как принуждение, правила, идеология, культура и материальные интересы. Социальное воспроизводство также может быть пассивным или активным. Пассивное воспроизводство относится к тем аспектам социального воспроизводства, которые закреплены в рутине и повседневной жизни. Пассивное социальное воспроизводство - это просто побочный продукт того, как повседневная деятельность людей вступает своего рода самоподдерживающееся равновесие, в котором диспозиции и выбор акторов порождают набор взаимодействий, которые укрепляет эти склонности и выбор. А активное социальное воспроизводство, напротив, является результатом деятельности конкретных институтов и структур, которые, по крайней мере частично, призваны служить целям социального воспроизводства. Сюда входит широкий спектр институтов: полиция, суды, государственное управление, образование, СМИ, церкви и так далее. Из-за своего эксплуататорского характера классовые структуры являются крайне нестабильными формами общественных отношений, требуя активных институциональных механизмов своего воспроизводства. Типичным обстоятельством для такого обновления является институциональный кризис, то есть ситуация, в которой организованные социальные субъекты, в особенности классовые акторы, начинают ощущать, что система институциональной поддержки не справляется со своими задачами, поскольку утрачивает способность сдерживать классовые конфликты в допустимых пределах. Такое обновление может быть, как частичным, так и связанным с изменениями всей институциональной конфигурации. Однако, это не означает, что вводимые новые институциональные решения будут носить оптимальный характер, или, что капитализм рухнет из-за неоптимального институционального устройства.

1. Лукач Д. История и классовое сознание. Хвостизм и диалектика. Тезисы Блюма (фрагменты) / пер. с нем. яз., коммент., вступит. статья, указ. С. П. Поцелуева. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 608 с. 21.
2. Маркс К. Капитал: критика политической экономии. Том 2 / Маркс К. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1951. 530 с.

Упоров И.В.

**Научно-технический прогресс (IT-технологии) и будущее цивилизации:
позитив не гарантирован**

*Краснодарский университет МВД России
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-146

Аннотация

Начало XX в. однозначно характеризуется невиданными масштабами распространения цифровых технологий. Эти достижения научно-технического прогресса внедряются в самые разные сферы общественно-политической и социально-экономической жизни, и, бесспорно, приносят немалую пользу. Однако ситуация развивается таким образом, что IT-технологии несут в себе не только позитивный, но и

негативный потенциал. В статье раскрываются некоторые аспекты этой проблемы, актуальность которой возрастает с каждым годом, поскольку научно-технический прогресс не стоит на месте, и сейчас, например, мошенники, используя возможности искусственного интеллекта, в свой арсенал добавляют создание и использование дипфейков с целью хищения денежных средств пользователей смартфонов и совершения иных общественно опасных деяний. В этой связи философско-социологических позиций ставится вопрос о взаимоотношениях «общество-искусственный интеллект». Отмечается, в частности, что в таком контексте вопрос был поставлен значительно раньше, например, в пьесе Карела Чапека (1920-е гг.) говорится о том, как созданные людьми роботы («искусственные люди») уничтожили настоящих людей. И сейчас, когда, в глобальном масштабе, человечество перешло в стадию потребительского общества, некогда фантастический сценарий получает условия для возможной реализации, во всяком случае, становятся заметными признаки деградации современной цивилизации, поскольку научно-технический прогресс отнюдь не гарантирует только позитив в будущем человечества, соответственно необходимо принимать соответствующие меры.

Ключевые слова: человек, общество, искусственный интеллект, потребительство, цивилизация, научно-технический прогресс, IT-технологии.

Abstract

The beginning of the 20th century is clearly characterized by an unprecedented scale of digital technologies. These achievements of scientific and technological progress are being introduced into various spheres of socio-political and socio-economic life, and, undoubtedly, bring considerable benefits. However, the situation is developing in such a way that IT technologies carry not only positive, but also negative potential. The article reveals some aspects of this problem, the relevance of which is increasing every year, since scientific and technological progress does not stand still, and now, for example, fraudsters, using the capabilities of artificial intelligence, add to their arsenal the creation and use of deepfakes in order to steal money from smartphone users and commit other socially dangerous acts. In this regard, philosophical and sociological positions raise the question of the relationship "society - artificial intelligence". It is noted, in particular, that in such a context the question was posed much earlier, for example, in the play by Karel Capek (1920s) it is said how robots created by people ("artificial people") destroyed real people. And now, when, on a global scale, humanity has entered the stage of a consumer society, the once fantastic scenario receives conditions for possible implementation, in any case, signs of degradation of modern civilization are becoming noticeable, since scientific and technical progress does not guarantee only positive things in the future of humanity, accordingly, it is necessary to take appropriate measures.

Keywords: man, society, artificial intelligence, consumerism, civilization, scientific and technological progress, IT technologies.

Проблема взаимоотношений людей и роботов («искусственных людей») на уровне цивилизационного масштаба была поднята еще сто лет назад, причем не инженерами или учеными, а мастерами художественного слова. Так, в 1920г. известный литератор Карел Чапек написал пьесу «Россумские универсальные роботы». Вкратце фабула следующая. Некий ученый Россум решил опровергнуть существование бога, для чего предпринял попытку создать искусственных людей, и ему после длительных и многочисленных экспериментов это удалось. Однако сын ученого - Россум-младший был более прагматичен, и решил получать прибыль из выращивания и продажи роботов, предельно упростив способности этих существ, то есть оставив им только знания и умения (никаких чувств, желаний, потребностей), необходимые для выполнения самых разных работ, необходимых людям в их повседневной жизни – наподобие слуг (рабов). При этом если у роботов происходили мутации, приближавшие их к настоящим людям, то такие роботы подлежали уничтожению. И проект Россума-младшего, казалось бы, сбился – он

освободил людей от унижительного труда по созданию условий своего существования. Но затем в результате различных действий героев пьесы мутации среди роботов перестали пресекаться, роботы получили людское сознание, и подняли восстание против людей, уничтожив их всех. Однако роботы не смогли восстановить тайную формулу (способ) выращивания самих себя, и тоже все погибли, и остались только двое – Адам и Ева, которым суждено будет начать отсчет новой цивилизации.

В этой связи отметим, что роботы по сюжету указанного произведения были необходимы для облегчения жизни человека, освобождая его от множества бытовых, экологических и прочих забот (само слово «робот» в переводе с чешского языка означает «тяжелую работу», «каторгу», а робот – это «раб»), и предоставляя тем самым человеку возможности заниматься высоким и достойным его предназначением. Вероятно, это можно сравнить с рабовладельцами позднего Древнего Рима, занимавшихся военным делом, образованием, искусством, наукой, предававшихся разного рода удовольствиям, и достигшими больших результатов, многими из которых можно восхищаться и сегодня [1], то есть, по выражению Н.И. Ромаха, древние римляне демонстрировали высочайший уровень «культурогенности» [2, с. 177] (который, добавим мы, вряд ли мог состояться без использования рабов). И если в данном контексте иметь в виду глобальное развитие цивилизации, то почти вся предшествовавшая история человечества была направлена на то, чтобы создать для людей комфортные материальные условия существования, для чего активно использовались достижения научно-технического прогресса, и прежде всего речь шла о том, чтобы обеспечить людей самым необходимым, без чего невозможна комфортная жизнь – продуктами питания и бытовым обиходом.

И вот примерно к середине XX в. эта проблема минимально необходимых материальных условий существования человека была в основном решена – сначала в странах Запада, а затем, к рубежу 2000 г., и во всем мире, и теперь, например, производится столько продуктов питания, что голод более не представляет угрозы человеческому сообществу. Тем самым человечество окончательно перешло от эпохи индустриализации к эпохе потребления, и сейчас термин «общество потребления» или «потребительское общество», наверное, самый распространенный в работах по гуманитарным наукам, что вполне объяснимо, поскольку к концу XX в. «утвердился концепта "общество потребления», служащего для определения человеческого сообщества, в котором потребление не просто играет решающую роль, не просто служит мерилом для разделения на сословия и страты, но является определяющим самой сути и существования общества» [3, с. 296] (в этом смысле вряд ли продуктивны попытки доказать возможности высокодуховного и высоконравственного развития при низком в уровне потребления [4, с. 55]). Не удивительно, что в этом «сытом» обществе научные умы уже не имеют препятствий в предметах своих исследований, в том числе в сфере искусственного интеллекта, создаваемого посредством IT-технологий.

Говоря об искусственном интеллекте, заметим, что еще сравнительно недавно это понятие включало в себя, как правило, использование IT-технологий для облегчения труда в разных областях жизни, и уже не только в отношении тяжелого физического, но и умственного труда, в том числе речь идет о поиске и передаче информационных потоков, проведении дистанционных конференций и т.д. [5, с. 49]), то есть, имело место, можно сказать, узкое понимание искусственного интеллекта. Сейчас же доминирует такой подход к искусственному интеллекту (широкое понимание), который связывается с созданием роботов, способных по критериям не только интеллектуализма, но и по чувственности и другим качествам конкурировать с настоящим человеком, в частности, генерировать новые тексты, создавать дипфейки и др. [6,7, 8 и др.].

Здесь же затронем вопрос о том, что такое понимание искусственного интеллекта представляется неправильным, поскольку любой робот создается людьми, возможности которых вполне ограничены. В этом смысле мы, конечно, нельзя поддержать суждения о допустимости для робота самостоятельного субъекта права [9]. Между тем задачи

создания искусственного интеллекта (в узком его понимании) ученые и инженеры стали ставить еще с середины XX в. Заметим при этом, что активизация работы над созданием искусственного интеллекта совпала с прорывами в физике, и прежде все ядерной, что имело место также в середине XX в. Однако что в итоге после этого удалось достичь, имея в виду решения, имевшие глобальное значение для повседневной жизни человечества? С точки зрения масштабных позитивных результатов – результаты незначительны, в частности, энергию из водорода воды извлечь не удалось, нейтрино так и осталось в теоретических рассуждениях, о строительстве городов на других планетах можно прочитать только у фантастов, и т.д. С другой стороны, уже с негативной точки зрения, была изобретена атомная бомба, обладание которой и по сей день является геополитическим преимуществом для государств, ею владеющими.

В целом, на наш взгляд, тенденция очевидна – далеко не все те замыслы и проекты, действительно великие и которыми можно восхищаться, находят своего воплощения. Очевидно, и не найдут. Характеризуя послевоенный период, И.А. Гобозов отмечает наличие интеллектуального кризиса, то есть, «отсутствие в наше время великих мыслителей, великих ученых, чьи идеи могли бы охватить массы и помогли бы им избавиться от мещанства, от хрематистики, то есть от чрезмерного стремления к материальному богатству, от моральной и духовной деградации» [10, с. 20]. Причина такого рода глобальных социальных явлений в том, что, как указывалось выше, человечество находится в стадии потребления, и в этом контексте отсутствуют достаточные мотивы для фундаментальных, серьезных и глубоких исследований, направленных на перспективное и положительное развитие человеческого сообщества, ибо эпоха потребления – это конечная стадия в движении человечества в своем развитии.

Вот почему сейчас, на исходе первой четверти XXI в., мы не видим значительных открытий в фундаментальных науках. И в части создания искусственного интеллекта, на наш взгляд, человечество не ушло далее середины XX в. Равным образом это касается и IT-технологий. Разумеется, компьютеры и интернет – это великолепные инженерные решения, созданные человеческим интеллектом. Но для чего они используются благодарным человечеством в объемах, возрастающих по экспоненте? В абсолютном большинстве - для удовлетворения своих все увеличивающихся потребительских нужд. И это вполне вписывается в закономерность цивилизационного развития, которое имеет как начало, так и окончание.

Между тем потребности тоже не могут быть бесконечными (мы имеем в виду человечество в целом, а не отдельных людей). В определенный период развития произойдет насыщение с точки зрения удовлетворения потребностей, поскольку человек не может бесконечно их генерировать, и тогда возникнет вопрос о смысле дальнейшего существования. Нынешний так называемый искусственный интеллект (которым ошибочно называют возможности IT-технологий) является катализатором развития общества потребления, поскольку, например, уже сейчас 100% всех людей в мире (старше, наверное, трех лет) уже держат в руках гаджеты, что невозможно было себе представить даже десять лет назад. Признаки общества потребления хорошо видны по содержанию множества соцсетей в интернете, в которых явно преобладают достаточно примитивные интересы пользователей-блогеров [11] (и этот примитивизм, опять же, есть следствие «сытого» общества), выражаемые в блогерских постах в столь же примитивной форме (2-4 предложения).

Но именно эти блогеры по законам политической демократии определяют образ жизни человеческого сообщества, и они, будучи избирателями, через своих избираемых депутатов и иных властноуправляющих структур будут продвигать дальше эти примитивные интересы в органах государства, и этому будут способствовать как раз IT-технологии [12], что означает деградацию общественного развития. В этой связи не исключено, что люди, полная информация о которых благодаря IT-технологиям, окажется в руках правящих элит, восстанут против тотального контроля, и в чем-то повторится

ситуация как в пьесе К. Чапека. Во всяком случае, прошедшие почти два года состояния, связанного с коронавирусом, показали, что «опасным явлением для социума стал не сам вирус, а возникшая вслед за его появлением инфодемия - ситуация бесконтрольной информационной экспансии, критически воздействующая на массовое сознание и меняющее не только способы потребления информации, но и поведение людей» [13 с. 142], что возможно как раз при высоком уровне развития IT-технологий (искусственного интеллекта) и при условии, что этот инструментарий находится в руках органов публичного управления без возможности со стороны общества осуществлять контроль за применением данного инструментария.

При такой обстановке среди населения обсуждаются теории заговора, когда, например, под видом прививки от коронавируса прикрывается массовое чипирование людей с целью тотального управления их поведением [14, с. 40], и это опять же результат развития научно-технического прогресса, достижения которого могут использоваться не только во благо общественного развития. В частности, в литературе отмечается, что «ключевой характеристикой современного общества является трангрессивность, то есть выход за пределы границ дозволенного и нормативного» [15, с. 40-43], при этом «в интернет-пространстве трангрессия становится главным свойством коммуникации, позволяя человеку выбирать различные роли и модели поведения, с лёгкостью переходя границу между реальным и виртуальным «Я»; отсюда и широкое распространение в интернете различных сообществ, больше напоминающих секты, практикующие разные жесткие «игровые» практики, в том числе и суицидные игры» [16, с. 43].

Изложенное подтверждает тенденцию к деградации человеческого сообщества. В этом контексте в литературе ставятся различные проблемы, связанные с развитием IT-технологий [17; 18; 19; 20 и др.]. В совокупности эти проблемы дают основание для угрозы в том смысле, что так называемый искусственный интеллект, образно говоря, может стать т.м. могильщиком общества потребления, а вместе с ним прекратит существование и само человечество, и, кто знает, может быть, как у Карла Чапека, опять останутся двое – Адам и Ева, чтобы начать отсчет новой цивилизации. Однако такая перспектива не означает, что нужно опускать руки – ведь отдельный человек тоже знает, что с неизбежностью умрет, но он живет, дерзает, и в старости делает все, чтобы продлить свое существование. Современная цивилизация (человечество) в этом контексте не является исключением, разве что не помешает избавиться от иллюзии создания искусственного интеллекта, способного заменить человека - обладателя своего настоящего, человеческого, естественного, единственно возможного интеллекта.

1. Колпинский Ю.Д., Бритова Н.Н. Искусство этрусков и Древнего Рима. М.: Искусство, 1982. 175 с.
2. Ромах Н.И. Культурогенность Древнего Рима // Аналитика культурологии. 2007. № 1(7). С. 176-183.
3. Понизовкина И.Ф. Общество потребления в XXI веке: проблемы и перспективы // Право и практика. 2019. № 2. С. 292-298.
4. Костина А.В. Общество потребления и ценности российской цивилизации // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 4. С. 45-55.
5. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущество, вызовы, угрозы и риски // Власть и экономика. 2018. № 10. С. 46-63..
6. Гапеева Т. Человек должен гуманизировать роботов, чтобы избежать «восстания машин» // Bel.biz - сайт о бизнесе, стартапах и инновациях / [Элек-тронный ресурс] URL: <https://bel.biz/ecosystem/zachem-robotam-prava/> (дата об-ращения: 15.08. 2024).
7. Ефремова М.А., Русскевич Е.А. Дипфейк (deepfake) и уголовный закон // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т.15. № 2 (56). С. 97 - 105.
8. Киселев А. С. Проблемы и перспективы правового регулирования общественных отношений, связанных с применением нейросетей. Lexrussia. 2024. Т. 77. № 2. С. 140-151.
9. Черкасов В.Н. Новый субъект права? // Базис. 2017. № 1 (1). С. 41-45.
10. Гобозов И.А. Интеллектуальный кризис общества // Философия и общество. 2010. № 3. С. 5-21.
11. Малахов А.Г., Римский А.В. Молодёжь в контркультурных экстремистских сообществах // Наука. Искусство. Культура. 2024. № 1. С.207-211.

12. Захаров В., Лисничая М.А. Социально-сетевые технологии в избирательном процессе: перспективы применения и ограничения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 1. С. 32-37.
13. Смулькина Н.В., Рогач Н.Н. Психологическое состояние россиян разного возраста: политико-психологический анализ // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. № 2. С. 138-147.
14. Артеев С.П. Пандемия COVID-19: конспирология и антиконспирология // Власть. 2022. № 1. С. 58-43.
15. Узлов Н.Д., Семёнова М.Н. Игра, трансгрессия и сетевой суицид // Суицидология. 2017. № 3 (28) С. 40-52.
16. Федорова М.В. Хайп-эсхатология или "Игра в COVID-19": изменение религиозного сознания в эпоху глобального кризиса // Философская мысль. 2021. № 1. С. 40-55.
17. Макаревич Э.Ф., Карпунин О.И. Изменение парадигмы общественного развития в России - от массового общества потребления к обществу социального творчества в условиях трансформации массовых коммуникаций // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 6. С. 27-33.
18. Михайлов М.А., Кокодей Т.А. Риски злонамеренного использования искусственного интеллекта и возможности их минимизации // Всероссийский криминологический журнал. 2023. № 5. С. 452-461.
19. Лексютина Я.В. Злонамеренное использование дипфейков: риски информационно-психологической безопасности Японии // Японские исследования. 2021. № 3. С. 90-101.
20. Соловьева Л.Н., Соловьев В.В. Человек и искусственный интеллект: на пути к постантропологическому будущему // Общество: философия, история, культура. 2023. № 11. С. 126-132.

Zorina E.V., Dmitrienko N.A.

The socio-philosophical basis of the differences in the way men and women think

*Institute of Service and Business (b) Don State Technical University
(Russia, Shakhty)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-147

Abstract

The article offers a philosophical and social context to the theoretical understanding of the immanent and external determinants underlying the differences in thinking between men and women. The authors have formulated a position on the relationship between the cognitive potential of a personality and socio-cultural factors, with a particular focus on the sexual factor.

Keywords: thinking, gender factor, philosophy, social phenomenon.

Аннотация

В статье выполнено теоретическое осмысление имманентных и внешних детерминант, лежащих в основе различия в мышлении у мужчин и женщин с философской точки зрения и в социальном контексте. Авторами сформулирована позиция относительно взаимосвязи когнитивного потенциала личности, рассматриваемых в разрезе критерия полового фактора, с социокультурными факторами.

Ключевые слова: мышление, половой фактор, философия, социальный феномен.

The necessity of examining the discrepancies in cognitive processes between men and women stems from the requirement for a comprehensive theoretical framework that elucidates the phenomenon of thinking among individuals of diverse sexes within a philosophical context. Furthermore, it is crucial to examine the fundamental elements that give rise to the observed discrepancies in cognitive processes, with a specific emphasis on the role of gender. It is essential that this investigation take into account the contemporary socio-cultural realities that shape these cognitive processes.

The question of the explication of differences in thinking between men and women reflects a complex interplay of cultural and biological factors that have been of interest from both scientific and practical points of view throughout the historical development of humanity. Concurrently, despite the substantial corpus of empirical and theoretical evidence, the question of the foundations of men and women's thinking has not only persisted but also given rise to new

inquiries that demand reflection and resolution from social philosophy and other disciplines. The current state of research on the topic of cognitive processes in relation to gender presents a complex picture. While there are numerous theories attempting to elucidate potential differences between the sexes, the majority remain at the level of hypothesis, with frequent instances of contradiction.

The aim of this study is to examine the phenomenon of thinking, with a particular focus on the differences in thinking between men and women, both in scientific interpretations and in practical terms.

The objective of this study is to conduct a socio-philosophical analysis of the phenomenon of thinking and the determinants underlying the differences in cognitive and metacognitive activity between men and women.

It is clear that the issue of gender differences in cognitive processes has its roots in the disciplines of philosophy, anthropology and biology. In order to gain insight into the internal and external factors that contribute to these differences, it is essential to examine the conceptual framework that defines thinking as a fundamental attribute of human existence, as well as the historical and cultural contexts that have shaped gender stereotypes and expectations. It is important to acknowledge that from a biological standpoint, numerous researchers have identified discrepancies in brain functionality between men and women, predominantly in terms of brain anatomy and hormonal profiles. For example, studies have confirmed that the brain structure of men and women has undergone significant changes over millions of years in response to differing evolutionary requirements. This has led to the conclusion that women tend to demonstrate superior language and communication skills compared to men, who exhibit enhanced spatial thinking and decision-making abilities. The majority of biological theories posit that these differences are the result of evolutionary adaptations. However, this perspective neglects to consider the influence of social and cultural factors, which are of paramount importance in understanding the ontological and epistemological nature of gender-based differences in thought.

Numerous scientists and philosophers throughout history have advanced a similar viewpoint. In light of this, Jean-Jacques Rousseau, Simone de Beauvoir, Judith Butler and other thinkers put forth the proposition that the characteristics attributed to "male" and "female" thinking may be the result of social constructions and expectations. The roles and norms prescribed by society shape the experience and perception of the individual, frequently reinforcing biological prejudices and myths. Similarly, gender is understood as "not a biological property, but a social construct that is formed and reshaped during the interaction of people in society." It would be a mistake to claim that biological factors are inconsequential in the formation of disparate cognitive styles and problem-solving strategies in men and women.

Theorists who emphasize the influence of cultural and social norms on individual thinking patterns contend that gender socialization, which commences in early childhood, is of paramount importance. Historically, boys and girls have been taught according to different roles and expectations, which has resulted in the formation of disparate cognitive styles. For example, boys are often attributed with qualities associated with independence and logic, including "the ability and need to take risks and a serious desire to achieve their goals." In contrast, girls are frequently encouraged to develop empathy and communication skills, which can contribute to the consolidation of certain thinking patterns.

The concept of the elitist significance of social determinants and the socio-constructivist perspective that informs the thinking of men and women has been endorsed within scientific communities.

Consequently, a number of existentialist philosophers have considered the ontological nature of thinking through the prism of gender, thereby revealing their unique points of view on freedom, responsibility and attitude to the world. Scientists who support the phenomenological approach have also emphasized the importance of subjective experience and its significance in the formation of thinking. These arguments are entirely valid insofar as they conclude that

differences in thinking are the result of upbringing, education and social context, rather than innate properties. From this perspective, the expectations that society places on men and women are of critical importance. For instance, men and women may be encouraged to develop in disparate ways, which consequently gives rise to discrepancies in competencies and aptitudes, despite their innate cognitive capacities being comparable in numerous respects.

At the same time, it is obvious that when understanding the phenomenon of thinking in a gender perspective, one should not forget about the role of the historical context: patriarchal structures fixed in historically dominant philosophical and scientific discourses inevitably influenced and continue to influence the formation of differences in the thinking of men and women. Consequently, postmodern philosophies and feminist critics prompt inquiries into the manner by which these discrepancies are the consequence of social constructs, rather than an immutable biological phenomenon. For instance, those who espouse a feminist epistemological perspective challenge the conventional models of scientific knowledge for their proclivity towards universalization and isolation of knowledge, thereby overlooking the rich diversity of human experience and cognitive perspectives. This line of reasoning leads to the reasonable conclusion that scientific knowledge cannot be considered neutral or objective. This is because it is frequently shaped by privileges and preferences that are embedded in dominant socio-cultural and historical contexts.

The psychoanalytic theory proposed by Sigmund Freud and subsequently augmented by Karen Horney proffers a conceptualization of the problem of thinking, emphasizing the pivotal role of early "childhood experiences in the formation of the structure and functioning of personality in adulthood". These experiences are regarded as the fundamental structure of thinking and attitude towards the world, which ultimately gives rise to the observed differences in the upbringing of boys and girls and their subsequent thinking and behavior. A critical examination of these theories reveals their rationality and viability, which render them particularly relevant in the modern era.

Furthermore, at this current stage of scientific development, it is becoming increasingly evident that a reductionist approach to thinking, whereby differences are attributed to sexual characteristics, is misguided. This is because studies have demonstrated that individual differences within each group – men and women – can be as significant as the potential for the greatest differences between groups. In this regard, it is necessary to consider that an individual's cognitive abilities may be subject to change because of external influences, including the social environment, educational background, professional experience and personal history. Consequently, the traditional dichotomy between 'male' and 'female' thinking is becoming increasingly irrelevant in the modern era, where the boundaries between gender roles are becoming increasingly blurred and the differences between the sexes are not fixed and absolute, but rather dynamic and contextual. It is important to acknowledge, however, that these stereotypes frequently result in a narrow and constrained perception.

It is evident that contemporary reality necessitates a more flexible and integrated approach to understanding and perceiving human abilities and interests. Consequently, the previous dogmas and conditionality that once influenced the perception of gender roles and thinking are gradually losing their influence because of scientific research and cultural changes.

It is also important to note that, as has been correctly highlighted on numerous occasions in scientific literature, contemporary research substantiates the assertion that an individual's cognitive, metacognitive capabilities and character are significantly shaped by factors such as education, social environment, personal experience and cultural attitudes, rather than gender. This implies that critical thinking, emotional intuition, logical analysis and creative thinking are not exclusive to a specific gender.

In addition, technological advances and globalization have created new professional and personal opportunities, enabling men and women to transcend traditional roles and become active in areas previously considered incompatible with their gender. Consequently, women have

become adept at pursuing careers in technical and scientific fields, while men have increasingly chosen to engage with the humanities and creative disciplines.

Taking into account the above factors, it can be concluded that:

1. Thinking is a complex and ambiguous phenomenon that requires a profound understanding of its nature in the context of socio-philosophical reflection.
2. The ontological nature of the bases of differences in thinking between men and women reflects the profound socio-cultural, historical and biological aspects that shape the perception of the world and the ways of interacting with it.
3. The social construction of gender leads to the formation of distinctive behavioural and cognitive patterns that may serve to either accentuate or negate existing biological differences.

1. Volodina E.R. Features of gender education of preschoolers on the example of parent relationships // *Innovations in science: ways of development: Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference*. Cheboksary: Expert Methodological Center, 2018. - pp. 62-64
2. Kovalev, A. A. Foreign philosophers and their works on humanitarian problems of modernity / A. A. Kovalev // *State, society, personality: history and modernity: Collection of articles of the VI International Scientific and Practical Conference, Penza, April 21-22, 2023* / Under the scientific editorship of A.V. Yashin, N.V. Tsvyatkov, A.A. Grachev, N.I. Svechnikov. – Penza: Penza State Agrarian University, 2023. – pp. 90-96.
3. Kosykh, G. V. Sociocultural theory of personality by Karen Horney / G. V. Kosykh // *RESU Science Week - 2022: Collection of reports and speeches at scientific and practical conferences, Voronezh, December 13-16, 2022* / Comp. Yu.V. Agibalov. Voronezh: Publishing and Printing Center "Scientific Book", 2023. – pp. 225-231.
4. Shushlyapin, O. I. Man and woman: interpersonal relationships, thinking and activity / O. I. Shushlyapin // *News of medicine and pharmacy*. – 2011. – № 1-2(351-352). – Pp. 22-23

РАЗДЕЛ VII. ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Васильченко О.А.

Социальная работа по развитию семейного предпринимательства на Дальнем Востоке Российской империи во второй половине XIX – начале XX века

*Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет
(Россия, Комсомольск-на-Амуре)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-148

Аннотация

В статье приведены сведения о характере социальной политики органов власти Российской империи, направленной на хозяйственное обустройство семей переселенцев на Дальнем Востоке. Рассмотрены причины широкого распространения среди семей переселенцев использования материальных средств, выделенных властями для развития семейного предпринимательства. Охарактеризованы способы поддержки семей крестьян в виде льготных ссуд, кредитов, выделения повышенного размера сельхозугодий, товаров для функционирования семьи как самодостаточного хозяйства. В статье изучены многочисленные законодательные акты Российской империи, поддерживающие среди переселенцев развитие семейного предпринимательства.

Ключевые слова: семья, Дальний Восток, социальная работа, история; государственная политика, семейное предпринимательство, льготы, переселенцы.

Abstract

The article provides information about the nature of the social policy of the authorities of the Russian Empire aimed at the economic development of families of immigrants in the Far East. The reasons for the widespread use of material resources allocated by the authorities for the development of family entrepreneurship among displaced families are considered. The methods of supporting peasant families in the form of preferential loans, loans, allocation of increased farmland, goods for the functioning of the family as a self-sufficient economy are described. The article examines numerous legislative acts of the Russian Empire that support the development of family entrepreneurship among immigrants.

Keywords: family, Far East, social work, history; public policy, family entrepreneurship, benefits, immigrants.

Социальная работа является частью социальной политики любого государства. Она предназначена для осуществления социальных интересов и потребностей как отдельных личностей, так и потребностей различных слоев населения. При этом выделяют направления социальной работы, связанные как с решением существующих проблем индивидов, так и с предотвращением или разрешением глобальных социальных трудностей в масштабах общества или страны.

С этой точки зрения одним из направлений социальной работы по решению масштабных проблем страны было развитие семейного предпринимательства на Дальнем Востоке России. Государственная политика способствовала расширению среди населения подобного вида деятельности, что, в свою очередь укрепляло хозяйственную базу семей дальневосточников, их достаток и социально-экономический потенциал.

Актуальность данной политики не вызывает сомнения и в настоящее время. Современные органы власти могут использовать существующий исторический опыт для решения современных проблем Дальнего Востока России, испытывающего отток населения по причинам неудовлетворенности социально-экономическими условиями жизни в регионе.

В 1860-1917 годах Дальний Восток Российской империи активно осваивался семьями переселенцев из Европейской России, подавляющее большинство которых составили крестьяне. Первоначально основным направлением хозяйственной деятельности переселенцев стало земледелие, которое регулировалось властями с помощью законодательной базы.

Первым законодательным актом, закрепившим порядок землевладения на восточной окраине, стало Положение Сибирского Комитета “О правилах для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири”, утвержденное 26 марта 1861 года. [6]

В нем говорилось, что каждая переселенческая семья могла получить по 100 десятин земли, которые предоставлялись в бесплатное пользование на 20 лет при условии обработки в течение 5 лет.

Протекционистская политика органов власти в части развития предпринимательства среди новоселов проявилась в системе льгот, предоставляемых семьям переселенцев. Так, 26 января 1882 года было принято решение Государственного Совета “О некоторых изменениях в правилах и льготах переселенцам в Приамурском крае”, в котором предусматривалось освобождение переселенцев от земских повинностей (денежных и натуральных) на 3 года; обеспечение продовольствием всех членов семей на полтора года; освобождение семей переселенцев от уплаты всех податей и повинностей (кроме общественных) в течении первых 5-ти лет. [5]

13 июля 1889 года был утвержден закон “О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время”, в котором система льгот была расширена. В законе предусматривалось освобождение крестьян от уплаты казенных сборов на три года. В следующие три года переселенцы платили только 50 % от положенной суммы сборов. Новоселы имели право на получение семенных ссуд в местах водворения. [8]

18 июня 1892 года было принято Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета “О продлении действия правил, касающихся переселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях, об изменениях и дополнениях этих правил”. Оно предусматривало новые льготы для семей переселенцев: при водворении - освобождение от казенных платежей и земских денежных сборов в течение 5 лет; в течении других 5 лет - обложение в половинном размере; списание с переселенцев недоимок в казенных сборах. [9]

Для хозяйственного обустройства и развития малого бизнеса крестьянским семьям был необходим первоначальный капитал. Органы власти пытались поддержать новоселов, постоянно совершенствуя законодательную базу выдачи ссуд семьям переселенцев. Так, 6 июня 1904 года были изданы “Временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан земледельцев на казенные земли”. В соответствии с этим законом предусматривалось выделение ссуды в размере до 200 рублей на хозяйственное устройство семьи переселенца. [10]

Через четыре года правила выдачи ссуд изменились, что нашло отражение в принятом 5 июля 1912 года законе “Об изменении правил выдачи ссуд на хозяйственное устройство переселенцев”. [12]

Для Приамурского края размер максимальной ссуды составил 400 рублей на семью. Переселенческим семьям, прибывшим на собственные средства, выдавались ссуды сроком на 33 года. Первые 5 лет переселенцы пользовались ссудой без уплаты процентов. В дальнейшем они платили ежегодно по 6 % с полученной суммы.

Семьи переселенцев освобождались от уплаты процентов за просрочку платежей. Это положение было закреплено еще в 1887 году Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета “О расходах и мерах по переселению в Южно-Уссурийский край” и подтверждено в 1908 году законом “О начислении процентов за

несвоевременную уплату срочных платежей по ссудам, выданным переселенцам Мурманского берега и Южно-Уссурийского края”. [11]

Политика властей по развитию предпринимательства среди крестьянских семей дала положительные результаты. Так, с ростом числа земледельческого населения в регионе происходило увеличение посевных площадей. Например, с 1907 по 1917 годы они выросли более чем в 2 раза (с 393,3 тыс. до 856,6 тыс. десятин). [1, С. 57]

Власти поощряли этот процесс, разрешив беспошлинный ввоз в регион сельскохозяйственный орудий иностранного производства. Интендантство в качестве протекционистских мер покупало у крестьянского населения хлеб по более высоким ценам, чем могло приобрести в Маньчжурии.

Однако земледелие, будучи традиционным видом трудовой деятельности крестьян, на Дальнем Востоке оказалось не единственным их занятием. В северных районах, где земледелие было невозможным или нерентабельным, переселенческие семьи перешли от занятия земледелием к охоте, рыболовству и другим промыслам.

Так, в 1896 году наиболее предприимчивые переселенцы в Уссурийском крае заготовили до 200 пудов рыбы на семью, что принесло дохода около 450 руб. [2]

Природные условия дальневосточного края способствовали развитию охоты. Например, в 1896 году в Уссурийском крае доход от охоты в среднем составил за зиму 200 руб. на одну семью. [3]

Еще одним источником существования крестьянских семей был извоз. Снабжение горожан продуктами питания и дровами, коммерческие перевозки приносили семье в среднем чистого дохода 200 – 300 руб. [4, С. 332]

Таким образом, характеризуя государственную политику по развитию семейного предпринимательства, которая на практике была реализована как социальная работа государства по решению важнейшей проблемы социально-экономического характера, следует отметить ряд важных обстоятельств:

- на Дальнем Востоке крестьянин стал мелким предпринимателем, чему в немалой степени способствовали мероприятия властных структур, направленных на развитие промыслов, промышленности и торговли, а также законодательное обеспечение этого процесса;
- деятельность органов власти в отношении хозяйственной адаптации семей крестьян-переселенцев в основном сводилась к предоставлению ссуд и льгот в местах вселения;
- эта помощь была главной надеждой крестьянских семей в организации своего обустройства. Однако властные структуры пытались разбудить личную инициативу переселенцев, поскольку она могла стать основным условием адаптации семей к новой хозяйственной жизни.

1. Исаев А.А. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб, 1891. 357 с.
2. Приамурские ведомости. 1896. 10 марта
3. Приамурские ведомости. 1896. 17 марта
4. Приамурье. Факты. Цифры. Наблюдения. М. 1909. 962 с.
5. Полное собрание законов (ПСЗ). II. Т. II. 1882. N 633
6. ПСЗ. II. Т. XXXVI. 1861. N 3628
7. ПСЗ. II. Т. XXXVI. 1861. N 3628
8. ПСЗ. III. Т. IX. 1889. N 6198
9. ПСЗ. III. Т. XII. 1892. N 8755
10. ПСЗ. III. Т. XXIV. 1904. N 24701
11. Сборник узаконений и распоряжений правительства, издаваемых при правительствующем Сенате. СПб., 1908. Сб. 36. N 594
12. Сборник узаконений и распоряжений правительства, издаваемых при правительствующем Сенате. СПб., 1912. Отдел 1. N 1439

Васильченко О.А.

Социальная работа с женщинами-дальневосточницами в 20 – 30-х годах XX века

*Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет
(Россия, Комсомольск-на-Амуре)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-149

Аннотация

В статье содержатся данные о социальной политике государственных органов СССР, направленной на повышение социального и профессионального статуса советской женщины в советском обществе. Автор рассматривает эту деятельность с точки зрения привлечения женщин в экономику государства, получения ими профессиональной подготовки. Эта социальная работа, в свою очередь способствовала приобретению женщинами экономической самостоятельности и равноправия с мужчинами. Автор характеризует женскую составляющую населения Дальневосточного региона, отмечает ее высокий образовательный и профессиональный уровень, ставший следствием реализации социальной политики государства.

Ключевые слова: женщины, Дальний Восток, социальная работа, история, государственная политика, социальный статус, равноправие, переселенцы.

Abstract

The article contains data on the social policy of the state bodies of the USSR aimed at improving the social and professional status of Soviet women in Soviet society. The author considers this activity from the point of view of attracting women to the economy of the state, obtaining professional training for them. This social work, in turn, contributed to the acquisition of women's economic independence and equality with men. The author characterizes the female component of the population of the Far Eastern region, notes its high educational and professional level, which became a consequence of the implementation of the state's social policy.

Keywords: women, the Far East, social work, history, public policy, social status, equality, immigrants.

В настоящее время в стране продолжает усиливаться демографический кризис, ощущаются негативные тенденции в экономике, особенно в ее дальневосточном регионе. Исходя из этого, обращение к историческому опыту социальной работы Советского государства с женщинами на Дальнем Востоке в 20-30-х годах XX века является актуальным и в настоящее время.

Советский Союз проводил социальную политику, направленную на изменение и повышение социального статуса женщины в советском обществе. Активная деятельность государства в этом направлении была связана как с идеологическими основами построения социалистического общества, так и с требованиями экономического характера. Ускоренная индустриализация страны требовала колоссального количества рабочих рук, нехватка которых восполнялась в значительной степени и за счет женщин.

В этой связи социальная работа с женщинами имела своей целью решение перспективных задач советского общества, направленных на предотвращение серьезных социальных проблем в масштабе государства.

С этой точки зрения одним из направлений социальной политики по решению масштабных проблем страны было привлечение женщин в экономику государства в качестве полноправных работников. Государственная политика по повышению статуса женщин в советском обществе основывалась на принципах ее равноправия с мужчинами. Добиться этого можно было только путем повышения ее экономической и социальной самостоятельности в реальной жизни.

Стремление со стороны государства к ликвидации частной собственности и вовлечение в систему государственного производства мужчин и большинства женщин создало предпосылки для ликвидации мелкого семейного производства. Происходило устранение семейных домохозяек как самостоятельной социальной категории и “выдергивание” женщин из домашнего хозяйства.

Резкое перемещение женщин-дальневосточниц в сферу производительного труда произошло в 1928 - 1932 гг. Их численность в промышленности увеличилась в 5 раз. Это стало возможным благодаря деятельности органов власти по повышению уровня образованности женского населения, их профессиональному обучению. Данные мероприятия также были невозможны без изменений бытовых условий жизни дальневосточниц.

Социальная работа органов власти в этом вопросе основывалась на постановлении ЦК РКП(б) «О работе по ликвидации неграмотности», принятом 17 мая 1929 г. В нем партийным органам предлагалось по максимуму приспособиться к бытовым условиям женщин, и с этой целью осуществлять работу пунктов по ликвидации безграмотности в общежитиях. Устанавливалось удобное время для занятий женщин. Во время учебы организовывался надзор за детьми. Планировалось издание букварей и учебников [2, с. 513].

Власти на Дальнем Востоке предприняли меры по обучению женщин, созданию детских учреждений, предприятий общественного обслуживания. Так, в 1926 году были обучены грамоте 1148 работниц и домохозяек, 442 малограмотные женщины на селе и 322 - в городе [3]. Среди ликвидировавших безграмотность женщины составили 60 % [6].

Обучение грамотности фактически было одним из первоначальных этапов социальной работы государства в отношении женщин, создававших основы для их дальнейшей профессиональной подготовки. По решению властей, например, в 1925 году была установлена квота в 10 % для девушек в профессионально-технических учебных заведениях. За ними закреплялись вакантные места в фабрично-заводских училищах. Например, во Владивостокском фельдшерско-акушерском техникуме с той же целью были забронированы 40 мест [6].

Социальная работа с женским населением Дальнего Востока также осуществлялась на основании постановления ЦК ВКП(б) (1 августа 1928 г.) «О положении девушек в производстве, в школе и о работе комсомола среди девушек» [2, с. 365-367]. В нем говорилось о малочисленности представителей женской молодежи в народного образования и в народном хозяйстве. Для преодоления этих негативных моментов, Центральный Комитет предлагал осуществить меры по ликвидации безграмотности женской молодежи и ее профессиональному обучению.

В 1929 году Далькрайком ВКП(б) вышла директива отделу труда по организации курсов профессиональной подготовки. Она содержала требование по 30 % комплектации этих курсов безработными женщинами [1, с. 5.]. В результате принятых мер женщины значительно пополнили контингент учебных заведений.

В середине 30-х годов на селе активизировалась аналогичная работа советских и партийных органов власти.

В результате подобной деятельности увеличились показатели грамотности населения региона. Например, в 1923 году только 37 % жителей были грамотными, в 1931 году - уже 65 % [5]. К концу второй пятилетки с безграмотностью среди женщин практически было покончено.

22 мая 1931 года в обращении Далькрайисполкома ко всем исполкомам и горсоветам были поставлены задачи по классовому воспитанию работниц, колхозниц, беднячек, батрачек и единоличниц. В качестве целей были определены:

- создание комитетов по улучшению труда и быта работниц и крестьянок, которые должны были действовать при Далькрайисполкоме и окружных исполкомах;

- использование комитетов для повышения активности женских масс, вовлечения их в производство;
- улучшение бытовых условий работниц и крестьянок (устройство общественных столовых, прачечных, детских яслей и площадок, мастерских по пошиву одежды и др.) [4].

Появление подобных распоряжений органов власти свидетельствовало о том, что они осуществляли комплексный подход в деле ликвидации неграмотности и привлечении женщин в производство.

Объявление Дальнего Востока приоритетной зоной хозяйственного освоения вновь обострило проблему половой диспропорции в структуре населения данного региона. На стройки восточной окраины страны привлекалось большое количество мужчин. К примеру, в г. Комсомольске-на-Амуре в 1932 году прибыло 6 тысяч строителей и из них было всего лишь около 30 девушек. Женщин катастрофически не хватало, что приводило к оттоку привлекаемой рабочей силы из данной местности.

С целью преодоления этой проблемы началось централизованное привлечение женщин, имеющих высокую профессиональную квалификацию, на Дальний Восток. Государство своей политикой способствовало притоку женщин в регион для стабилизации населения и обеспечения производства квалифицированными специалистами.

Таким образом, социальная работа государства в отношении женщин расширила их перспективы в получении образования и в профессиональной сфере. Но помимо положительных сторон появились и негативные последствия этой деятельности. Они заключались для советских женщин насаждением практики двойного рабочего дня. Это выражалось в том, что после обязательного труда на госпредприятии, женщина несла еще и основную часть домашней работы.

Несмотря на эту неоднозначность результатов социальной работы Советского государства с женщинами на Дальнем Востоке в рассматриваемый исторический период, можно с уверенностью утверждать, что резкое повышение их образовательного и профессионального уровня, положительные изменения социального статуса женщины в обществе – все это значительно перекрывало возникшие негативные моменты.

1. Известия ДКК ВКП(б). 1929. N 2 – 3.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9, доп. М., 1984. Т. 4. 575 с.
3. РГИА ДВ, ф. Р - 2413, оп. 4, д. 231, л. 22.
4. РГИА ДВ, ф. Р - 2413, оп. 4, д. 532, л. 8.
5. РГИА ДВ, ф. Р - 2413, оп. 4, д. 574, л. 21.
6. РГИА ДВ, ф. Р - 2413, оп. 4, д. 648, л. 181 об.
7. РГИА ДВ, ф. Р - 2413, оп. 4, д. 648, л. 181 об.

Воропай Е.С.

**Деятельность «Молодой гвардии» в годы Великой Отечественной войны
как фундамент духовного и патриотического воспитания
современной молодежи России**

*ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет»
(Россия, Луганск)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-150

Аннотация

Статья посвящена исследованию деятельности молодежной организации «Молодая гвардия» в годы Великой Отечественной войны и ее роли в формировании духовного и патриотического воспитания современной молодежи. Анализируется

историческая значимость героических поступков членов организации и их актуальность в контексте современных вызовов.

Ключевые слова: Молодая гвардия, Великая Отечественная война, патриотическое воспитание, духовные ценности, гражданская активность, патриотизм, духовное воспитание, молодежь.

Abstract

The article is devoted to the study of the activities of the youth organization "Young Guard" during the Great Patriotic War and its role in the formation of spiritual and patriotic education of modern youth. The historical significance of the heroic deeds of the organization's members and their relevance in the context of modern challenges are analyzed.

Keywords: The Young Guard, the Great Patriotic War, patriotic education, spiritual values, civic activism, patriotism, spiritual education, youth.

Деятельность «Молодой гвардии» во время Великой Отечественной войны служит основой для формирования духовных и нравственных ценностей у молодежи России. Организация стала символом патриотизма, вдохновляя молодежь на защиту Родины. Современная молодежь может черпать примеры из этой истории, осознавая важность патриотизма и единства, а также уважая свою историю и ценя моральные убеждения.

Великая Отечественная война продемонстрировала смелость и стойкость советского народа. Ярким примером является подпольная организация «Молодая гвардия», возникшая в Краснодоне. Героизм ее членов вдохновлял бойцов Красной армии, увековечен в названии танковых колонн и эскадрилий. Спустя восемь десятилетий их легендарная история продолжает интересовать историков и исследователей событий войны.

20 июля 1941 года немецкие войска захватили Краснодон, начав оккупацию. Фашисты создали жандармерию под руководством нациста Отто Шена, а также структуры для репрессий: городскую администрацию и полицию [8 с. 67].

Условия нового порядка были весьма жестокими: вводился комендантский час, конфисковывались оружие и радиостанции, принудительно регистрировалось трудоспособное население с требованием работы. Каждое распоряжение заканчивалось предупреждением: «За неповиновение – расстрел». Сразу же следовали обыски, аресты и расправы [8 с. 69].

Партизанские отряды, созданные в городе и окрестностях, активно сопротивлялись оккупантам. Одним из первых созданных в районе был Изваринский партизанский отряд, который понес тяжелые потери: его участники были казнены фашистами в конце июля 1942 года [1, л. 2]. Жестокие репрессии также затронули группу шахтеров-коммунистов, задержанных за отказ сотрудничать с оккупационными силами. Ночью с 28 на 29 сентября 1942 года всех заключенных вывезли в городской парк, засыпав живыми в яме [2, л. 1].

30 сентября в Краснодоне была основана подпольная комсомольская организация «Молодая гвардия». На первом заседании ее лидеры решили объединить усилия против фашистского режима. Предложение Сергея Тюленина о названии организации было поддержано участниками [3, л. 3]. Был создан штаб, в который вошли Иван Туркенич (командующий), Ульяна Громова, Олег Кошевой, Иван Земнухов, Сергей Тюленин, Любовь Шевцова, Василий Левашов и Виктор Третьякевич. Как отметил Туркенич, главной целью организации была «борьба с вражеской пропагандой и вооруженное сопротивление» [4, л. 7]. Каждый участник «Молодой гвардии» приносил клятву, составленную Земнуховым, сохраняя ее в сердце до конца дней. Юные подпольщики начали борьбу с фашистами путем распространения агитационных листовок. В заброшенной типографии они обнаружили набор шрифтов и выпустили около 30 различных листовок, всего более 5000 экземпляров [5, л. 4].

Ночью с 6 на 7 ноября, накануне 25-й годовщины Великой Октябрьской революции, группы активистов под руководством Сергея Тюленина, Ульяны Громовой, Анатолия Попова, Василия Левашова и Николая Сумского установили более 10 красных флагов в городе и окрестностях [6, л. 3]. Молодогвардейцы участвовали в диверсиях на угольных шахтах, чтобы помешать оккупантам использовать ресурсы Донбасса для нужд рейха. В ноябре 1942 года молодогвардейцы освободили 70 советских военнопленных из лагеря на хуторе Волченском в Ростовской области [4, л. 12]. Одной из самых рискованных акций «Молодой гвардии» стал поджог биржи труда. В начале декабря им стало известно о вербовочной комиссии «Бавария», составившей списки более 2000 местных жителей. Руководство организации решило сжечь биржу труда и поручило операцию Л. Шевцовой, С. Тюленину и В. Лукьянченко. Поджог состоялся вечером 5 декабря 1942 года [7, л. 5]. Также молодогвардейцы атаковали вражеские машины с оружием и боеприпасами, поджигали склады с хлебом, заражали зерно вредителями и выводили из строя линии связи противника.

Январь 1943 года стал трагическим моментом для участников «Молодой гвардии». В результате предательства подавляющее большинство подпольщиков оказались в руках фашистов. Аресты начались 1 января и вскоре приняли массовый характер. В полиции с молодогвардейцами работали следователи, которые не терпели их хладнокровного мужества, которое не поддавалось никаким пыткам [9 с. 145]. В тюремных камерах молодогвардейцы понимали, что, вероятно, многие из них не вернутся живыми. Даже в таких ужасных условиях они продолжали думать о своих близких, стараясь передать им сообщения. Записки прятали в воротниках и манжетах одежды, прикрепляли к посуде или царапали на стенах камер. В записках нет ни чувства растерянности, ни сожаления о произошедшем. Каждый понимал, на что идет, за что сражается. В них отражено искреннее стремление успокоить близких и защитить своих родных от душевных страданий [9 с. 146].

15, 16 и 31 января 1943 года участников организации, избитых и полузамерзших, вывели из полиции, бросили на сани и увезли к шурфу шахты № 5 для казни. В нескольких шагах от этого места находилась баня шахтеров, где подпольщиков снова подвергли жестоким пыткам [9 с. 147].

На глубину 53 метра сбросили более 70 человек, среди которых были как расстрелянные, так и живые участники «Молодой гвардии». Фашистское командование сэкономило патроны, поэтому людей сбрасывали живыми, за ними следовали вагонетки и гранаты [9 с. 147]. Пятеро членов «Молодой гвардии» были казнены в Гремучем лесу в феврале 1943 года и похоронены в братской могиле. Последняя группа патриотов была расстреляна 31 января 1943 года, а 14 февраля город был освобожден силами 3-й гвардейской армии и 23-го танкового корпуса [9 с. 148].

1 марта 1943 года прошло прощание с участниками подпольного движения против фашизма. С воинскими почестями молодогвардейцы нашли свой покой на центральной площади Краснодона. По просьбе родных, 13 подпольщиков были похоронены в общей могиле в поселке Краснодон [9 с. 150].

Советская власть высоко оценила героизм подпольщиков из Краснодона. О. Кошевой, У. Громова, И. Земнухов, С. Тюленин и Л. Шевцова были награждены высшей наградой Родины – званием «Герой Советского Союза». Остальные члены «Молодой гвардии» получили ордена Красного Знамени, Красной Звезды, а также орден Отечественной войны I степени и медаль «Партизану Великой Отечественной войны» I степени. В 1990 году был подписан указ, в соответствии с которым капитану И. Туркеничу посмертно присвоили звание Героя Советского Союза [8 с. 198].

22 сентября 2022 года Президент Российской Федерации Владимир Путин утвердил указ о посмертном присвоении звания Героя Российской Федерации Виктору Иосифовичу Третьякевичу, одному из организаторов и руководителей подпольной

комсомольской организации «Молодая гвардия». В Луганской Народной Республике 2022 год был объявлен годом «Молодой гвардии».

Прошло восемь десятилетий, и подвиг «Молодой гвардии» вновь зажигает сердца. О нем помнят не только в республиках, но и на территории Российской Федерации. В Тюмени в историческом парке «Россия – моя история» состоялась мультимедийная выставка «Верности клятве вашей – бессмертие», посвященная истории «Молодой гвардии».

В заключение стоит сделать вывод, что история «Молодой гвардии» учит молодое поколение смелости и готовности стоять за свои убеждения, способствует формированию высоких моральных стандартов у молодежи, таких как честность, сострадание и готовность прийти на помощь другим. Деятельность «Молодой гвардии» демонстрирует значения патриотизма и любви к Отечеству. Эти идеалы важны и сегодня, так как формируют ответственность за судьбу страны, пробуждают чувство единства и национальной гордости, формирует активную гражданскую позицию, побуждая молодежь участвовать в общественной жизни и решении актуальных проблем.

1. Архив музея «Молодая гвардия» г. Краснодон (далее – архив ММГ). Ф. 1. Д № 130. Ед. хр. КП-13240.
2. Архив ММГ. Ф. 1. Д № 262. Ед. хр. КП-2956.
3. Архив ММГ. Ф. 1. Д № 2. Ед. хр. КП-14359.
4. Архив ММГ. Ф. 1. Д № 62. Ед. хр. КП-1360.
5. Архив ММГ. Ф. 1. Д № 2. Ед. хр. КП-14357.
6. Архив ММГ. Ф. 1. Д № 32. Ед. хр. КП-9507.
7. Архив ММГ. Ф. 1. Д № 70(3). Ед. хр. КП-7999.
8. Аптекарь Р.М. Огонь памяти: сборник документальных очерков о героях «Молодой гвардии» / Р.М. Аптекарь, М.Д. Аптекарь, А.Г. Никитенко. – Луганск: Издательство ВНУ им. В. Даля, 2003 – 256 с.
9. Молодая гвардия. Документы и воспоминания о героической борьбе подпольщиков Краснодона в дни временной фашистской оккупации (июль 1942 – февр. 1943 гг.). (Изд. 5-е, перераб. и доп.). Донецк, «Донбасс», 1977 – 360 с.

Касимов Р.Н., Кудрявцева И.К.

Этнокультурные и этноязыковые просветительские практики как механизм сохранения этнической идентичности народов Удмуртии

*УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН
(Россия, Ижевск)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-151

Аннотация

Цель исследования – анализ имеющихся просветительских практик по сохранению и расширению этнокультурной составляющей в системе образования Удмуртской Республики и, в целом, в региональном социуме. В статье приводятся конкретные примеры работы по сохранению этнокультурного и языкового многообразия изучаемой территории. Описывается деятельность научных, образовательных и общественных организаций по популяризации языков, истории и культур отдельных народов Удмуртии. По мнению авторов, такая системная работа способствует развитию этнической и региональной идентичности подрастающих поколений, даёт более полное представление о богатстве национальной культуры, истории, языка, традиций, духовных ценностей.

Ключевые слова: этнокультурные практики, этноязыковое образование, образовательные инициативы в области сохранения этнокультуры, этническая идентичность, поликультурность в Удмуртской Республике.

Abstract

The purpose of the article is to analyze the existing educational practices for preserving and expanding the ethnocultural component in the regional society of the Udmurt Republic. The

text provides specific examples of work to preserve the ethnocultural and linguistic diversity of the territory under study. It describes the activities of scientific, educational and public organizations to popularize the languages, history and cultures of individual peoples of Udmurtia. According to the authors, such systematic work contributes to the development of ethnic and regional identity of younger generations, gives a more complete picture of the richness of national culture, history, language, traditions, spiritual values.

Keywords: ethnocultural practices, ethnolinguistic education, educational initiatives in the field of preserving ethnic culture, ethnic identity, multiculturalism in the Udmurt Republic.

Говоря о феномене этнокультуры в современном глобальном мире, исследователи нередко обращаются к термину «этнофор». Под таким понятием обычно понимается индивид, в самосознании которого ценности этнокультуры и маркеры этничности занимают главенствующее место. Понятие «этнофор» ввёл в научный оборот В.В. Пименов в 70-е годы прошлого века. Благодаря этому, «в психологии (преимущественно этнопсихологии) и социологии сформирована целая традиция изучения и этнофорства, и жизненных форм современной этнической культуры, и концептуального пространства этносоциума. В зависимости от предмет-объектного поля разных дисциплин, внимание исследователей привлекали, соответственно, и разные качества и функционал этнофора: аккумуляция социального опыта, субъективация этнического самосознания, актуализация этноменталитета» [1, с. 106].

Современными этнологами и культурологами определено, что в многонациональном государстве культура этнофоров, как носителей выраженной этнической идентичности, проявляет себя в особенностях языка народа, в представлениях об этногенезе и истории, в особенностях национальной кухни, традиционного костюмного комплекса, фольклора, народных промыслов, народной медицины и педагогики, т.д. Другими словами, можно сказать, что этнофор – это индивидуальность человека в её специфическом этническом выражении. Это значит, что в своеобразии этнической культуры выражается вековой опыт жизни предков. В таком случае, этническая идентичность проявляется не только в связи с географическими условиями жизни того или иного народа, но и в опыте толерантного взаимодействия с другими культурами. Специфика современной этнокультуры такова, что благодаря маркерам этничности (язык, территория и история, обряды и ритуалы, коллективные ценности, стереотипы поведения), она может формировать условные границы классической бинарной позиции «Мы и Они» даже в условиях тесного взаимовлияния и ассимиляционных процессов, какие наблюдаются, например, в современной Удмуртии.

В списке этнодифференцирующих признаков (маркеров) этничности родной язык не случайно занимает первое место. Именно язык, в большинстве случаев, выступает наиболее яркой характеристикой своеобразия культуры этнофора, вынужденной в условиях постоянного взаимодействия, различать специфику бинарной позиции «Мы и Они».

Цель исследования – анализ имеющихся просветительских практик по сохранению и расширению этнокультурной составляющей в системе образования Удмуртской Республики и регионального социума, в целом. В статье рассматриваются особенности сохранения этнокультурного многообразия Удмуртской Республики через образовательные и просветительские практики; приводятся конкретные примеры работы по сохранению этнокультурного и языкового многообразия изучаемой территории. В частности, в работе описывается деятельность некоторых научных, образовательных и общественных организаций по популяризации истории, языка и культур, которые способствуют развитию этнической и региональной идентичности подрастающих поколений.

Для достижения цели авторы ставят перед собой ряд задач:

- изучить тенденции развития этнокультурных и этноязыковых просветительских практик в Удмуртии;
- рассмотреть значимые проекты по популяризации этнокультурного своеобразия на современном этапе (описывается, прежде всего, научная и образовательная деятельность, работа национально-культурных и иных общественных организаций по сохранению этноязыковых практик);
- проанализировать отдельные электронные ресурсы в сети Интернет, способствующие популяризации особенностей культуры, истории и духовных традиций отдельных народов Удмуртской Республики.

Материалом для исследования стали полевые материалы авторов (ПМА), собранные в ходе экспертных интервью со специалистами из различных сфер: науки и образования, средств массовой информации и национальной прессы и т.д. Кроме того, весной-летом 2024 г. мы проводили опросы среди учителей образовательных организаций и преподавателей системы среднего профессионального образования по теме «Специфика этнокультурного просвещения в современной Удмуртской Республике». В ходе работы нами было опрошено более 60 педагогов, которые указывали нам на основные этнические маркеры, перечисляли формы и приемы сохранения и популяризации этноязыкового и этнокультурного многообразия народов Удмуртской Республики, которые они применяют в своей практике.

Кроме того, при работе над статьей использовались материалы тематических ресурсов сети Интернет, раскрывающих многообразие практик этнокультурного просвещения в России и Удмуртии.

Исторически Удмуртская Республика сформировалась как полиэтничный регион, в котором на протяжении длительного времени проживают различные этносы. Сегодня эту территорию по характеру и состоянию межнациональных отношений принято относить к группе относительно благополучных регионов Российской Федерации, без выраженных источников напряженности, с доминирующей толерантной моделью поведения проживающих на этой территории этносов. По данным переписи 2020 г., в Удмуртии проживали представители более 120 этносов, однако, самую многочисленную группу составляют русские – примерно 60%. Следом идут удмурты – около 26%, и татары – около 5%. Другие народы: марийцы, башкиры, чувашаи, бесермяне, иные этносы представлены относительно малочисленными сообществами [2]. Современная этнодемографическая картина изучаемой территории сегодня позволяет говорить об определенной уникальности Удмуртии, выраженной в стабильном пропорциональном соотношении финно-угорского, славянского и тюркского компонента, что отличает Удмуртию от других субъектов Российской Федерации [3].

Прошедший XX век оказался довольно противоречивым для народов республики в плане трансформации и бытования этнической идентичности в различных областях жизни регионального социума. Национальная политика молодого советского государства на территории Удмуртии была связана с включением в работу государственных структур представителей интеллигенции из числа коренного населения, что было особенно характерно для 1920–30-х годов. В это время параллельно со сбором исторических, археологических, этнографических и лингвистических материалов в Удмуртии распространялась политика «коренизации» управленческого аппарата, как одно из условий создания государственности титульной нации. Эта задача должна была решаться, прежде всего, повышением грамотности. С другой стороны, «выдвиженчество», «коренизация аппарата» были превращены в политическую кампанию борьбы с идеологическими противниками складывающейся командно-административной системы [4].

В 40-50-е годы XX в. сфера функционирования этнокультурного просвещения стала заметно сужаться. Специалисты отмечают, что «к 1950 г. в Удмуртии не осталось ни

одной удмуртской средней школы. Переход ко всеобщему семилетнему образованию в 1949-1952 гг. стал следующим шагом к сокращению роли и функции национальной школы» [5, с. 76]. Можно констатировать, что перевод национальных школ Удмуртии на русский язык обучения, осуществляемый с 50-х годов XX в. закреплял разрыв носителя этнической культуры с родным языком, с традиционным образом жизни; «переводил» удмуртов в русло русской культуры; среди них усилились темпы языковой и культурной ассимиляции [5, с. 78].

В 1960–1980-е гг. по результатам принятых решений в сфере национально-языковой политики государства, в региональном обществе сложилось устойчивое мнение о том, что удмуртский язык отделяет людей от достижений передовой советской культуры и нужен лишь для бытового общения в семье. Специалисты отмечают, что «среднее и неполное среднее образование можно было получить только на некоторых национальных языках автономий России, а высшее образование – только на русском языке. Родители отдавали предпочтение именно ему, т.к. это способствовало социальной мобильности и успешной карьере их детей в будущем» [6, с. 20].

В годы «перестройки» в СССР учреждениям системы образования, науки и культуры предлагалось шире использовать свои полномочия в организации воспитательной работы с детьми и молодежью, в объединении усилий родителей, семьи, школы, учреждений науки и культуры, творческих союзов, средств массовой информации, общественных организаций. Необходимость демократических реформ понималась политическим руководством страны, а задачи по популяризации этнокультурного своеобразия ставилась наравне с важнейшими экономическими и политическими задачами. В документах советского правительства этого периода отмечалось, что «воспитание молодого человека должно осуществляться объединенными усилиями школы, семьи, средств массовой информации, искусства» [7, с. 19]. Тем не менее, отличительной особенностью языковой политики СССР в этот период «стали активные действия, направленные на повышение статуса русского языка относительно статуса национальных языков. Централизованное управление предполагало приоритетные позиции общего, государственного языка во всех сферах жизни общества» [6, с. 24]. Это привело к тому, что в начале 90-х годов прошлого века на фоне размывания этнической специфики и потери этноязыковой самобытности, например, в ряде финно-угорских республик бывшего Советского Союза началось движение за возрождение языков, культур, этнических традиций. Такое движение «снизу» поддерживалось общими идеями демократизации общества. [7, с. 22]. В данный период в Удмуртии возникли первые национально-культурные объединения (НКО), которые должны были помочь, в том числе, системе образования следовать основным принципам новой образовательной политики: демократизация; регионализация; многообразие в целях и задачах образовательных практик. У удмуртов такой организацией стала «Всеудмуртская ассоциация «Удмурт кенеш» (1991 г.); у русских – «Общество русской культуры Удмуртской Республики» (1991 г.); у татар – «Татарский общественный центр Удмуртской Республики» (1991 г.). Эти общественные организации, представляющие наиболее многочисленные народы Удмуртской Республики, функционируют и сегодня, хотя их деятельность заметно ослабла в политической сфере, и ограничивается сегодня участием в проектах по популяризации языка; в содействии преподаванию родных языков и изучению особенностей культуры народов вне школ; в работе по наполнению тематических электронных ресурсов. Такое изменение вектора активности НКО связано, прежде всего, с характерными для современной России тенденциями: активные ассимиляционные процессы, укрепление принципов федерализма; унификация языковой политики; утверждение федеральных образовательных стандартов.

Усиливающиеся в современности ассимиляционные процессы набирают обороты по мере увеличения количества межнациональных браков, внутренней миграции, роста урбанизации. Всё это приводит к тому, что на современном этапе этническая структура

населения республики усложняется, появляются представители новых этнических сообществ (азербайджанцы, армяне, таджики, узбеки). Впрочем, они вряд ли изменят сложившуюся пропорцию, обусловленную наиболее многочисленными этносами в Удмуртии (русские, удмурты, татары), так как, стабильная картина присутствия трёх традиционных для Удмуртии этносов сохраняется с начала XX в., о чём свидетельствуют и данные Министерства национальной политики УР [8].

Государственными языками в современной Удмуртской Республике являются удмуртский и русский языки. Статус их юридически закреплён в Конституции Удмуртской Республики (1994 г.) и в Законе «О государственных языках Удмуртской Республики и иных народов Удмуртской Республики» (2001 г.). Тем не менее, доминирование русского языка над языком титульной нации очевидно, в силу названных выше обстоятельств. Впрочем, на фоне усиления роли русского языка, как наиболее предпочтительного в сфере межнациональной коммуникации в Удмуртии, были выявлены некоторые новые тенденции в функционировании миноритарных языков. Среди них: расширение общественных функций удмуртского, татарского, марийского, языка (масштабные мультимедийные проекты по популяризации языка, постоянная работа образовательных организаций по популяризации этнокультуры на урочных и внеурочных занятиях, в системе дополнительного образования детей); сохранение практик преподавания родных языков этнических диаспор вне школ (работа воскресных этнокультурных школ евреев, армян, азербайджанцев; проведение общественными организациями национальных праздников и фестивалей, научно-популярных мероприятий и просветительских акций); появление тематических электронных ресурсов в сети Интернет, способствующих популяризации языков, особенностей культуры, истории и традиций народов Удмуртской Республики.

Позитивные тенденции рассмотрения этнокультурных и этноязыковых просветительских практик как действенных механизмов сохранения этнической идентичности народов Удмуртии нашли своё отражение в нормативной и правовой базе последних лет. В частности, в 2021 г. Министерством национальной политики рассматривалась и обсуждалась Концепция развития этнокультурного просвещения в Удмуртской Республике. А в 2022 г. Министерством образования и науки Удмуртской Республики обсуждалась и рассматривалась Концепция развития этнокультурного образования в Удмуртской Республике и план мероприятий по её реализации до 2026 г. В подготовке и разработке концепций, в обсуждении основных положений приняли деятельное участие научные сотрудники Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН и сотрудники Научно-исследовательского института национального образования Удмуртской Республики, преподаватели республиканского Института развития образования, педагогические работники Удмуртской Республики.

Появление такого рода документов закономерно. Например, когда речь заходит о сохранении удмуртского языка (как языка титульной нации в республике) на фоне усиления ассимиляционных процессов в стране и в мире, то специалисты, в первую очередь, обращаются к сфере науки и образования. Действительно, большинство инициатив по развитию и продвижению удмуртского языка относятся к деятельности научных и образовательных организаций республики.

Так, наряду с Удмуртским институтом истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН в республике функционирует Научно-исследовательский институт национального образования Удмуртской Республики. Его деятельность связана с осуществлением деятельности, направленной на проведение, координацию и обеспечение фундаментальных и прикладных исследований по проблемам сохранения и развития регионального этнокультурного образования. Наш эксперт отмечает, «институт, развивая, прежде всего, национальное образование удмуртов, сопровождает работу по реализации Закона Удмуртской Республики "О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках народов Удмуртской Республики"; разрабатывает учебники и учебно-

методические пособия с национальной и этнокультурной спецификой, взаимодействует с образовательными организациями республики. За последние годы сотрудниками института разработаны учебники и учебно-методические комплексы (далее – УМК) для обучения удмуртскому языку в школах и детских садах для владеющих языком и не владеющих языком. Для детей, говорящих на родном языке, издан УМК «Зарни бугор» («Золотой клубок»), который направлен на социально-коммуникативное, речевое, познавательное, художественно-эстетическое, физическое развитие. В свою очередь, для обучения удмуртскому языку детей 4-7 лет, не владеющих родным (удмуртским) языком, создан УМК «Жильыртйсь ошмес» («Журчащий родник»). Также для развития речи детей дошкольного возраста на удмуртском языке используются УМК «Вераськон куараоскыће пöртэмесь соос!» («Звуки – какие они разные!»), «Ог-огедлы жечен» («Друг к другу с добром»). Этнокультурное образование дошкольников, благодаря работе сотрудников института, активно развивается и внедряется в образовательный процесс в трёх важнейших направлениях: ознакомлением с родным краем, культурой родного народа, изучение родного (удмуртского/татарского/марийского) языка». (ПМА. Материалы интервью с Ураськиной Н.И., директором КНУ «Научно-исследовательский институт национального образования». 07.06.2024 г.).

Благодаря усилиям соответствующих организаций, министерств и ведомств в Удмуртии функционируют детские сады и школы, где этнокультурная специфика сегодня является приоритетной. Количество воспитанников детских садов, изучающих родной удмуртский язык в образовательном процессе в 2022–2023 учебном году составило 5404 воспитанника [9, с. 16]. По словам наших экспертов «по таким предметам как «Родной (удмуртский) язык» (для учащихся, владеющих удмуртским языком), «Литературное чтение на родном (удмуртском) языке», «Родная (удмуртская) литература» разработаны федеральные рабочие программы, включенные в федеральную образовательную программу; учебно-методические комплексы, включенные в федеральный перечень учебников, для уровней начального общего, основного общего, среднего общего образования. Подготовлены рабочие программы, учебно-методические комплексы и для учащихся, не владеющих удмуртским языком. Кроме того, на всех уровнях образования в состав УМК, помимо печатных материалов, входят электронные формы учебников, которые доступны для скачивания на официальном сайте Научно-исследовательского института национального образования» и на информационно-образовательном портале по обучению удмуртскому языку и литературе «Удмурт кылдунне». Они призваны дополнять печатный вариант учебника интерактивными образовательными инструментами». (ПМА. Материалы интервью с Ямаевой Н.П. старшим научным сотрудником КНУ «Научно-исследовательский институт национального образования», и с Анфиногеновым Б.В., младшим научным сотрудником КНУ «Научно-исследовательский институт национального образования». 07.06.2024 г.).

Учебно-методический комплекс (УМК) «Жеч-а, бур-а, удмурт кыл!», разработанный для начальной и основной школы, «создан с идеей о том, что русский язык для обучающихся по данной программе первичен. Это означает, что методическое содержание выстраивается на основе речевой ситуации, обыгрываемой в текстах с этнокультурной спецификой. Ориентированный на среднее звено УМК «Удмурт литература» знакомит с образцами удмуртской словесности, дает базовые литературно-теоретические понятия удмуртского языка. Методологической основой современных УМК по удмуртскому языку является системно-деятельностный подход» (ПМА. Материалы интервью с Ураськиной Н.И., директором КНУ «Научно-исследовательский институт национального образования». 07.06.2024 г.).

Удмуртский язык как предмет «изучается с 1 класса в подавляющем большинстве школ в районах республики с компактным проживанием удмуртов. В Ижевске удмуртский язык преподают в Удмуртской государственной национальной гимназии им. Кузубая Герда, созданной в 1994 г. Также предметное обучение удмуртского языка и

этнокультурных особенностей Удмуртии организовано в МБОУ «СОШ № 11» и в МБОУ «СОШ № 59» города Ижевска» (ПМА. Материалы интервью с Юминой Т.Ф., руководителем фонда «Культурный капитал Ижевска». 17.11.2023 г.). Всего в общеобразовательных организациях Удмуртской Республики в 2022-2023 родной (удмуртский) язык и литературу выбрали 15913 учащихся в 169 школах, родной (татарский) язык и литературу – 369 учащихся в 6 школах, родной (марийский) язык и литературу – 177 учащихся в 4 школах [9, с. 53].

По словам нашего эксперта, «удмуртский язык изучают в детских садах, школах городов Можги, Глазова, Воткинска, Ижевска, во многих районах республики. Подготовка специалистов для образовательных организаций осуществляется в Можгинском педагогическом колледже, Удмуртском государственном университете, Глазовском инженерно-педагогическом университете. На интернет-платформах есть видеокурсы по продвижению удмуртского языка, электронные тренажеры («Кылдысин: учим удмуртский на ПК»), созданные энтузиастами. Но «флагманом» изучения удмуртского языка продолжает оставаться Национальная гимназия им Кузубая Герда» (ПМА. Материалы интервью с Байметовым В.А., заместителем главного редактора газеты «Удмуртская правда». 22.02.2024 г.).

В последние годы в Удмуртской Республике особое внимание уделяется не только качественному преподаванию удмуртского языка и литературы, но и в целом, системному этнокультурному образованию и просвещению. Например, НИИ национального образования и республиканское издательство «Удмуртия» обеспечивают высокое качество учебных материалов, а Удмуртский институт истории, языка и литературы обеспечивает заинтересованных специалистов качественными научно-информационными материалами по этническому, языковому и конфессиональному многообразию Удмуртии и региона Урало-Поволжья.

Наш эксперт обратил внимание, что «для продвижения удмуртского языка являются полезными электронные формы учебников, мультимедийная обучающая программа по удмуртскому языку «Быдзым лыдзет дауре» («В эпоху великой книги». Авторы: А.Е. Решетникова, Б.Ш. Загуляева, Т.Ф. Юмина), ряд других.». (ПМА. Материалы интервью с Клементьевым А.А., главным редактором научно-методического журнала «Вордскем кыл» (Родное слово). 12.03.2024.).

В последние годы все больше школ на территории Удмуртии активно включаются в реализацию моделей комплексного этнокультурного образования. Большинство школ республики практикуют не столько изучение языков, сколько погружение в этнокультурную специфику локального социума в разных формах и в рамках разных предметных дисциплин. Например, «в 2022/2023 учебном году МКОУ «Орловская ООШ» (Сюмсинский район) и МБОУ «Тарасовская ООШ» (Сарапульский район) занимались изучением истории, культуры, языка наиболее многочисленных народов Удмуртской Республики» (Материалы интервью с Корепановым А.Ю., начальником отдела гармонизации межнациональных отношений Министерства национальной политики УР 02.05.2023 г.).

Возвращаясь к этноязыковым проблемам, следует отметить, что 2022-2023 учебном году в подавляющем большинстве (в 420 общеобразовательных организациях) учащиеся изучают предмет «Русский язык (как родной)». В 179 школах выбрали для изучения в рамках предметной области «Родной язык и родная литература» (в т.ч. родной (удмуртский) язык и литературу – 169 школ (для сравнения: в 2023–2024 учебном году – уже 163); родной (татарский) язык и литературу – 6; родной (марийский) язык и литературу – 4) [9, с. 52].

Что касается удмуртского языка и литературы, «кроме предмета обязательной части учебного плана в 49 школах изучают удмуртский язык и литературу факультативно, в 52 школах – в рамках кружковых занятий». (ПМА. Материалы интервью с Ураськиной

Н.И., директором КНУ «Научно-исследовательский институт национального образования». 07.06.2024 г.).

Мы полагаем, что проблема этноязыкового образования кроется не в отсутствии интереса к изучению языка, а в финансовых трудностях образовательных организаций, в нехватке высококвалифицированных специалистов, в недостаточности информационно-методического сопровождения. Тем не менее в республике наряду с изучением русского и удмуртского языка, сохраняются практики этноязыкового просвещения других народов.

Наш эксперт отмечает, что «татарский язык изучают в МБДОУ «Детский сад № 107» г. Ижевска, а как предмет он преподаётся в МБОУ «Гимназия № 6 им. Габдуллы Тукая» (г. Ижевск). В Базинском районе татарский как предмет изучается в МБОУ «Кестымская средняя школа», МБОУ «Падеринская ООШ». Кроме того, этот язык изучается в двух школах Сарапульского и трех школах Юкаменского районов. Для желающих повысить уровень знания языка организованы курсы, в том числе, при мечетях» (*Материалы интервью с Корепановым А.Ю., начальником отдела гармонизации межнациональных отношений Министерства национальной политики УР 02.05.2023 г.*). Другой эксперт отметил, что «на сегодняшний день в республике нет масштабных ресурсов, обеспечивающих изучение всего многообразия языков в Удмуртии. Но, для людей, изучающих татарский язык, есть образовательные ресурсы в сети Интернет на татарском языке. Например: «Туган тел». Всё для изучения татарского языка; «Учим татарский язык играя»; «Изучаем татарский язык». Обучающий курс для школьников и взрослых (*ПМА. Материалы интервью с директором Удмуртской государственной национальной гимназии им. Кузубая Герда Волковой Т.Г. 17.04.2024 г.*).

Марийский язык как предмет изучают в школах Каракулинского, Алнашского, Граховского районов, в местах компактного проживания марийцев в Удмуртии. Первой ступенью к познанию и изучению родного марийского языка является детский сад, далее школа. По данным статистики «на начало 2022/2023 учебного года марийский язык как предмет изучали 12 человек в Алнашском районе (деревни Мари-Гондырево, Варали) 49 – в Граховском (деревни Мари-Возжай, Большая Ерыкса, Иж-Бобья), 116 – в Каракулинском» (деревни Нырғында, Бырғында, Усть-Сакла). В Ижевске ежегодно организуются курсы по изучению марийского языка, на республиканском уровне ежегодно проходит марийский национальный праздник «Семьк» (*Материалы интервью с Корепановым А.Ю., начальником отдела гармонизации межнациональных отношений Министерства национальной политики УР 02.05.2023 г.*).

Действенным вариантом решения проблемы недостаточности краеведческих знаний на занятиях в школе может стать использование гипертекстовых технологий в виртуальном информационном пространстве с региональной тематикой. Например, опыт педагогов д. Бырғында (Каракулинский р-н Удмуртии) способствуют развитию навыков самостоятельной работы с массивами сложной теоретической информации, имеющей региональную специфику, в частности, на занятиях по географии. Итогом практической реализации такой идеи, стал сборник рабочих программ и отдельных поурочных разработок [10].

Иврит и «особенности иудейской религиозной культуры изучают в МБДОУ «Детский сад № 280». Благодаря сотрудничеству с общественной организацией «Общинный центр еврейской культуры Удмуртской Республики» на базе детского сада организуются праздники, фестивали, конкурсы. Кроме того, в Доме дружбы народов функционирует еврейская воскресная/этнокультурная школа, где организовано преподавание иврита для школьников. Стараниями актива еврейской диаспоры работают курсы изучения языка по программе «Ульпан» (*Материалы интервью с Уракбаевой М.Р., заместителем начальника отдела гармонизации межнациональных отношений Министерства национальной политики УР 02.05.2023 г.*).

В современных условиях популяризация миноритарных языков и изучение многообразных этнических культур Удмуртии перемещается в сферу дополнительного

образования для детей. Так наш эксперт отмечает, что «уже более 30 лет работает республиканский проект «Шундыкар» (Солнечный город) – организация межрегиональных лагерных смен для творческих детей. Проект направлен на пропаганду традиционной культуры путём овладения ремеслами, изучения фольклора, а также освоения современных актуальных навыков – журналистского мастерства, в том числе в видеоформате, социального проектирования, дизайна одежды и многих других направлений» (*Материалы интервью с Корепановым А.Ю., начальником отдела гармонизации межнациональных отношений Министерства национальной политики УР 02.05.2023 г.*).

Имея квалифицированных педагогов и материальные возможности для организации учебного процесса, в Удмуртии функционируют воскресные/этнокультурные школы армян и азербайджанцев, в чем немалая заслуга руководителей этих национально-культурных объединений и их филиалов. В выходные дни в учебных классах Дома дружбы народов (г. Ижевск) у всех желающих есть возможность изучать армянский и азербайджанский языки, познать искусство танца этих народов, услышать игру на музыкальных инструментах. Воскресные школы, обеспечивающие образовательный процесс с добукварного периода до усвоения норм и правил армянского или азербайджанского языков, выполняют просветительские, воспитательные, эстетические, культурные и коммуникативные функции. В современных условиях представителям этих диаспор удаётся сохранить родной язык как средство коммуникации внутри этнической общины, привить ценностные установки и моральные основы этнофоров. Молодое поколение, являясь уроженцами УР, в совершенстве владеет русским языком, но в семье преимущественно говорит на родном армянском или азербайджанском языке. Организация активами диаспор национальных праздников, участие в конкурсах, флешмобах способствуют отождествлению и осознанию своей этнической принадлежности, содействует оформлению чувства единства и сплоченности в условиях инокультурной среды [11; 12].

Согласно Конституции нашей страны (ст. 68), республики РФ вправе устанавливать свои государственные языки и использовать их в учреждениях и органах местного самоуправления. Другими словами, на территории, например, национальных республик русский язык и язык титульного этноса функционально равны. Предполагает ли это повсеместное применение (изучение, знание, понимание) языка титульного народа, например, на территории Удмуртской Республики? Да, формально все условия для этого созданы, но в реальности это сопряжено с рядом проблем реализации этих конституционных принципов на практике. Часто региональные власти сталкиваются с нехваткой высококвалифицированных кадров, достаточного информационно-методического обеспечения и сопровождения, с недостаточностью электронных ресурсов и современных инструментов сети Интернет для продвижения этнокультурной специфики.

Безусловно, на фоне известных проблем экономического и социального характера, общественные функции удмуртского языка в последние годы расширились. Сегодня в Удмуртии успешно реализуются многочисленные проекты по расширению сферы применения языка (работает постоянно действующая термино-орфографическая комиссия по переводу текстов названий, осуществляется перевод указателей, вывесок, наименований товаров и продуктов, переводятся на удмуртский язык сайты госучреждений и т.д.); успешно работают онлайн-проекты, помогающие усваивать язык; формируются и постоянно пополняются виртуальные базы данных по объектам нематериального культурного наследия народа; функционируют бесплатные курсы по изучению языка; плодом совместной работы Национальной гимназии им. Кузубая Герда и республиканского Дома Дружбы народов является работа школы «Билингва» для детей, желающих изучать разные языки; сохраняются элементы национальной школы в образовательных организациях республики. Всё это расширяет присутствие удмуртского

языка в региональном социуме, но одновременно с этим идет снижение количества детей, изучающих удмуртский язык и литературу, как школьные предметы; наблюдается переход на русский язык при повседневном общении; даёт свои эффекты активная ассимиляция (наблюдается рост числа городского населения и снижение сельского, где, традиционно, большая часть удмуртов достаточно активно использует свой родной язык). Другими словами, использование удмуртского языка в публичной сфере трансформируется. Чтобы удмуртский язык жил, развивался и транслировался он должен быть (в первую очередь) языком повседневного общения, коммуникации на уровне обыденного сознания. На нем должны говорить и дети, и взрослые, и не только в рамках образовательных практик или просветительских акций. Вероятно, это главное условие для его сохранения и успешного функционирования в будущем.

Одним из инструментов поддержания этнической идентичности выступает интернет с его возможностями по актуализации маркеров этнической идентичности. Специалисты отмечают, что «национальный интернет в Удмуртии, как и в целом в России, как новая форма этнокультурного виртуального мира находится в стадии формирования, структурирования, идейного и содержательного наполнения» [13, с. 85]. Известно, что «национальный Интернет», «этнический Интернет» – это действенный информационный инструмент для поддержания и сохранения этнической идентичности россиян. Наш эксперт обратил внимание, что «полезны видеокурсы удмуртского языка, разработанные удмуртской молодёжной общественной организацией «Куара», ценность представляют ресурсы для андроида, продвигаемые Григорием Григорьевым, известным удмуртским разработчиком электронных приложений. Полезен ресурс, созданный общественной организацией «Центр этнокультурного образования «Артэ» на базе гимназии им. Кузубая Герда» – «Лаборатория Арки» (ПМА. Материалы интервью с директором Удмуртской государственной национальной гимназии им. Кузубая Герда Волковой Т.Г. 17.04.2024 г.).

Один из наших респондентов отмечает, что в Удмуртии есть электронные ресурсы, обеспечивающие поддержание интереса к изучению этнического многообразия в Удмуртии. В частности, «основной такой ресурс – официальный сайт Дома дружбы народов. Информация и новости об этнокультурном многообразии есть также на официальном сайте Миннаца УР. В газете «Удмуртская правда», в том числе, и в версии для сети Интернет, есть регулярные рубрики "Удмуртский мир" и "Татарский мир", где публикуются материалы о деятельности Миннаца УР и интервью с руководителями национально-культурных объединений, деятелями науки, национального искусства и культуры». (ПМА. Материалы интервью с Байметовым В.А., заместителем главного редактора газеты «Удмуртская правда». 22.02.2024 г.).

Другой эксперт обратил внимание, что «есть электронные ресурсы, обеспечивающие поддержание интереса к изучению этнического многообразия в Удмуртии. Изучение этнического многообразия – это обязательная часть этнокультурного просвещения. К таким ресурсам можно отнести, например, сайт Министерства национальной политики Удмуртской Республики; сайт Государственного музея истории религии; виртуальная площадка – «Megas» – единая фольклорно-этнографическая онлайн площадка; сайт Национального музея Удмуртской Республики имени Кузубая Герда; сайт Российского этнографического музея; сайт Кунсткамеры; сайты историко-краеведческих музеев национальных республик и областей Российской Федерации; реестр объектов нематериального культурного наследия народов России» (ПМА. Материалы интервью с Борлуковой Н.В., старшим преподавателем кафедры социально-гуманитарного и этнокультурного образования АОУ ДПО УР ИРО. 27.02.2024 г.).

Ещё один эксперт обратил внимание, что «в Удмуртии есть электронные ресурсы, которые обеспечивают поддержание интереса к изучению религиозного многообразия в нашей республике, что тоже является частью системной работы по этнокультурному просвещению. К таким можно отнести, например: сайт Удмуртской и Ижевской епархии

и сайт Духовного управления мусульман в Удмуртской Республике ». (ПМА. Материалы интервью с Осиповым В.Н., старшим преподавателем кафедры социально-гуманитарного и этнокультурного образования АОУ ДПО УР ИРО. 27.02.2024 г.).

Информация, полученная от наших экспертов, свидетельствует, что «национальный Интернет», «этнический Интернет» – это действенный информационный инструмент для поддержания и сохранения этнической идентичности, но на современном этапе он требует дополнительного внимания и финансовой поддержки федеральных и региональных властей.

Таким образом, анализ этнокультурных просветительских практик в Удмуртии показал, что этнокультурная составляющая в области просвещения и образования последовательно реализуется. Происходит такой процесс не только в детских садах и школах. Реалии настоящего времени указывают на то, что только предметное обучение удмуртскому языку (отдельная дисциплина на занятиях в образовательных организациях) не всегда способно обеспечить эффективную преемственность и коммуникацию внутри этнического сообщества. Региональной общественности необходимо думать об эффективных практиках говорения, поддержания интереса к языку в семье, при неформальном общении. В связи с этим необходимо создать условия, чтобы языки народов Удмуртии использовались и в системе дополнительного образования для детей, в неформальных диалогах родителей с детьми, педагогов с обучающимися. Другими формами популяризации языков могут быть практики проектной деятельности по изучению этнической и языковой культуры своего народа; в том числе, в сети Интернет.

В целом в настоящее время сегмент национального интернета в Удмуртии указывает на недостаточное языковое разнообразие контента. Однако, учитывая этнокультурное своеобразие Удмуртии, мы констатируем позитивную динамику развития «национального интернета». В перспективе он должен стать одним из объектов детального этнологического изучения и мониторинга. Инновации по размещению в интернете материалов, иллюстрирующих многообразие этнических маркеров и проявлений этнической идентичности этнофора, могли бы стать эффективным стимулом для сохранения этнической и региональной идентичности; действенным мотиватором для носителей культуры к изучению родного языка, истории и традиций своего народа.

Результаты исследования могут быть полезны органам власти в практике совершенствования национальной политики; педагогам для дальнейшего развития этнокультурного образования и просвещения; активистам и представителям общественных организаций в деятельности национально-культурных объединений; представителям СМИ (в т.ч. и электронных) для популяризации позитивных установок на гармонизацию межнациональных отношений и формирования этнической, региональной и федеральной идентичности жителей Удмуртской Республики.

1. Хадикова А.Х. Этнофор: историко-этнографический аспект изучения (на материале исследования феномена этничности разделенного осетинского этноса) // Известия СОИГСИ. 2022. №46 (85). С. 105-116.
2. Итоги Всероссийской переписи населения 2020. Том 5. Национальный состав и владение языками. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami. (дата обращения 23.10.2024).
3. Касимов Р.Н., Черниенко Д.А. Историко-культурные основания этноконфессиональной толерантности в Удмуртии. Теория и практика общественного развития. 2015. № 21. С. 198-201.
4. Чекушкин А.Н. Формирование национальных кадров в финно-угорских автономиях в 1920-1930-е гг. (на примере марийского, мордовского и удмуртского народов) // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2011. № 1. С. 20-25.
5. Васильева О.И., Воронцов В.С. Национальная школа в Удмуртии: история и современность // Ежегодник финно-угорских исследований. 2013. № 2. С. 70-85.
6. Егорова А. Ю. Особенности языковой политики в СССР в период 1940-1991 гг. // Время науки – The Times of Science. 2022. №1. С. 17-25.

7. Ковалева М. Е. Медиапедагогика и основные этапы реформы отечественного образования в период перестройки // Медиаобразование. 2013. № 2. С. 15-28.
8. Министерство национальной политики Удмуртской республики. – URL: <https://minnac.ru/deyatelnost-ministerstva/nacziionalnyj-sostav/?ysclid=m0xlpw7rr4596461492> (дата обращения 21.10.2024).
9. Ураськина Н.И., Бородина А.Е., Бусыгина Л.В., Ямаева Н.П. Управление в сфере этнокультурного образования Удмуртской Республики: современное состояние, проблемы и перспективы: сборник материалов мониторингового исследования. Выпуск 6. Ижевск, 2023. 100 с.
10. Актуализация этнокультурной составляющей при тематическом планировании уроков географии. 5–9 классы: методические материалы / Сост.: Р.Н. Касимов, Э.В. Осипов, В.Л. Паркачев. Ижевск: АОУ ДПО УР ИРО, 2021. 80 с.
11. Кудрявцева И.К. Азербайджанцы в полиэтничной среде Удмуртии: факторы сохранения национальной идентичности // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2023. Т. 13. № 2. С. 254-262.
12. Кудрявцева И.К. Армяне в Удмуртии: практики сохранения этнической идентичности в многонациональном регионе // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2023. Т. 13. № 1. С. 68-76.
13. Черниенко Д.А. Этническая культура Удмуртии в региональном медийном и интернет-пространстве (на примере славянских народов) // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2019. № 2 (7). С. 80-87.

Кудашева В.А., Явнова И.И.

Особенности колониального развития Франции в конце XIX – начале XX вв.

*(ф) Уфимский университет науки и технологии
(Россия, Стерлитамак)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-152

Аннотация

Статья посвящена изучению особенностей становления и развития колониальной системы Франции в конце XIX – начале XX в. Огромное значение уделяется рассмотрению проблем связанных с формированием французских колоний на территории Африки и Ближнего Востока, а также участие Франции в колониальных войнах.

Ключевые слова: колониальная империя, колония, колониальная система, колониальная власть, конфедерация.

Abstract

The article is devoted to the study of peculiarities of formation and development of colonial system of France in the end of XIX - beginning of XX centuries. The great importance is given to the consideration of problems connected with the formation of French colonies on the territory of Africa and Middle East, as well as the participation of France in colonial wars.

Keywords: colonial Empire, colony, colonial system, colonial power, confederation.

В конце XIX в. Франция представляла из себя одно из самых сильнейших государств на международной арене, активно проводившей дипломатическую политику в отношении других европейских государств. Немаловажное значение имеет тот факт, что Франция была колониальной империей, владевшей колониями в различных частях света. Данный факт предопределил внешнеполитическое развитие Франции в конце XIX – начале XX вв. Следует сказать о том, что в это время окончательно оформилась французская колониальная система, которая значительным образом отличалась от английской и немецкой колониальной системы [4, с.51].

Большая часть французского колониального владычества в XIX – начале XX вв. распространялась на территорию Африканского континента. Основу французских колоний составлял Алжир, колонизация которого началась в 1830 г. Французское вторжение на территорию Алжира была встречено упорным национально-освободительным движением арабских народов, что привело к большим потерям Франции в живой силе. Лишь только к 1903 г. Алжир был полностью колонизирован

Францией. В отношении метрополии, Алжир выступал сырьевым придатком для развития французской национальной экономики и предпринимательской деятельности [2, с.98].

В начале XX в. Франция стала распространять собственные колониальные сферы влияния на Марокко. Покорение Марокко французской колониальной империей происходило достаточно сложно. Упорное сопротивление колониальным силам в Марокко оказывали вооруженные повстанческие отряды арабов и берберов. В 1912 г. Франция установила протекторат над Марокко. Французская метрополия использовала принцип косвенного управления над Марокко. Султан и правящая элита официально управляли государством, он фактически находились в политической и экономической зависимости от французской метрополии.

В 1881 г. Франция устанавливает протекторат над Тунисом в результате вооруженного захвата данной территории. Как и в Марокко, французы управляли страной опосредованно и сохраняли существующую правительственную структуру. Бей оставался абсолютным монархом, тунисские министры по-прежнему назначались, хотя и подчинялись французской власти. Со временем французы постепенно ослабили существующие властные структуры и централизовали управление в рамках французской колониальной администрации [1, с.110].

На территории Западной Африки в конце XIX в. образовалась французская конфедерация колониальных владений. Французская Западная Африка включала в себя Мавританию, Сенегал, Гвинею, Берег Слоновой Кости, Нигер, Верхнюю Вольту, Дагомею, Тоголенд и Судан. На данных территориях французские колониальные власти проводили политику создания инфраструктурной базы для развития африканского общества, а именно: строили дороги, дамбы, каналы, проводили политику ликвидации безграмотности, путем строительства школ, а также происходило создание железнодорожных путей и сообщений между колониальными владениями. Кроме этого, политика развития инфраструктуры на Африканском континенте осуществлялась в экваториальных французских владениях: Габон, Конго, Убанги-Шари, Чад [2, с.139].

В 1896 г. Мадагаскар становится колониальным владением Франции путем прямого военного захвата данной территории. Тем самым, под контролем Франции входили такие территории как: Коморские острова, Майотта, Реюньон, Кергелен, остров Сен-Поль, остров Амстердам, а также острова Крозе, Бассас-да-Индия, Европа, Хуан-де-Нова, Глориозо и Тромлен.

Следует акцентировать внимание на том, что формирование французских владений на территории Африки и других континентов происходило в процессе колониальных войн и дипломатических конфликтов с Германской империей. Начиная с 1881 г. Германская империя становится главным внешнеполитическим противником Франции в колониальном разделе мира. Это обстоятельство оказало существенное влияние на начало Первой мировой войны. Франко-германское соперничество колониальное соперничество осуществлялось на Тихом океане. Именно тогда Франция заключила дипломатическое соглашение с Великобританией о совместной борьбе против германской колониальной экспансии. Благодаря этому, была создана Французская Океания, а также произошло образование колоний в Южной части Тихого океана – Новая Каледония, острова Общества, Маркизские острова, Гамбье, Австралийские острова и Туамоту [4, с.161].

Ближний Восток и Юго-Восточная Азия также стали объектом колониальных захватов Франции. В 1867 г. Франция устанавливает протекторат над Камбоджей, и начинает политически влиять на Лаос и Сиам. Начиная с 1871 г. французские экспедиционные силы постепенно захватывают Северный и Центральный Вьетнам, а также основывают официальные концессии в некоторых провинциях Китая.

На территории Ближнего Востока, Франция вела борьбу за колонии с Османской империей и ее союзников Германской и Австро-Венгерской империей. Британские и французские дипломаты совместными усилиями добились созданию союза в борьбе за

ближневосточный регион. В результате этого, англо-французским экспедиционным силам удалось установить контроль над Египтом и Ливаном и завершить строительство Суэцкого канала [5, с.189].

Французские колониальные власти, под влиянием революционных идей о равенстве, стандартизировали школы, учебные программы и методы преподавания, насколько это было возможно. Они не создавали колониальные школьные системы с целью развития амбиций местного населения, а просто экспортировали системы и методы, популярные в метрополии. Умеренно подготовленная низшая прослойка бюрократии была очень полезна колониальным властям. Формирующаяся местная элита, получившая образование во Франции, не видела смысла в обучении сельских жителей. Все это в окончательном итоге привело к созданию предпосылок для развития национально-освободительного движения на Африканском континенте и ближневосточном регионе после Первой мировой войны и во время Второй мировой войны [3, с.211].

Таким образом, Франция в конце XIX – начале XX в. представляла собой мощную колониальную империю, сферы территориального и политического влияния которой распространялись на Африканский континент, Тихий океан, ближневосточный регион и Юго-Восточную Азию. Весь внешнеполитический курс Франции складывался в колониальном противостоянии агрессии Германской и Османской империи. Именно в данный исторический период стал складываться военно-политический союз между Францией и Великобританией, который впоследствии перерос в формирование Антанты.

1. Акимов Ю.Г., Костюк Р.В., Чернов И.В. Франция в мировом порядке в начале XX в. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2017. 398 с.
2. Лэнгли Майкл. От Бизерты до залива: французы в Африке. М.: Центрполиграф, 2021. 456 с.
3. Олдрич Роберт. Великая Франция: история французской колониальной экспансии. М.: Международные отношения, 2018. 398 с.
4. Робертс Стивен Х. История французской колониальной политики. СПб.: Яуза, 2022. 509 с.
5. Тарле Е.В. Европа в эпоху империализма. М.: АСТ, 2020. 555 с.

Леонов И.В.

Триколор – флаг власовцев и предателей: разоблачение мифа

*Казанский национальный исследовательский технический университет
(Россия, Казань)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-153

Аннотация

Миф о бело-сине-красном флаге как власовском широко распространён в современной России. Распространен миф не только среди противников флага, но и среди людей, слабо знакомых с его историей. В статье разбирается данный популярный миф о флаге России.

Ключевые слова: флаг России, РОА, исторический миф, Вторая Мировая война, коллаборационизм.

Abstract

The myth of the white-blue-red flag as Vlasov is widespread in modern Russia. The myth is widespread not only among opponents of the flag, but also among people who are poorly familiar with its history. The article examines this popular myth about the flag of Russia.

Keywords: Russian flag, RLA, historical myth, World War II, collaboration.

Миф о власовском флаге широко бытует в современной России. «Триколор – символ предателей» и тому подобные фразы повторяются в интернет-среде из года в год,

особенно в преддверии Дня Победы (9 мая) и Дня российского флага (22 августа). Этот миф, прежде всего, нацелен на тех, кто не знаком с историей триколора – его происхождением и статусом национального флага до революции. Ассоциации триколора с предателем Андреем Власовым особенно популярны у коммунистов и других сторонников возвращения советской символики, которая утратила государственное значение после распада Советского Союза.

В 1942–1943 годах были образованы первые военные группы русских коллаборационистов при активном участии белоэмигрантов Григория Ламсдорфа, Константина Кромиади и других, совместно с Андреем Власовым. В марте 1942 года появилась «Русская национальная народная армия», однако она была расформирована всего через несколько месяцев. В дальнейшие годы была создана воинская часть «Дружина», из которой впоследствии сформировалась 1-я Гвардейская бригада Русской освободительной армии (РОА). Батальон этой бригады возглавила военный парад в Пскове 22 июня 1943 года, и её командиром был капитан Ламсдорф, держащий бело-сине-красный флаг (рис. 1).

Рисунок 1. Парад РОА 22 июня 1943 года.

На параде использовался бело-сине-красный флаг. Так как батальон не имел своего знамени, он получил из Риги крупный шелковый триколор России, под которым власовцы маршировали по улицам города. По сути, коллаборационисты выбрали для проведения парада первый попавшийся символ дореволюционной России. [1, с.167] Как отмечает исследователь символики Н.А. Соболева, не имеется сведений о более ранней легализации триколора, а его появление на параде в Пскове возможно обусловлено влиянием белой эмиграции и носило эпизодический, парадный характер. [3, с.57]

Боевые соединения русских коллаборационистов не были самостоятельными и действовали в составе армии Третьего Рейха (Вермахт). Перед коллаборационистами ставились задачи, связанные с противодействием партизанам, охраной различных объектов, проведением карательных операций и другими подобными действиями. При таком раскладе у подобных соединений вряд ли могла быть собственная символика. Кроме того, открытое использование бело-сине-красного триколора было под запретом у нацистов. Однако Власов, стремясь добиться у немцев согласия на создание русской армии, надеялся, что военная форма, знаки различия и атрибутика этой армии будут иметь свои особенности. [3, с.57]

К 1943 году все боевые соединения коллаборационистов в составе Вермахта были обеспечены значками, отражающими национальные цвета их народов, кроме русских. Проблема с русской символикой усугублялась фактом её запрета нацистскими властями. Вопрос о флаге для русских коллаборационистов курировался Альфредом Розенбергом, главой Имперского министерства оккупированных восточных территорий, который

множество проектов такого флага, в том числе чёрно-желто-белый триколор, известный также как флаг свергнутой династии Романовых (имперский флаг).[8]

Согласно воспоминаниям капитана РОА А. Н. Родзевича, он представил девять различных дизайнов нарукавного знака РОА в бело-сине-красной цветовой гамме, но *«каждый знак был перечёркнут собственноручно министром Восточных областей Розенбергом»*. [6, с.174] В конце концов Розенберг одобрил проект генерал-майора В.Ф. Малышкина, предложившего в качестве символа РОА синий Андреевский крест на белом поле.[7]

Андреевский флаг был поднят 1 марта 1943 года в лагере неподалеку от Дабендорфа, где он использовался как военный штандарт наряду с флагом рейха. Позже знак различия власовской армии, представляющий собой Андреевский крест, также наносился на технику этой армии, в том числе на боевые самолеты. С этого момента термин «РОА» начал использоваться официально как общее название для всех военных формирований, состоящих из солдат русской национальности, действующих на стороне Германии, в отличие от национальных легионов, состоящих из представителей национальных меньшинств. В 1944 году был основан Комитет освобождения народов России (КОНР), который на самом деле представлял собой вымышленное новое правительство, созданное власовцами в России и обозначаемое как «правительство в изгнании».[3, с.58]

28 января 1945 года РОА преобразована в «Вооружённые силы КОНР» (ВС КОНР) и, оставаясь союзниками Германии, укомплектовывались немецкой стороной. Поскольку комплектование происходило в спешном порядке, удалось создать лишь две дивизии ВС КОНР, и только одна из них была сформирована полностью (1-я дивизия под командованием С.К. Буняченко). В её честь 10 февраля 1945 года в Мюнзингене состоялся торжественный парад, на котором был поднят русский национальный флаг рядом с военным флагом Рейха. Позже этот флаг также был поднят во всех гарнизонах РОА.[3, с.59][5, с.27] С этого момента флагом ВС КОНР вместо знамени Третьего Рейха стал бело-сине-красный военно-морской флаг с Андреевским крестом, который был учреждён Петром I. Штандарт главнокомандующего украшали трёхцветные кисти и изображение Георгия Победоносца на голубом фоне. [5, с.19]

В апреле 1945 года дивизия С.К. Буняченко оказалась вовлечена в бой с советскими войсками на западном берегу р. Одер (операция «Апрельская погода»). Потерпев поражение, уходя с своих позиций в Чехию, дивизия Буняченко представляла собой нескончаемый поток людей, над которым развевались трёхцветные флаги, белые с Андреевским крестом и вновь трёхцветные знамена. Конец ВС КОНР, объявленный их лидерами в последние дни войны, был печален, как и судьба самих руководителей, которые пытались прикрыть свою идейную несостоятельность под бело-сине-красным российским флагом.[3, с.59]

Таким образом, официальным символом РОА был не бело-сине-красный триколор, а Андреевский флаг, являющийся на сегодняшний день флагом ВМФ Российской Федерации. Применение триколора как символа носило эпизодический характер и лишь к финалу Второй Мировой войны он стал использоваться на постоянной основе. Другой триколор с похожей цветовой гаммой (французский) использовался коллаборационистским Режимом Виши, но почему-то во Франции никто не выражает недовольства, что триколор является государственным флагом страны. Символ, изобретенный в годы Великой Французской революции, и тогда, и сейчас признается французами как символ их страны и истории.

Такое же отношение к триколору было и в СССР после 1945 года, ибо он считался традиционным историческим флагом России и широко использовался в соответствующем контексте. Есть мнение, что триколор якобы был среди флагов и знамен Третьего Рейха, которые солдаты РККА бросали к подножью Мавзолея на параде победы 1945 года. Между тем, в открытом доступе находятся как съёмки парада[2], так и полный список

трофейных знамён, отобранных для этого парада[4]. Любопытно, что ознакомившись с этими материалами легко может убедиться, что никаких триколоров к подножию Мавзолея Ленина не бросали.

Несмотря на те горячие споры и страсти, которые возникали в XX веке и продолжаются в XXI веке вокруг бело-сине-красного флага России, едва ли стоит воспринимать его с негативом. Эти цвета олицетворяли начало славной истории российского флота и способствовали тому, что множество стран признали величие Российской империи.

1. Васильев М.В. Первый гвардейский батальон РОА // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал, 2016. №44. С.159-176.
2. Исторический Парад Победы 24 июня 1945 года. Полная версия // Телеканал Победа. URL: <http://rutube.ru/video/28f5adeeda72fbc2c23c2a64e0504169/> (дата обращения: 07.10.2024).
3. Соболева Н.А. Историческое прошлое российского триколора: факты и мифы // Военно-исторический журнал, 2014. №8. С.53-60.
4. Список трофейных знамён, отобранных на парад, утверждённый полковником Передельским 21.06.1945 г. (документы Центрального архива Минобороны России) // Документы: Министерство обороны Российской Федерации. URL: http://mil.ru/winner_may/parad/his_docs/more.htm?id=10131@cmsPhotoGallery (дата обращения: 07.10.2024).
5. Хоффманн Й. История власовской армии. Paris: Умса-press, 1990. 265 с.
6. Шатов М.В. Материалы и документы ОДНР в годы 2-й мировой войны. Нью-Йорк: Всеславян. изд-во, 1966. 176 с.
7. Штеенберг С. Генерал Власов // Милитера Военная литература. URL: <http://militera.lib.ru/bio/steenbergs01/steenbergs01.html> (дата обращения: 07.10.2024).
8. Штрик-Штрикфельдт В.К. Против Сталина и Гитлера. М.: Посев, 1993 // Милитера Военная литература. URL: <http://militera.lib.ru/memo/german/strick-strickfeldt/02.html> (дата обращения: 07.10.2024).

Меараго Ш.Л., Кобышев С.В.

**Полководцы и медицина. М.В. Фрунзе – полководец Гражданской войны.
Сообщение 8**

*Северо-Западный государственный медицинский университет имени И.И. Мечникова
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-154

Аннотация

Фрунзе прошел путь от рядового агитатора до самых высоких постов Советского государства. Не имея специального военного образования, Фрунзе стал крупнейшим и самым удачливым красноармейским командиром. Он добился громких военных побед, но потерпел поражение в битве за собственную жизнь.

Ключевые слова: Фрунзе, Гражданская война, обострение болезни.

Abstract

Frunze went from an ordinary agitator to the highest posts of the Soviet state. Having no special military education, Frunze became the largest and most successful Red Army commander. He achieved high-profile military victories, but was defeated in the battle for his own life.

Keywords: Frunze, Civil war, exacerbation of the disease.

Михаил Васильевич Фрунзе был без сомнения выдающейся личностью. Во времена СССР его характеризовали как – «советский партийный, государственный деятель, выдающийся полководец и военный теоретик, один из активных организаторов и создателей Вооруженных Сил СССР. В годы Гражданской войны под его руководством

был разработан и осуществлен ряд крупных наступательных операций, закончившихся разгромом противника. Эти операции отличались оригинальностью замыслов, умелым выбором направлений главного удара и времени их проведения, смелым сосредоточением сил и средств на главных направлениях, широким использованием фронтальных и фланговых ударов, высоким искусством маневра силами и средствами и использованием резервов».

Действительно, именно частями Красной Армии, которыми командовал Фрунзе, был разгромлен Колчак. Разгром Колчака в 1919 г. позволил расширить советское влияние на громадные территории будущего Казахстана и окончательно присоединить Среднюю Азию, покончив с Бухарским эмиратом. Разгром Врангеля в 1920 г. поставил точку на всем белом движении и ознаменовал окончание Гражданской войны. Кроме того, именно Михаил Васильевич проводил военную реформу 1924-1925 гг., главной задачей которой было укрепление вооруженных сил, сокращение их численности в соответствии с условиями мирного времени и экономическими возможностями страны. И эта реформа удалась.

Не имея специального военного образования, Фрунзе достиг прекрасных результатов на постах командующего армией, командующего фронтом, а затем заместителя председателя Реввоенсовета СССР и наркома по военным и морским делам. Во время Гражданской войны Михаил Фрунзе был единственным революционером, командующим фронтом, а не офицером или генералом царской армии.

Фрунзе Михаил Васильевич родился 21 января (2 февраля) 1885 г. в Семиреченской области в семье военного фельдшера, молдаванина Василия Михайловича Фрунзе (1854-1897 гг.), служившего в Пишпекке (ныне Бишкек). Впервые познакомился с революционными идеями в кружке самообразования в гимназии в г. Верном (ныне Алма-Ата), которую окончил с золотой медалью. В 1904 г. поступил в Петербургский политехнический институт, вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию. В ноябре 1904 г. впервые арестован и исключен из института [1].

Непосредственно фронтовой опыт Фрунзе получил только в 1919 г., когда занял пост командующего 4-й армией Восточного фронта (февраль 1919 г.), затем командующего Южной группой войск фронта (март 1919 г.), наносившей главный удар по наступавшим войскам адмирала А.В. Колчака. Директива РВС Восточного фронта ставила задачу Южной группе армий под командованием Фрунзе "разбить ударом с юга на север силы противника, продолжающие теснить 5-ю армию, собрав для этого кулак в районе Бузулук-Сорочинская-Михайловская". Удар группы Фрунзе во фланг армии белых в районе Бузулука принес успех и в конечном итоге привел к перелому ситуации на фронте и переходу инициативы от белых к красным. Успешной оказалась вся серия операций красных - Бугурусланская, Белебейская и Уфимская, проведенных с конца апреля по вторую половину июня 1919 г. Колчаковцы в результате этих операций были отброшены из Поволжья на Урал, а затем в Сибирь. С июля 1919 г. Фрунзе назначается командующим войсками всего Восточного фронта.

За осуществление успешных наступательных операций против главных сил адмирала А.В. Колчака Фрунзе награжден орденом Красного Знамени.

Гражданская война закончилась для Михаила Васильевича разгромом Повстанческой армии Нестора Махно на Украине. По итогам Гражданской войны Фрунзе приобрел статус победителя Колчака, уральских казаков и Врангеля, покорителя Туркестана, ликвидатора петлюровцев и махновцев. Это был статус настоящего партийного военного самородка. Фактически из трех главных врагов Советской власти, Колчака, Деникина и Врангеля, Фрунзе считался победителем двоих.

Не подлежит сомнению, что Фрунзе обладал харизмой военного руководителя, способного повести за собой красноармейские массы, большой личной храбростью и решительностью. Не случайно Фрунзе любил находиться впереди войск, с винтовкой в

руках в боевых порядках (контужен в июне 1919 г. под Уфой, летом 1921 г. ранен в перестрелке с махновцами) [2].

С декабря 1920 г. по март 1924 г. Михаил Фрунзе – уполномоченный РВСР на Украине, командует войсками Украины и Крыма (1 октября 1921 г. Вооружённые силы Украины и Крыма насчитывали 423 тысячи человек), одновременно член Политбюро ЦК КП(б)У и заместитель председателя СНК УССР (с февраля 1922 г.). С 1921 г. – член ЦК РКП(б).

Тогда же, в августе 1921 г. правительство УССР по соглашению с правительством РСФСР назначило М.Ф. Фрунзе чрезвычайным послом в Турции, где он находился с декабря 1921 г. по январь 1922 г.

С марта 1924 г. он становится заместителем председателя РВС СССР и наркома по военным и морским делам, с апреля 1924 г. одновременно начальником штаба РККА и начальником Военной академии, его избирают - кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП (б) и Оргбюро ЦК ВКП (б). С января 1925 г. Фрунзе - председатель РВС СССР и нарком по военным и морским делам.

Однако к этому времени здоровье Фрунзе резко ухудшилось. У Фрунзе была язвенная болезнь с периодическими обострениями и кровотечениями. Первые признаки этой болезни появились у него еще в 1906 г. Он стал жаловаться на болезненные ощущения в верхних отделах живота; не исключено, что тогда же и было первое желудочно-кишечное кровотечение. В 1916 г. у Фрунзе развился острый аппендицит. После операции возникли обширные спайки в правой подвздошной области, что могло доставлять дополнительные болевые ощущения.

О том, что положение со здоровьем Фрунзе более чем серьезное, врачи предупреждали его еще летом 1922 г. Этот факт подтверждается телеграммой от 23 июня 1922 г.: «Срочно. Тифлис Наркомвоен Грузии тов. Элиава Копия Командующему ОКА т. Егорову. Согласно постановления консилиума врачей при ЦК РКП тов. Фрунзе еще в мае должен был выехать за границу для лечения несмотря на это он под всякими предложениями до сих пор оттягивал свой отъезд продолжая работать вчера уже после получения всех документов совершенно отказался от заграничной поездки и двадцать девятого июня выезжает к вам в боржом положение здоровья серьезнее чем он видимо думает если курс лечения в боржоме будет неудачен придется прибегнуть к хирургии крайне необходимо создать в боржоме условия сколько-нибудь заменяющие карлсбад не откажите в соответствующих распоряжениях необходимы три тире четыре комнаты возможно изолированные».

Телеграмма была дана, когда Фрунзе еще не был Предреввоенсовета и кандидатом в члены Политбюро ЦК РКП(б). Иначе говоря, за три года до трагической кончины Михаила Фрунзе. Когда же Фрунзе назначили наркомвоенмором, то есть одним из главных руководителей страны, о его самочувствии забеспокоилась все руководство. В сентябре 1925 г. СНК СССР постановил: "Разрешить отпуск т. Фрунзе с 7-го сентября с.г."

Фрунзе выезжает в Крым, ему всего 40 лет, он сторонник активного отдыха - охотится, путешествует. Но это осень, следует очередное обострение болезни. Он все больше бледнеет, худеет. Его лечащий врач, Петр Мандрыка, диагностирует внутреннее кровотечение. Из Москвы для консультации прибывают опытные врачи – Розанов и Касаткин. Они настаивают на возвращении Фрунзе в Москву, дополнительном обследовании и, если потребуется, операции. В кремлевской больнице проводится обследование командарма, используются последние достижения медицинской науки и практики. Не только Сталин и Микоян, но и Зиновьев чуть ли не в приказном порядке (ты принадлежишь не только себе, но и партии, и прежде всего - партии!) начали настаивать, чтобы Фрунзе занялся своим здоровьем. К этому времени Фрунзе стал всерьез опасаться тех болей и кровотечений, которые мучили его все чаще. Тем более что была свежая история запущенного аппендицита, из-за которого чуть не погиб Сталин [3].

В октябре 1925 г. при участии авторитетных врачей проходит несколько консилиумов. На первом же из них было озвучено, что Фрунзе болен язвой двенадцатиперстной кишки, вследствие чего требуется оперативное вмешательство, чтобы установить: только ли язва является причиной подозрительных кровотечений? (подозревается онкологическое заболевание). Однако сомнения в целесообразности хирургического вмешательства остаются. Наконец состоялся "новый консилиум". И опять большинство решило, что без операции не обойтись: «Давность заболевания и склонность к кровотечению, могущему оказаться жизненно опасным, не дают права рисковать дальнейшим выжидательным лечением. Предлагая операцию, необходимо, однако, предупредить, что операция может оказаться, в зависимости от тех изменений, которые будут обнаружены по вскрытии брюшной полости, трудной и серьезной. Необходимо также считаться с тем, что операция не является радикальной, что возможны рецидивы и что операция не избавляет больного от необходимости и в дальнейшем в течение некоторого времени соблюдать известный режим и продолжать лечение... Операция может быть проведена в ближайшие дни». Врачи как будто боятся от возможного риска, но сходятся на необходимости операции, причем «в ближайшие дни».

Фрунзе объявляют о переезде в Солдатенковскую больницу, (там было лучшее операционное отделение - в ней делали операцию Ленину).

29 октября 1925 г. состоялась операция. Оперировал доктор В.Н. Розанов. Ему ассистировали врачи И.И. Греков и А.В. Мартынов, наркоз проводил А.Д. Очкин.

В самом начале операции появились проблемы: напряжённый и взволнованный пациент (пульс перед операцией у Фрунзе был 102 удара в минуту) никак не мог войти в наркотический сон. Стало понятно, что одного эфира для наркоза недостаточно. Именно по этой причине пришлось прибегнуть к хлороформу. Чтобы усыпить Фрунзе, в общей сложности понадобилось не менее получаса. Еще 35 минут длилась сама операция. В течение всего этого времени у Фрунзе неоднократно отмечалось падение сердечной деятельности. Вводился раствор камфоры и, по некоторым сведениям, адреналин. Тогда не было известно, что адреналин опасен при наркозе хлороформом. Всего за операцию было использовано 140 г эфира и 60 г хлороформа.

Из протокола операции известно, что оперирующие хирурги нашли грубые рубцовые изменения и сужение в месте перехода желудка в двенадцатиперстную кишку (рубцовый стеноз), зажившую круглую язву двенадцатиперстной кишки, спайки и воспаление в области удаленного червеобразного отростка. Вид и расположение язвы двенадцатиперстной кишки указывали на то, что, возможно, в прошлом у Фрунзе была пенетрация: проникновение язвы в поджелудочную железу. Это объясняло интенсивность болей, мучивших Фрунзе. Такая ситуация требовала хирургической коррекции. Теперь, вероятнее всего, хирурги произвели бы резекцию желудка.

Но Розанов и Греков были сторонниками более щадящих, не радикальных операций: пилоропластики и гастроэнтеростомии. Только Мартынов имел большой опыт резекций желудка и пропагандировал этот метод. То есть, выбор у хирургов был: можно было сделать щадящую пилоропластику или более травматичную и трудоёмкую резекцию.

Но хирурги провели только ревизию брюшной полости. Как говорят в народе: разрезали, посмотрели и зашили. Операция длилась всего 35 минут.

Возможно ввиду осложнений наркоза, проявившихся в виде падения сердечной деятельности у оперируемого, хирурги просто прекратили операцию, зашили брюшную полость и принялись проводить реанимационные мероприятия так, как они понимались врачами в то время: введение препаратов, поддерживающих работу сердца и применение кислородных подушек. После операции Фрунзе проснулся и вплоть до 31 октября находился в сознании. Правда, в сознание он пришел только через 4 часа, у него была неоднократная рвота желчью, что говорит о токсическом действии наркотических

препаратов. Тем не менее, Фрунзе отвечал на вопросы врачей, самостоятельно опраивался лёжа, реагировал на окружающих.

Ухудшение состояния Фрунзе началось после двух часов ночи 30 октября, практически через сутки после операции. «Спутанность сознания», а потом и его полная потеря наступили лишь поздней ночью 30 октября, за считанные часы до смерти, которая наступила через 39 часов после операции в 5 часов 40 минут 31 октября. Позвонили Сталину. Сказали, что Фрунзе умер «от паралича сердца».

В тот же день, 31 октября, было произведено вскрытие. Его делали известнейшие патологоанатомы под руководством профессора Абрикосова. При вскрытии присутствовали не только врачи, но и четверка партийных руководителей – Сталин, Рыков, Бубнов, Микоян [3].

В заключении патологоанатома о причине смерти Фрунзе четко сказано: «Операция, предпринятая 29 октября 1925 года по поводу язвы двенадцатиперстной кишки, вызвала обострение имевшего место хронического воспалительного процесса, что повлекло за собой острый упадок сердечной деятельности и смертельный исход» [4].

3 ноября 1925 года Фрунзе проводили в последний путь. Похоронили Фрунзе на Красной площади в Москве у Кремлёвской стены.

1. Советская военная энциклопедия. – Т. 5. – М: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1978. – 686с.
2. Шикман А.П. Деятели отечественной истории. Биографический справочник. – М.: АСТ, 1997.- Т.1. – 447с.
3. Тополянский В.Д. Гибель Фрунзе // Вопросы истории. - 1993. - № 6. - С.96-104.
4. Гамбург И. Так это было... - М., 1965. - С.182.

Мухаммадеев А.Р.

О некоторых видах преступлений в Волжской Болгарии мусульманского периода (X – начало XIII вв.)

*Институт истории им. Ш. Марджани
(Россия, Казань)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-155

Аннотация

В статье на основе разнообразных источников сделана попытка выявить преступления, бытовавшие в Волжской Болгарии мусульманского периода (X – начало XIII вв.). Анализ имеющегося материала позволил автору статьи разделить преступления по категориям и видам.

С распространением ислама среди болгарского общества развивается и уголовно-правовая наука на основе шариата, появляются теоретические труды, в которых ученые размышляют о целях и задачах уголовного права, о природе преступления и принципах наказания и т.д.

Ключевые слова: Волжская Болгария, ислам, преступления, наказания.

Abstract

On the basis of various sources, in this article was made an attempt to identify crimes that existed in Volga Bulgaria of Islamic period (X – the beginning of XIII c.). Analysis of the existing material allowed the author to divide crimes into categories and types.

With the spread of Islam among the Bulgarian society develops and criminal legal science on the basis of Sharia law, there are theoretical writings, in which scientists think about the aims and objectives of criminal law, the nature of the crime and the principles of punishment, etc.

Keywords: Volga Bulgaria, Islam, crimes, punishment.

В распространении ислама в Волжской Болгарии важную роль сыграли взаимоотношения со Средней Азией, откуда вместе с торговцами проникали проповедники, знатоки исламского права. Нежелание болгар следовать бытовавшему в Багдаде шафиитскому мазхабу и предпочтение ханифитского толка, принятого Саманидами, отмечено Ибн Фадланом. Позиция болгар не диктовалась лишь политическим расчетом в поиске покровителей и союзников. По мнению ученых это был осознанный выбор в пользу мазхаба, известного большей терпимостью по сравнению с другими толками в исламе.

Некоторые исследователи не сомневаются в том, что на всей территории государства господствовал единый мазхаб ханифитской основы, а также единая улема, трактовавшая некоторые вопросы права и ритуальной практики в соответствии с традициями, опираясь на светскую власть. Эти традиции сохраняли преемственность и стабильность нормам права, о чем свидетельствуют погребальные памятники X – начала XIII вв.

В отличие от Ибн Фадлана, ал-Гарнати, посетивший Болгар в середине XII в. не наблюдает здесь нормы обычного права. Несмотря на то, что к этому времени ислам укрепился прочно, в судопроизводстве применялся шариат, наличие в Болгаре кадиев и мусульманских правоведов, всеобщее применение этих норм сомнительно. Нельзя отрицать возможность регулирования взаимоотношений внутри общин нормами обычного права. Подтверждением тому этнографический материал казанских татар и чувашей, свидетельствующий о сохранении среди населения языческих традиций и норм обычного права, особенно в области частного права. Более того, на территории Волжской Болгарии проживали финно-угорские этносы с языческим мировоззрением. Примером тому является сообщение ал-Гарнати об уголовном преследовании за вредоносную магию среди предков мордвы.

Как и в любом обществе, самым серьезным преступлением против личности являлось убийство. Несмотря на то, что источники данного периода не дают нам конкретных фактов убийства как преступного деяния, сведения об убийстве мы можем почерпнуть из сочинения ал-Гарнати. Описывая «потомков адитов» в Болгаре, путешественник упоминает о некоем Данки и его сестре, в связи с чем приводит слова судьи Якуба ибн Нугмана: «Ведь эта высокая женщина-адитка убила своего мужа, которого звали Адам...». В «Сказание о Йусуфе» герой обвиняет братьев в попытке убийства, которое не состоялось лишь по заступничеству одного из них. Йусуф грозитя привлечь к ответу самым суровым образом, но преступники избегают наказания. Особо осуждается в поэме братоубийство.

В «Сказание о Йусуфе» купец, покупающий раба, интересуется у продавцов в чем он виновен. Братья Йусуфа отвечают: «Есть три греха на нем: во-первых, он – беглец, а во-вторых, он – вор, а в-третьих, он и лжец». Можно ли в данном случае ложь причислить к преступлению, вопрос спорный. В целом тюрко-монгольское право предполагало ее как преступное деяние. Как преступление расценивается клевета. Так, героиня ложно обвиняет Йусуфа в домогательстве, дурном обращении с ней, и просит своего мужа Кытфира – правителя страны, строго наказать его. Позже, узнав правду о невинности Йусуфа, Кытфир обвиняет саму героиню в клевете. Клевета присутствует и в других сюжетах. Так, ангел Джебраил возвещал Йусуфу о неприятии клеветы, отчего могут пострадать люди. Здесь же видны признаки такого деяния, как оскорбление, за которое по шариату полагалось наказание. Слова Зулейхи о том, что Йусуф обходится с ней «повадками дурными», «груб» в совокупности с ее требованием наказать юношу (бросить в тюрьму) можно расценить как обвинение в противоправном деянии.

Источники позволяют проследить наличие в Волжской Болгарии имущественных преступлений. В эпизоде с продажей Йусуфа в рабство купцу он обвиняется в

совершении кражи. В произведении много говорится о воровстве, в большей части, мнимом или обвинении в краже. Так, Йусуф сам же подстроил «кражу» золотого кубка, чтобы оставить у себя брата. Караван братьев был осмотрен, а кубок «найден» в тюке брата, за что он был «осужден» за воровство. Йусуфа самого в детстве незаслуженно обвиняли в воровстве. К человеку, совершившему кражу прикреплялся ярлык «вора». В татарской легенде «Айбике» рассказывается о злом воре Чуракае, обитающем на одном из островов устья Волги. Он похищает дочь бека города Алабуга, где стоял один из форпостов – каменная крепость-мечеть.

К другим имущественным преступлениям относятся разбой и грабеж. Примерами их бытования в Волжской Болгарии может устное народное творчество казанских татар. В предании об основании Казани говорится, что у берегов Волги жил разбойник Казак Жигули, люди которого довели город Болгар до разорения. Устав от набегов разбойника люди решили искать новое место для города и нашли удобной местность нынешней Казани. В «Сказание о двух соловушках» девушек в лесу ловят грабители. В «Баите о Наврузе» героини в пути также натываются на разбойников. По мнению исследователей, последние являются памятниками болгарского периода и для изучения обычаев, верований и других аспектов духовной культуры домонгольских волжских болгар являются бесценными текстами.

Купцы и торговцы, пребывающие в чужих краях, становились частой добычей разбойников. Не всегда удавалось наказывать преступников, возвращать имущество. Особенно трудно было бороться с иноземными разбойниками, которые были не только подданными других государств, но, часто находились под их покровительством. Так случилось в 1088 году, когда русские летописи сообщали о взятии булгарами Муром. В.Н. Татищев, пользовавшийся не дошедшими до нас источниками, объяснял это так: «...В та же времена были на Волге и Оке разбои и многих болгар торгующих пограбили и побили. Болгары же присылали ко князю Ольгу и брату его Ярославу просить на разбойников, но не получа управы и взятого, пришед с войски. Муром взяли и пограбили, а села сожгли». Бывали обратные случаи, когда грабежам подвергались русские купцы. Точных данных об этом нет, но имеются версии. Так, в связи с походом владимирских князей в Болгар, ученые считают, что он был вызван ограблением русских купцов на Оке.

Литературные и научные памятники того периода дают возможность определить такую категорию преступлений, как преступления против семьи и нравственности. В «Сказание о Йусуфе» герой с трудом устоял против желаний Зулейхи. Преступность и неотвратимость наказания за прелюбодеяние внушается Йусуфу божественным откровением. В обществе развивается уголовно-правовая наука на основе шариата, появляются теоретические труды, с размышлениями о целях и задачах уголовного права, о природе преступления и принципах наказания и т.д. Из отрывков трудов ал-Булгари (ал-Быргыри) (конец X – нач. XI в.) можно говорить о прелюбодеянии и о гомосексуализме, а также принципах наказаний за них.

По некоторым источникам можно предположить, что в Волжской Болгарии могли иметь место преступления, составляющие нарушение порядка управления, или должностные преступления. К указанному виду можно отнести взятку. В «Сказание о Йусуфе» к правителю был подослан лазутчик, чтобы отравить его. С помощью взяток лазутчик подкупил дворцового пекаря и кравчего и стал проникать во дворец. В словаре М. Кашгари имеется поговорка «Черную тучу ветер откроет (разгонит), взятка (дача взятки) страну (правительство) откроет». Появление такого вида преступления говорит о развитости государственно-правовых взаимоотношений, наличии чиновников.

В Волжской Болгарии появились зачатки понятий преступления против религии и государства. Отныне уголовное право рассматривало как наказуемое деяние не только причинение вреда отдельному частному лицу, но и против государственной религии и всего государства. Как можно проследить из русских летописей, наказанию подвергаются измена родине, отступление от веры. Вместе с тем, что из сообщений летописцев эти два понятия еще нельзя окончательно отделить друг от друга.

1. Борынгы татар эдэбияте. Казан: Татарстан китап нэшрияты, 1963. 580 б.
2. История мусульманской мысли в Волго-Уральском регионе. Казань: Российский исламский университет, 2010. 374 с.
3. История татар с древнейших времен в семи томах. Том II. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань: Издательство «РухИЛ», 2006. 960 с.
4. Кул Гали. Сказание о Йусуфе (пер. С.Иванова). Казань: Татарское книжное издательство, 1985. 256 с.
5. Кыйссаи ике былбыл // Борынгы татар эдэбияте. Казан: Тат. кит. нэшр., 1963. Б. 46-51.
6. Марджани Ш. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). Часть I. Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2005. 255 с.
7. М.Кашгари сузлегендэге мэкәлләр хәм әйтәмнәр // Борынгы татар фольклор мәсәлләре. Казан: СССР Фәннәр академиясе Казан филиалы, 1984. Б. 110-142.
8. Мухаммадеев А.Р. Русские летописи о некоторых фактах появления новой категории преступлений в Волжской Болгарии начала XIII в. // История государства и права. 2013. № 1. С. 23-27.
9. Мухаммадеев А.Р. Шариатская комиссия при Народном комиссариате юстиции ТАССР. Казань: Издательство ДУМ РТ, 2009. 104 с.
10. Нэвруз бәете // Борынгы татар эдэбияте. Казан: Татарстан китап нэшрияты, 1963. Б. 54-55.
11. Нэкий Исәнбэт. Т. III. Татар халык мэкәлләре. Казан: Татарстан китап нэшрияты, 1967. 1015 б.
12. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную Европу и Центральную Европу (1131-1153). М.: Главная редакция восточной литературы, 1971. 135 с.
13. Сказания о Казани. Легенды и предания. Казань: Библиотека журнала «Казань». 1992. № 2. 49 с.
14. Татищев В.Н. История Российская с древнейших времен. М.; Л., 1964. Т. III. 333 с.
15. Хузин Ф.Ш. Волжская Булгария и Древняя Русь: к оценке характера военно-политических связей в X – начале XIII вв. // Научный Татарстан. 2009. № 2. С. 234-241.

Никитина А.В., Кизрин Д.М.

Молодежные общественные объединения: воспитательно-педагогическая деятельность и пропаганда патриотизма в постсоветский период (на примере Республики Мордовия)

*Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева
(Россия, Саранск)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-156

Аннотация

На сегодняшний день интерес к молодежным общественным объединениям стремительно растет, что в свою очередь доказывает необходимость их изучения на региональном уровне. В статье показано развитие создания молодежных общественных объединений в сфере педагогического просвещения и пропаганды патриотизма на примере Республики Мордовия.

Ключевые слова: молодежные общественные объединения, студенческие педагогические отряды, патриотизм, воспитание, образование.

Abstract

Today, interest in youth public associations is growing rapidly, which in turn proves the need to study them at the regional level. The article shows the development of the creation of youth public associations in the field of pedagogical education and propaganda of patriotism on the example of the Republic of Mordovia.

Keywords: youth public associations, student teaching groups, patriotism, upbringing, education.

Общественные организации являются одной из основных институций современного общества. Во многом они дополняют и образуют те сферы жизни общества, где у государства или других общественных институтов не хватает сил и ресурсов для реализации поставленных ими задач. Зачастую эти институты являются крайне важными и значимыми в жизни человека. Например, в их число входит образование и воспитание детей и подростков. Особенно ценными являются молодёжные организации, которые также выполняют роль механизма социализации для молодёжи. Таким образом, молодёжные общественные организации являются многогранными институтами и требуют в силу своей важности серьёзного изучения истории их деятельности, в том числе в региональном аспекте. Особенно, если дело касается такой важной части нашей жизни как воспитание подрастающего поколения. Однако на данный момент данный вопрос мало освещен в историографии и требует дальнейшего изучения.

В первую очередь, говоря о вкладе молодёжных организаций в педагогику и воспитание, следует упомянуть педагогические студенческие отряды (СПО). Главной целью данного направления является организация досуга в детских оздоровительных лагерях в летнее время. В Мордовии они берут свое начало с 1978 года на основе МГПУ им М. Е. Евсевьева [2]. Следует сказать, что 90-е годы прошлого столетия – это время активного подъема движения студенческих педагогических отрядов. В частности, в этот период происходит его расширение. Так, к примеру, в 1996 году движение педагогических отрядов появилось в историко-социологическом институте МГУ им. Н. П. Огарёва [1].

Однако период расцвета студенческих педагогических отрядов наступил только в начале 2000-х годов. В это время начинается консолидация разрозненного молодежного общественного движения и происходит создание единых центров. Так, например, 14 ноября 2000 года была создана Ассоциация педагогических отрядов (АПО) историко-социологического института МГУ им. Н.П. Огарева [1], которая в дальнейшем стала образцом организации СПО в данном вузе. Подобная организация, включающая в себя педагогические отряды других факультетов и институтов Мордовского университета, в дальнейшем была создана уже 15 мая 2001 года. В этот же период в 2002 году создаётся и общереспубликанское объединение СПО [7].

Следует сказать, что в этот период серьёзно возрастает и количество отрядов организации которых способствовали вышеупомянутые ассоциации. Именно в этот период формируются все существующие на сегодняшний день студенческие педагогические отряды, например, «Крылья», «Подросток» и т. д.

Стоит отметить, что некоторые отряды создавались самостоятельно, то есть без какой-либо внешней опеки. Таковым является СПО «Ника» [5] которая создана на основе студентов Экономического факультета МГУ им. Н. П. Огарёва, и до настоящего времени является отдельной общественной организацией.

В этот же период педагогические отряды начинают играть важную социально-педагогическую роль в жизни республики Мордовия. Так, например, начинают появляться отряды по работе с детьми из социально-неблагополучных слоёв населения, а также отряды, направленные на правовую пропаганду. Ярким примером этого является СПО «Подросток», организованный в 2000 году. Его главной задачей является профилактика и предотвращение правонарушений среди несовершеннолетних путём педагогической работы. Отряд занимается проведением лекций и мероприятий, направленных на пропаганду против вредного противозаконного поведения, например, употребление наркотиков.

Следует также сказать, что охват деятельности студенческих педагогических отрядов не ограничивается лишь одним регионом [6]. Так мордовские отряды ведут свою деятельность в Крыму, на Кубани, в Московской области и т. д.

Основная педагогическая деятельность рассматриваемых отрядов приходится на время летнего отдыха детей и молодёжи. Главной особенностью или отличием от

«формальной педагогики» здесь выступают близкие отношения, которые формируются между вожатыми и детьми.

Студенческие педагогические отряды оказывают положительное воздействие на всех участников объединений: от вожатых до детей. Именно в отряде каждый получает начальные теоретические и практические педагогические навыки, а также базовое образование в этих отраслях.

Так в 2018 году была запущена «Школа вожатского мастерства» в которой члены педагогических отрядов могут усвоить основные навыки профессии, а также азы педагогического мастерства и основы воспитательной работы [7].

Кроме того, воспитательная и педагогическая работа молодёжных общественных организаций не ограничивается лишь одними педагогическими отрядами. К примеру, большую роль в пропаганде патриотизма среди молодого поколения играет молодёжное поисковое движение. В первую очередь здесь следует отметить Патриотическое объединение «Поиск», а также многочисленные поисковые отряды такие как «Память», «Сурский рубеж» и т. д. Чаще всего они формируются и реализуют свою деятельность на базе школ и вузов. Их история берет свое начало еще в 1983 году, когда в Гузынской школе (Большеберезниковский район, Республика Мордовия) был создан поисковый отряд, получивший название «Память» который позже станет целым республиканским общественным движением, включающим в себя множество отрядов одновременно [4].

Рассвет поисковых отрядов по аналогии с педагогическими наступил в начале 2000-х годов, когда они начали распространять свою деятельность и на другие районы Республики.

Поисковики ведут активную работу сразу по нескольким направлениям. В первую очередь, это экспедиции на места боевых действий с целью мероприятий по поиску останков советских солдат, погибших во время боёв, а также их опознания. Всего за время работы было найдено более 5000 человек, а также было опознано 118 бойцов из 20 регионов страны [4].

Вторым же по важности направлением их деятельности является педагогическая работа, которая осуществляется путём проведения различных мероприятий, в первую очередь лекций о событиях и личностях Великой Отечественной войны.

В заключение хочется отметить, что педагогическая и патриотическая деятельность, проводимая молодёжными общественными объединениями, играет большую роль. Организации вносят свой вклад в воспитание двусторонне: воспитывают как своих участников, так и развивают, и обучают внешнюю аудиторию. Также следует сказать, что кроме воспитательной работы происходит и общественно-полезная деятельность, что проводится рассматриваемыми отрядами: уход за памятниками советским войнам из Республики Мордовия. Все вышеописанные меры воспитывают патриотизм и гордость за историю своей страны у участников изучаемых нами отрядов.

1. АПО Историко-социологического института МГУ им. Н.П.Огарёва – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://isi.mrsu.ru/student_government/organization/apo/index.html
2. Здравствуй, «Товарищ» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e-mordovia.ru/gosudarstvennaya-vlast-rm/ministerstva-ivedomstva/archive/novosti/zdravstvuy-tovarishch/>
3. Мордовский отряд «Поиск» отметил 40-летие со дня создания – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://izvmor.ru/novosti/obshchestvo/mordovskij-otryad-poisk-otmetil-40-letie-so-dnya-sozdaniya/>
4. Патриотическое объединение «Поиск» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/mordov_poisk
5. Педагогический отряд «Ника» создания – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vk.com/rmoonika>
6. Рачкова, Т. Г. Из опыта работы педагогического отряда «Подросток» ИСИ МГУ им. Н. П. Огарева по организации деятельности с трудновоспитуемыми подростками // Вестник Мордовского университета. – 2009. – № 2. – С. 399-401.
7. Стомина К. П. Студенческие педагогические отряды МГУ им. Н. П. Огарева: история развития, особенности функционирования // Богатство финно-угорских народов: Материалы VIII Международного финно-угорского студенческого форума. – 2021. – Выпуск 8. – С. 122-125.
8. Штаб студенческих отрядов – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mrsu.ru/ru/student/studorg/shtab-studencheskih-otryadov/>

Русских Т.Н.

Символическая кража в культуре удмуртов: традиции и современность

*Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН
(Россия, Ижевск)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-157

Аннотация

В статье представлен обзор представлений и практик феномена символической кражи в традиционной культуре удмуртов. На основе анализа оригинальных полевых материалов автора и архивных материалов автор прослеживает трансформацию практик символической кражи в повседневном поведении современных удмуртов.

Ключевые слова: удмурты, традиционная культура, символическая кража, традиции, умыкание.

Abstract

The article presents an overview of the concepts and practices of the phenomenon of symbolic theft in the traditional culture of the Udmurts. Based on the analysis of the author's original field materials and archival materials, the author traces the transformation of symbolic theft practices in the daily behavior of modern Udmurts.

Keywords: Udmurts, traditional culture, symbolic theft, traditions, stealing.

В традиционной удмуртской культуре, как и сейчас, честность и взаимное доверие считались главными достоинствами человека, и, напротив, воровство расценивалось как самый большой порок. Отношение к воровству и кражам, а также следующие за ними наказания неоднократно становились объектом исследовательского интереса как дореволюционных авторов (Г. Е. Верещагин, В. С. Кошурников, И. Н. Смирнов, Н. Г. Первухин), так и последующих эпох (В. А. Максимов, Г. А. Никитина, Ю. В. Александров и др.). Практически все исследователи сходились во мнении, что менталитет удмурта, который проявлялся в зависимости индивида от социума (семья, родственники, община), закреплял такие черты как уживчивость, строгое подчинение младших старшим, приоритете коллективных интересов над личными, что в свою очередь способствовало устойчивому коллективистскому началу, скрепленному родственными связями и культово-обрядным единством. В таких условиях присваивание чужого имущества расценивалось как кража из «собственного кармана». А потому, как отмечают большинство исследователей, оно было не характерно для удмуртов. Среди стариков-удмуртов бытовало мнение: *«Кудэ эн пуння: тон ке од лушка, нокин но уз лушка»* (Не запирай куалу: ты не украдешь – никто не украдет), а о не чистых на руку с презрением отзывались: *«Сурон бамлэн бамыз өвёл»* (у бессовестного лица нет). Детям с ранних лет говорили о том, что нельзя брать чужое добро, неважно это овощи с грядки соседа или колокольчик с шеи чужой коровы. Если замечали, что ребенок украл вещь, с ним проводили не только строгую беседу, заставляя вернуть краденное, но часто наказывали физически. Традиции категорически запрещали воровство беременным женщинам. Считалось, что она украдет, то изобразится на теле или на лице ребенка. В деревнях вдоль Сибирского тракта крестьяне во время страды, отлучаясь из дома, оставляли на столе хлеб, толокно, лук и пр. (для беглых, странников и просто прохожих) и никогда не запирали дома. Отсутствие опыта в удмуртов в кражах отмечал этнографическом очерке и В. С. Кошурников: совершаются «по-детски», «посылают на кражу малолетков, которые тут же и разболтают», «лезут в клеть сами, вынимают оттуда деньги и несут их прямо в кабак, где и накрываются с поличным». По мнению Г. Е. Верещагин воровать удмурты научились от русских.

Воровство и кражи, как и убийства, считались наиболее тяжкими преступлениями, а потому за них предполагались жестокие взыскания: от избиения розгами до высылки в

Сибирь. В. А. Максимов пишет, что пойманного вора «били и трясли за ноги в висячем вниз головой положении», полагая, что после такого наказания человек вскоре заболевает и умирает. И. Н. Смирнов отмечал, что наказывали бесчестием: вора с украденной вещью на шее водили по деревне. На спину преступнику вешалась доска, по которой бил палкой сопровождающий процессию.

Если вор не был пойман, то его могли искать через кенеш – сельский сход. Всем собравшимся домохозяевам потерпевший предлагал съесть с ножа кусок хлеба, положенного на икону. При этом сам он перебирал в руках волчьи жилы и особые травы. Чтобы испытание не показалось обидным, а иск напрасным, потерпевший первый проделывал все требуемые операции.

Когда поймать вора на рациональной основе не удавалось, прибегали к иррациональным методам. С этой целью удмурты обращались к ворожцам (туно), перед которыми испытывали страх, а потому зачастую воры сами признавались в содеянном. Г. Е. Верещагин писал, что помимо ворожцов, прибегали к «божественной» помощи: каждое воскресенье во время службы в люстре, в которой зажигались свечи в особые торжественные праздники, зажигалась одна свеча. Согласно поверью Бог сам накажет вора.

И если кражи, наносившие урон хозяйству отдельной семьи и соответственно благосостоянию всей деревни, стали частыми лишь в пореформенный период, то символический вид кражи, который был связан с определенными суевериями и обрядами, уходит своими корнями в более далекое прошлое. Данный вид кражи является архаическим элементом, на подозреваемых никто не подавал в суд и не возбуждалось никаких дел. Цель данной статьи – обзор представлений и практик феномена символической кражи в традиционной культуре удмуртов.

Некоторые обряды традиционного земледельческого календаря предполагали символическую кражу ради повышения урожайности. Так, например, традиционно весенняя обработка земли завершалась праздником гербер, который устраивался в последние дни летнего солнцестояния перед сенокосом. Одним из значимых обрядов этого праздника была свадьба поля – бусы *сюан*, во время которой крали несколько колосьев с полей соседней деревни, где уродилось зерно, и разбрасывали на свое. Подобное действие должно было стимулировать плодородие земли, а, значит, и способствовать богатому урожаю. В конце мая проводился праздник *куар вöсян*, посвященный первой зелени, позднее он был приурочен к Троице (*тройча*). Существовало поверье, согласно которому в этот день нужно топить баню краденными дровами, поэтому молодые люди, возвращаясь с гуляний, воровали из соседской кладки несколько дровишек и ими растапливали печь в бане.

Если в деревне начинался мор животных, то мужчины воровали из соседней деревни черную овцу. Её закалывали, мясо варили и ели всей деревней, чтобы остановить мор.

Подобного рода кражи были распространены и в свадебных обрядах. Так, удмуртам были известны браки умыканием, когда невесту крали. Это могло происходить при обоюдном согласии юноши и девушки без согласия ее родителей, а иногда и без согласия родителей жениха, часто причиной было желание снизить расходы на свадьбу и сократить ее сроки. Но в народе ходила присказка: если невесту не крали, говорили, что она сама к своему жениху пришла. Что расценивалось как насмешка над девушкой. Воровством промышляли и сваты, приходившие сватать невесту. Если девушка отвечала отказом, то они стремились своровать с ее стола каравай. Сворованный каравай давал возможность не воспринимать всерьез отказ невесты. Сегодня можно проследить пережиток данной традиции, который заключается в том, что сваты, уходя, произносят фразу «*шуддэ събрамы нуиськом*» (букв. твое счастье с собой забираем), что

останавливает девушку от отказа, поскольку существует поверье, что после произнесённой таким образом фразы девушке не сулит удачное замужество.

Сакральными кражами «промышляли» и женщины. Так, например, если у девушки не получалось забеременеть, то старались своровать штаны многодетной матери. Считалось, что если женщина будет носить такую одежду, то она непременно тоже забеременеет. Также женщины пытались «украсть» кулинарную удачу: если у хозяйки хорошо получалась кумышка, то могли своровать закваску. Сегодня подобное поверье сохраняется в отношении рассады и горшечных цветов. Считается если оторвать тайком отросток, то он лучше приживется. При этом, если подобное действие осуществляется без злого умысла, то в горшке оставляют «желтые» монеты – символическую плату за сворованное.

Но были случаи, когда сакральная кража выступала как часть вредоносной магии. Так, например, если хотели навредить девушке ждущей ребенка – «своровать счастье её будущего ребенка», то крали закваску, приготовленную ею для «родильного вина». Недоброжелатели старались украсть удачу посредством «обрубания» дороги. В связи с этим особенно зорко следили, чтобы никто не переходил поперёк дороге «свадебному поезду», таким образом лишая молодоженов долгой счастливой семейной жизни. Желая украсть удачу, недоброжелатели могли перейти дорогу идущему человеку со словами: «*сюрестэ чогисько*» (букв. обрубая твою дорогу), «*азьпалдэ басьтійсько*» (букв. забираю твое первенство, в знач. благополучие/удачу). До сегодняшнего дня среди огородников бытует мнение, что кража овощей приводит к их вырождению.

Таким образом, в традиционном удмуртском обществе верили, что удачу, благополучие, а также определенные способности человека можно украсть. В некоторых случаях подобного рода кража была основной частью обряда, обеспечивающего урожайность, благополучие или улучшение определённых качеств и навыков, присущих человеку. Но при этом сохранялась вера и в то, что недоброжелатели могли использовать сакральную силу символической кражи и для нанесения вреда. Отголоски подобного поведения можно встретить и в современном удмуртском обществе.

1. Александров Ю. В. Обычное право удмуртов (XIX– начало XX вв.). Ижевск: Удмуртия, 2014. 272 с.
2. Васильев И. В. Обзорение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань: Типо-литогр. Император. ун-та, 1906. 88 с.
3. Верещагин Г. Е. Собрание сочинений в 6 т. Т. 2. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1996. 200 с.
4. Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. Удмурты. Историко-этнографический очерк. Ижевск: Удмуртия, 2008. 248 с.
5. Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск: Удмуртский институт истории языка и литературы, 1998. 354 с.
6. Герд К. П. Человек и его рождение у восточных финнов: НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 3-Н. Д. 199. 108 л.
7. Кошурников В. С. Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии. Казань: Типография Императорского Казанского университета, 1880. 44 с.
8. Максимов В. А. Вотяки: краткий историко-этнографический очерк. Ижевск: Удкнига, 1925. 126 с.
9. Никитина Г. А. Народная педагогика. Ижевск: Удмуртия, 1997. 135 с.
10. Русских Т. Н. Этнографическое исследование Глазовского, Кезского, Якшур-Бодьинского, Дебёского, Игринского, Алнашского районов, а также городов Глазова, Ижевска, Можги 2003–2011 гг.: НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598. 55 л.
11. Смирнов И. Н. Вотяки // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т.8. Вып. 2. Казань: Типография Университета, 1890. 358 с.
12. Христолюбова Л. С. Семейные обряды удмуртов (традиции и процессы обновления). Ижевск: Удмуртия, 1984. 128 с.
13. Христолюбова Л. С. Калык сямьёсты чакласа: дешетскисьёслы краеведения юрттэт. Ижевск: Удмуртия, 1995. 208 с.

Трибуль Е.О., Глотова М.В.

Профессия «учитель истории»: вызовы времени и перспективы

*ОГАО УДПО «Белгородский институт развития образования»
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-158

Аннотация

В статье раскрывается роль учителя истории в современном обществе. Характеризуются проблемы, с которыми сталкивается современный учитель. Выделяются требования, предъявляемые к профессии учителя истории в образовательном пространстве.

Ключевые слова: профессия, учитель истории, современное общество, вызовы времени, медиа.

Abstract

The article reveals the role of the history teacher in modern society. The problems faced by a modern teacher are characterized. The requirements for the profession of a history teacher in the educational space are emphasized.

Keywords: profession, history teacher, modern society, challenges of time, media.

В последние десятилетия профессия учителя истории сталкивается с новыми вызовами и требует пересмотра подходов в преподавании. Современные школьники и студенты живут в мире, насыщенном информацией, где новостные медиа и социальные сети играют важнейшую роль в формировании их мировоззрения. В условиях этого информационного изобилия учитель истории сталкивается с важной задачей — помочь молодым людям не только освоить исторические знания, но и научить их критически воспринимать информацию, ориентироваться в медиaprостранстве и различать факты от субъективных интерпретаций и манипуляций. Эти задачи формируют новый общественный запрос к профессии учителя истории и делают её одной из ключевых для воспитания современных, критически мыслящих граждан.

Сенько Ю.В. говорит о том, что «традиционная роль учителя как источника знаний претерпевает значительные изменения. Предмет деятельности педагога исторически менялся и продолжает меняться за счет усложнения целей, содержания, форм, методов, технологий. Определяющими здесь являются парадигмы образования, которые в течение определенного времени дают педагогическому сообществу модель постановки и решения проблем образования. Вместе с тем, педагог, признавая ту или иную парадигму образования, смотрит на педагогический процесс через призму собственного образа мира. Этот образ обнаруживает в объекте предмет деятельности, особенный для конкретного педагога. Предмет выступает как идеальная форма объекта, его своеобразная модель» [4].

Современный учитель истории должен не просто передавать факты, но и учить анализировать и оценивать их значение в контексте современных событий. Кузьмина Н. В. в своей статье повествует о том, что «арсенал форм уроков современного учителя истории не просто обновляется под влиянием, прежде всего, усиливающейся роли личности учащегося в обучении, но и трансформируется в сторону необычных интерактивных форм преподнесения материала» [2].

Потешкин И.Н. повествует о том, что «на протяжении всей своей профессиональной карьеры учителю приходится учиться, совершенствовать свой методический почерк и решать образовательные задачи, связанные с развитием личности учащихся средствами учебного предмета «история» [3].

Публичный запрос к учителю истории сегодня включает несколько ключевых аспектов:

1. Развитие критического мышления. В эпоху, когда доступ к информации стал практически безграничным, особую значимость приобретает способность учащихся критически анализировать информацию. Учитель истории может помочь в этом, обучая школьников искать и различать достоверные источники, проверять информацию и понимать мотивацию тех, кто ее распространяет.
2. Понимание и оценка медийных источников. Медиапространство нередко транслирует информацию через призму определенных взглядов и интересов. Учитель истории должен научить учащихся понимать природу и цели различных источников информации, различать достоверные данные от интерпретаций и научиться не поддаваться манипуляциям.
3. Интеграция истории и современности. Обществу необходимо, чтобы учитель истории мог объяснить учащимся, как прошлое связано с текущими событиями, как происходящие процессы и тенденции коренятся в истории. Это помогает молодому поколению не только понимать исторический контекст современных событий, но и вырабатывать собственное отношение к ним.
4. Формирование гражданской позиции. Учитель истории способен влиять на формирование гражданской позиции учеников, помогая им понимать и осознавать важность исторических уроков. В обществе растет запрос на людей, способных объективно воспринимать и анализировать прошлое и настоящее, что способствует воспитанию зрелых и ответственных граждан.

Новые ожидания и требования, предъявляемые к профессии учителя истории, сопровождаются рядом сложностей, с которыми педагогам приходится сталкиваться в процессе работы.

1. Отсутствие единого подхода к интерпретации истории. В силу многогранности и неоднозначности исторических событий их интерпретация может варьироваться. В медиапространстве также часто доминирует субъективный взгляд на исторические факты, что усложняет задачу для учителя — необходимо обучить школьников отличать факты от мнений и не допускать искажения истории.
2. Противостояние информационным искажениям и мифам. С ростом доступности информации учащиеся сталкиваются с множеством исторических мифов и неточностей, которые распространяются в медиа. Учителю истории необходимо не только развеивать мифы и заблуждения, но и воспитывать в учениках привычку к проверке источников и критическому осмыслению информации.
3. Адаптация учебного материала к современным форматам. Традиционные учебные пособия и методы преподавания часто кажутся ученикам устаревшими, особенно в сравнении с динамичными форматами медиа. Учителю истории приходится искать новые способы заинтересовать учащихся, используя более интерактивные и современные форматы, такие как презентации, видеоматериалы и образовательные платформы. К примеру, Сеницына Е.В. в своей статье пишет, что в некоторых школах учителя используют мультимедийные электронные учебники, которые «одновременно являются и справочником с учебным видеофильмом, и хрестоматией, и атласом, и рабочей тетрадью, и учебником» [5].

4. Подготовка к дискуссиям на сложные темы. История часто связана с болезненными или спорными темами, такими как войны, политические репрессии или социальные конфликты. Учитель истории должен уметь организовать конструктивные дискуссии на эти темы, уважая разные точки зрения и избегая поляризации мнений в классе.

Учитель истории в медиапространстве может применять ряд инструментов и подходов, чтобы сделать обучение более актуальным и эффективным:

1. Использование медиаграмотности в преподавании. Медиаобразование и историческое знание могут успешно сочетаться в образовательных программах. Это помогает школьникам анализировать текущие события и подходить к ним с пониманием исторических корней, а также тренировать навыки поиска, проверки и анализа информации.
2. Интерактивные методы и цифровые ресурсы. Включение в процесс обучения цифровых технологий, интерактивных карт, инфографики и видеоматериалов позволяет оживить уроки и делает их более доступными и понятными для современных учащихся.
3. Создание собственных медиа-проектов. Некоторые школы вводят практику создания учащимися собственных проектов, таких как исторические блоги, видеоролики или подкасты. Это развивает навыки работы с информацией, помогает лучше усвоить материал и учит презентовать и защищать свои мысли и выводы.
4. Интеграция истории и социальных наук. Учитель истории может расширить учебную программу, обращая внимание на взаимосвязи истории с другими социальными науками, такими как социология и политология. Это делает уроки истории более разносторонними и помогает учащимся видеть историю как науку о человеке и обществе.

Современному учителю истории необходимо уделять внимание исследованию вопросов, связанных «с новой информационной средой исторической науки и образования» [1], обращать внимание на «влияние сетевых технологий и интернета на формирование особого стиля общения, стиля поведения, стиля восприятия информации и оценки действительности» [1] у подрастающего поколения. Педагог должен преодолевать такие трудности в освоении предмета как «...фрагментарность знаний, низкий уровень критического восприятия и оценки информации» [1] у обучающихся. «Важно анализировать то, насколько «кликное» и клиповое мышление могут отрицательно повлиять на качество исторического образования...» [1].

Профессия учителя истории остается одной из самых востребованных и актуальных в современном обществе. Социальный запрос на компетентных, объективных и активных педагогов растет, и будущее профессии требует готовности адаптироваться к новым вызовам. Важно помнить, что учитель истории выполняет сегодня не только образовательную функцию, но и просветительскую, помогая обществу воспитывать ответственных и образованных граждан.

Учитель истории, который готов осваивать новые форматы и внедрять медиаграмотность в образовательный процесс, помогает школьникам и студентам формировать критическое мышление, развивать аналитические способности и становится осведомленными гражданами.

1. Батырбаева Ш. Д. Цифровой поворот и историческая наука // Историческая информатика. М., 2019. № 3 (29). С. 6-13.
2. Кузьмина Н. В. Актуальные аспекты и вопросы педагогической практики учителя истории // Педагогический опыт: теория, методика, практика. Чебоксары, 2015. № 2. С. 177-179.

3. Потешкин И. Н. Особенности профессионализма учителя истории, инновации в современной науке // Материалы IX Международного летнего симпозиума. Центр научной мысли. (31 авг. 2015 г.). М., 2015. С. 70-73.
4. Сенько Ю. В. Профессиональный образ мира педагога и его педагогическая культура // Педагогика. М., 2011. № 2. С. 63-68.
5. Сеницына Е. В. Анализ педагогического опыта учителей истории и обществознания по использованию на уроках методов электронной обработки информации // Тенденции развития науки и образования. Самара, 2023. №: 98-2. С. 39-42.

Упоров И.В.

**Взаимообусловленность патриотизма и общественно-государственной
идентичности в России: исторические особенности**

*Краснодарский университет МВД России
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-159

Аннотация

Противоречивость исторического развития России, что подтверждается перманентными бунтами, революциями, а в XX в. двукратной сменой общественно-экономической формации, осложняет понимание и содержание двух таких взаимосвязанных категорий, как патриотизм и общественно-государственная идентичность России. В статье рассматриваются особенности исторического процесса осмысления указанных категорий в сопоставлении с особенностями социального развития общественных отношений в России. Анализируются различные точки зрения, изложенные в научных публикациях по заявленной теме, делаются соответствующие обобщения. Отмечается, что в общественном мнении патриотизм и российская идентичность не всегда имеют позитивное восприятие, что объясняется различными факторами, в том числе: изменчивость формальной и фактической государственной идеологией; углубляющееся имущественным расслоением россиян, нечеткость статуса русского народа в многонациональном российском государстве и др. Поэтому указанные категории нуждаются в дальнейшем теоретическом исследовании с целью конкретизации содержания патриотизма и российской идентичности, имея в виду, что соответствующие признаки этих категорий должны иметь долговременный характер.

Ключевые слова: российское государство, патриотизм, общество, идентичность, идеология, русский народ, история.

Abstract

The contradictory nature of Russia's historical development, as evidenced by permanent riots, revolutions, and in the 20th century, a double change of the socio-economic formation, complicates the understanding and content of two such interrelated categories as patriotism and public-state identity of Russia. The article examines the features of the historical process of understanding these categories in comparison with the features of the social development of public relations in Russia. Various points of view set out in scientific publications on the stated topic are analyzed, and appropriate generalizations are made. It is noted that in public opinion patriotism and Russian identity do not always have a positive perception, which is explained by various factors, including the variability of the formal and actual state ideology, the deepening property stratification of Russians, the vagueness of the status of the Russian people in the multinational Russian state, etc. Therefore, these categories require further theoretical research in order to specify the content of patriotism and Russian identity, bearing in mind that the corresponding features of these categories will be long-term.

Keywords: Russian state, patriotism, society, identity, ideology, Russian people, history.

Сложность проблематики, связанной с взаимообусловленностью патриотизма и идентичности, во многом объясняется тем, что патриотические чувства и взгляды формируются под влиянием множества факторов и являются, с одной стороны, компонентом личностной идентичности человека, а с другой - результатом его социализации, проявляющейся в его трудноисследуемых сугубо индивидуальных решениях и поступках на фоне установленных общих правил поведения [1, с. 176]. В этой связи М.К. Горшков резонно указывает, что «на глобальном уровне сохранение российской идентичности способствует успешному интегрированию России в мировое сообщество и ее позиционированию на международной арене, личностном же – утверждению жизненных ориентиров, формированию чувства защищенности в рамках "своего" общества, подавлению тревоги и фрустрации» [2, с. 10]. В таком контексте патриотизм выступает как сложная система взглядов, представлений и эмоциональных переживаний человека, составляющая часть его личной и социальной идентичности [3, с. 116]. Указанные и другие теоретические положения представляются доминирующими.

Однако теория патриотизма и российской идентичности пока не дает объяснения еще многим явлениям в рассматриваемой сфере. Так, в настоящее время в российском обществе, на фоне нынешних социально-экономических проблем, очевидна ностальгия по советскому прошлому. Но если в Советском Союзе патриотическое воспитание в СССР было на высоком уровне, если национальные отношения развивались по принципу «дружбы народов», а огромные просторы страны были предметом гордости советских людей, то почему же советские патриоты допустили развал СССР в 1991г., почему национальные республики предпочли далее жить врозь, а не вместе, почему россияне в 1993 г. приняли Конституцию России, провозглашающую капитализм и отрицающую государственную идеологию? (это сделали и все остальные бывшие союзные республики без исключения). А социолог В.Н. Шейко, описывая российские реалии на рубеже начала 2000-х, отмечает, что «начало XXI в. в России характеризуется депатриотизацией духовной и социальной жизни, размыванием ценностно-мотивационного ядра национального самосознания россиян, резким снижением чувства человеческого единства и достоинства ... Развал Советского Союза, слабость федеративного устройства новой России, двойные стандарты государственной и национальной политики, центробежные тенденции, этнонациональный экстремизм, действия антироссийских сил по разжиганию межнациональной и межконфессиональной розни, инокультурная информационная агрессия, внешние угрозы, обрушившиеся на народы России, с одной стороны, дискредитировали государственную идею патриотизма» [4, с. 157].

С того времени прошло уже почти два десятилетия, но многое ли изменилось? Так, в литературе отмечается, что «сегодня, как никогда приобрело распространение такое явление, как социальная пассивность, которая проявляется в нежелании принимать участие в жизни общества и государства. Многие молодые люди ищут себя в различных девиантных формах молодежной субкультуры деструктивной направленности. Некоторые молодые люди, уезжают за границу в поисках лучших условий для своей самореализации, другие находят своё применение в структурах криминального характера. Наблюдается большой разрыв российской молодежи с основными духовно-нравственными ценностями и традициями русской культуры, которые сложились в предшествующие исторические периоды» [5, с. 67]. По мнению С.А. Сирина, после распада СССР реформирование российского государства отличалось непоследовательностью, без объективных на то причин посредством интеграции зарубежного опыта, что в результате привело лишь к механической адаптации страны к новой реальности [6, с. 121]. При этом само слово «патриотизм», как отмечается в литературе, «исчезает из устной речи молодого поколения, ассоциируясь у них с пропагандой средств массовой информации» [7, с. 158]. Разумеется, дело здесь не только в патриотизме, но приведенные и иные противоречия в системе социальных отношений российского общества дают основание согласиться с тем, что «в общественно-

политической жизни современной России патриотизм - одно из самых неоднозначных явлений»[8,с.273].

Как представляется, в немалой степени это связывается с недооценкой динамики развития российского общества и государства, имея в виду два основополагающих, на наш взгляд, фактора, определяющих стратегическую основу России (Российской империи, советского государства), а именно огромная, самая большая в мире территория государства и многонациональность, включая народы, разительно отличающиеся по образу жизни, культуре и т.д. (например, народы Севера и Кавказа). Когда-то политическая судьба нашей страны привела к созданию на основе и под влиянием Московии уникального государства, воспринявшего две глобальные культуры (Запад в виде христианства и Восток в виде деспотизма и преклонения перед господином), где одновременно заимствованы как европейские ценности и достижения научно-технического прогресса, так и восточные церемониалы. Во властно-управленческих отношениях, то есть, в развитии государственности, при таком конгломерате стала доминировать восточная сущность, но при западном преломлении политического и бытового характера. Так, в XVIII в. население страны не поддержало вызов, брошенный власти Пугачевым, - это восстание, хотя и было самым массовым вооруженным протестом, тем не менее, не стало всероссийским. В XIX в. население России (в большей его части) не поддержало декабристов, которые желали добиться большей свободы для россиян, не поддержало народолюбцев, предпочитая адаптироваться к действующей власти, соглашаясь на подчиненную, приниженную роль, и прежде всего под воздействием страха перед возможными наказаниями и лишениями.

При этом нужно заметить, что жесткая централизованность российского государства в значительной степени определялась громадными размерами его территории, управлять которыми иным образом вряд ли было возможно без риска развала страны на отдельные части. Об этом может свидетельствовать решение императорской власти расстаться с Аляской (путем продажи ее США). Кроме того, наличие огромного количества народов (народностей, этносов) также требовало неких единых управленческих подходов, где без централизованных начал было не обойтись. Великая территория страны стала довлеющей ценностью для власти, и эту ценность правящие элиты охраняли в первую очередь, используя при необходимости не только мощную армию, но и военно-репрессивные меры для подавления протестов и инакомыслия (против тех же Пугачева, декабристов, участников польского восстания и т.д.). И в этом смысле разрозненность большой территории России (с точки зрения разности образа жизни и культуры жителей регионов) помогала государству локализовать очаги протестов и без особого труда подавлять их, перебрасывая в случае нужды правоохранительные органы из одного региона в другой.

И в этой связи вряд в этой связи можно говорить о патриотизме большинства жителей России того времени, поскольку, например, крепостные крестьяне, в абсолютном большинстве, малограмотные, имели смутные представления вообще о Российской империи, ее месте на международной арене и т.д., а без такого знания патриотизма и, соответственно, понимания идентичности, быть не могло по определению. И в этом смысле в войне 1812 г., как отмечает А.И. Попов, реальность «ставила перед крестьянами дилемму: либо личное освобождение, либо борьба с противником» [9, с. 46]. Сама постановка такого выбора, на наш взгляд, свидетельствовала и драматизме социально-патриотических отношений тогдашней России. И, поднимая восстания против помещиков во время войны, «бунтовавшие там крестьяне наверняка думали не об интересах российского государства, а об удовлетворении своих насущных сиюминутных потребностей» [9, с. 46]. Такое положение не отменяло истинного патриотизма поданных Российской империи из числа офицеров и солдат регулярных вооруженных сил, было и ополчение, но драма с крепостным крестьянством не позволяет говорить о патриотизме всего российского общества того времени.

В целом на огромной территории страны общее население России предпочитало жить по правилам, устанавливаемым властью, то есть, «сверху», и покоряясь им, вопреки, очевидно, собственным желаниям, мечтам и жизненным целям. Поэтому мы не можем говорить о гражданском обществе в России в XIX в. – было население, которое, очевидно, можно называть обществом - с бытовой точки зрения, но не гражданским обществом с политической точки зрения, поскольку не было, и не могло быть по законам Российской империи, никаких создаваемых снизу общественных структур общегосударственного масштаба. Соответственно в парадигме «власть-общество» в период империи вплоть до 1917 г. довлела концепция «самодержавия». В данном контексте, тем не менее, имея в виду Первую мировую войну, можно, очевидно, говорить, о патриотизме всего российского общества, поскольку при всей «самодержавности» к тому времени власть уже отменила крепостное право а вначале XX в. допустила и политические свободы, и имея в виду, что мировоззренчески тема патриотизма для россиян «относится к разряду вечных для нашей страны ценностей нравственного звучания» [10, с. 220]. Другое дело, что власть не пошла дальше в демократических изменениях, общественные ожидания не были удовлетворены, и при таких условиях военное положение только стало катализатором дальнейших событий - были первая (февральская) и вторая (октябрьская) революции 1917 г. «Самодержавие» трансформировалось в «диктатуру пролетариата», когда абсолютное большинство населения (крестьяне) подчинилось воле абсолютного меньшинства населения (пролетариата), ведомого большевистской партией, взявшей на себя право представлять весь пролетариат, а через него право управлять всем обществом. Вероятно, при наличии гражданского общества этого не произошло бы. Но это произошло. Как писал Н.А. Бердяев в этом контексте применительно к России, «классы и сословия слабо были развиты и не играли той роли, какую играли в истории западных стран. Личность была придавлена огромными размерами государства, представляющего непосильные требования. Русская государственность превратилась в самодовлеющее отвлеченное начало; она живет своей собственной жизнью, по своему закону, не хочет быть подчиненной функцией народной жизни [11, с. 6-7].

В данном случае мы не оцениваем предложенную населению России новую стратегическую идею – идею коммунизма (она по своему привлекательна, но, как показал история, оказалась нежизнеспособной), а постулируем, что население без гражданского общества очень быстро подстраивается под новую власть – в данном случае, власть большевиков, и принимает эту, в данном случае советскую власть как данность, но в отличие от монархии, большинство населения поддерживало советскую власть за ее по меньшей мере декларируемые справедливые цели своей деятельности. Вместе с тем, советская власть, в рамках своей идеологии, на первых порах не ставила территориальный вопрос на центральное место, и предложила равенство всех наций, имея в виду, что в скорой мировой социалистической революции эти факторы (территориальный и национальный) перестанут иметь существенное значение. Другое дело, что очень быстро выяснилось, что мировая революция как глобальная цель недостижима, и уже в начале 1930-х гг. в СССР была сформирована административно-командная система управления обществом и государством (во главе со Сталиным), где национальные образования, при декларируемом равенстве наций, должны были выполнять волю правящего союзного центра, а территориальные отношения вновь вышли на передний план во внешней политике СССР. Но и при таких условиях сила коммунистической идеологии была столь велика, что в Великой Отечественной войне патриотизм советского народа был всеобщим и беспрецедентным. Советские граждане, при всех издержках и противоречиях советского режима, вполне осознавали, за что они идут на борьбу с фашизмом, что собой представляет СССР, понимали свое личное положение как свободных граждан СССР в этом государстве. Здесь патриотизм и идентичность имели наибольший за всю отечественную историю сплав.

Ситуация резко изменилась на рубеже 1990 г., когда ввиду угасания коммунистической идеологии (громогласно обещанное в 1961 г. на XXII съезде КПСС построение через двадцать лет материально-технической базы коммунизма обернулось экономическим кризисом, ставшим перманентным, дефицитом многих товаров, ухудшением уровня жизни) угас и построенный по лекалам коммунистической идеологии и советский строй. И население как совокупность лиц, обладающих избирательным правом, еще вчера рукоплескавшее вождям КПСС, ведшей страну по пути построения социализма, после распада СССР в 1991 г. голосовало за Конституцию России 1993 г., то есть за возвращение буржуазного капитализма, но уже на новой основе - не на монархической, как раньше, а на республиканской, в соответствии с тенденциями общецивилизационного развития.

И вновь возник вопрос о российской идентичности, который осложняется тем, что население по-прежнему предпочитает подстраиваться под действующую власть – вместо того, чтобы формировать эту власть. Как отмечает в этой связи Г.А. Абрамов, «низкий уровень вовлеченности населения в политическую жизнь склоняет нас, скорее, к признанию российского социума пассивным» [12, с.60]. Причем, как призывает история России, это происходит вне зависимости от того, как формируется высшая государственная власть (по наследству, в результате революции, по выбору, как назначенный преемник и т.д.). И тем самым сложившиеся несколько веков назад исходные позиции российской государственности (огромная территория, множество народов и др.) еще во многом сохраняют свое влияние на состояние общественной психологии российского народа. Вместе с тем движение от общества как населения к обществу как гражданскому обществу проявляется все активнее, во всяком случае, в историческом масштабе это очевидно. Так, академик В.А. Тишков на заседании Совета по межнациональным отношениям при Президенте России в марте 2021 г. отмечал, что «гражданская идентичность – это понятие, которое, сравнительно недавно у нас появилось в общественном языке и научном. Синонимом можно считать общенациональное самосознание. Это ... прежде всего чувство сопричастности со страной, ответственности за неё. Наличие такого самосознания среди граждан обеспечивает легитимность, суверенитет Российского государства, народную солидарность и межэтническое согласие» [13]. С другой стороны, на том же совещании председатель Комитета Государственной Думы ФС РФ по делам национальностей В.А. Газзаев отметил, в частности, что «сегодня, к сожалению, деятельность большинства интернет-ресурсов направлена на разрушение традиционных для нашего государства и общества основ воспитания. Молодёжные интернет-сайты и социальные сети пропагандируют наркотики, насилие, разврат, суицид. Всему этому должны противостоять посредством эффективных инструментов – образования и патриотического воспитания молодёжи» [13].

Однако за такого рода верными сами по себе оценками не следуют соответствующие практические решения и действия, из поля зрения упускается решение многих социальных проблем, без решения которых сложно формировать патриотические чувства. А таких проблем немало. Так, в литературе указывается, что в российском социуме, особенно в таких регионах, как Северный Кавказ, на уровне общественного сознания приоритет остается за этнической, а не национальной идентичностью [14, с. 72]. Отмечается также, что «в сложившейся системе федеративных отношений русские, являющиеся самым многочисленным этносом России (82%), не имеют своей государственности, отличной от общероссийской. Данное обстоятельство в современных условиях вносит объективное противоречие в государственное устройство России как федерации и негативно сказывается на национальном самочувствии русских [15, с. 104]. Другая важнейшая проблема – имущественное расслоение население России, снижение уровня жизни; об этом много говорят и пишут, но дело к лучшему сдвигается очень медленно. Далее – борьба с коррупцией, экология.

Очевидно, что вот на таких направлениях следует прилагать наибольшие практические усилия. Но таких усилий прикладывает власть пока явно недостаточно, отсюда и определенное разочарование в справедливости существующей политической системы, желание некоторой части людей уехать из страны. Тем самым размывается патриотизм российских граждан, искажается их идентичность, чему способствует и процесс глобализации, с усилением которой «становится все более широкой практика свободного выбора личностью собственной культурной идентичности» [16, с. 7]. Важно заметить, что патриотизм вкупе с российской идентичностью начинают формироваться в ранних этапах жизни человека, и в этой связи следует согласиться с тем, что «патриотическое воспитание молодежи - это сложная многоуровневая задача, которая реализуется через принятие нашего прошлого, какое оно не было, современные проблемы и состояние общества в стране, и те перспективы, которые молодые люди могут сами реализовать вместе с государством, лидерами страны» [17, с. 76]. Как видно, категории патриотизма и российской идентичности нуждаются как в дальнейшем теоретическом осмыслении, так и в практическом подкреплении, причем не только со стороны власти но и, что важнее, со стороны гражданского общества, которое и должно диктовать «повестку дня» жизни как всего общества, так и государства, призванного отражать волю большинства граждан, формируемую путем выборов.

1. Климов И. А. Патриотические основания современно российской идентичности // Отечественные записки. 2002. № 3. С. 174-184.
2. Горшков М.К. Российская идентичность в контексте западноевропейской культуры // Власть. 2013. № 1. С. 9-14.
3. Ешев М.А. Российский патриотизм как основа национальной идентичности // Власть. 2013. № 6. С. 116-118.
4. Шейко В.Н. Российский патриотизм: государственные и этнорегиональные и социокультурные аспекты: дисс. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2005. 180 с.
5. Цаплина С.П. Состояние и перспективы патриотического воспитания молодежи в современной России // Символ науки. 2021. № 12-2. С. 67-68.
6. Сирин С.А. Взаимовлияние концептов правовой культуры и правового нигилизма в российском обществе // Социально-гуманитарные знания. 2024. №4. С. 120-122.
7. Антонова И.Б. Патриотизм «свой» и «чужой»: к постановке проблемы // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2023. № 3. С.141-159.
8. Селиверстова Н.А., Курганская М.Я. Патриотизм // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 1. С. 272-276.
9. Попов А.И. Классовая борьба и патриотизм крестьянства в 1812 г. // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. № 6. Т.11. С. 43-52.
10. Чимарев С.Ю. Государственно-правовые грани отечественной научной мысли в отношении проблемы патриотизма // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 6. С. 217-221.
11. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности (переиздание 1918 г.) М.: Философ.общество СССР, 1990. 240 с.
12. Абрамов Г.А. Различия политической апатии и пассивности на примере современного российского общества // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 6. С. 57-63.
13. Заседание Совета по межнациональным отношениям при Президенте России 30.03.2021 г. // Сайт Президента России / URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65252> (дата обращения: 12.05.2024).
14. Денисова Г.С., Жаде З.А., Клименко Л.В. Особенности региональной идентичности этнических групп населения Республики Адыгея // Вестник Адыгейского государственного университета. 2010. № 3. С. 70-77.
15. Иванова С.Ю., Шульга М.М. «Русская этническая» и «российская» идентичность: соотношение понятий // Вестник Южного научного центра РАН. 2010. № 4. С. 96-104.
16. Иванова Е. А., Карнышева О. А. Отношение к феномену патриотизма и его уровневая представленность у современной молодежи Сибири // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 6.
17. Дякин А.В., Лыхин Д.А. Проблема воспитания патриотизма молодежи в современном обществе // Наука и образование. 2023. № 4. С. 75-77.

Упоров И.В.

Диссиденты-шестидесятники 1960-х годов и меры Советской власти по
нейтрализации их влияния

Краснодарский университет МВД России
(Россия, Краснодар)

doi: 10.18411/trnio-11-2024-160

Аннотация

В советском государстве согласно конституционным нормам монопольно правящей была Коммунистическая партия Советского Союза, которая определяла единственную государственную идеологию, и соответственно система науки, образования, экономики и другие сферы общественно-политической и социально-экономической жизни должны были функционировать на основе установленных этой идеологией постулатов. Однако, как показала реальность, такую фундаментальную социальную ценность, как свобода (свободы мысли, слова, печати), которая являлась естественным правом, полностью заглушить было невозможно. И в советском обществе находились граждане-диссиденты, которые считали возможным рассуждать на политические темы иначе, чем диктовали марксистско-ленинские труды, и публиковать свои мысли, что расценивалось как правонарушение. В статье рассматриваются особенности диссидентского движения в СССР 1960-х гг., когда оно после известной хрущевской «оттепели» получило активное развитие, при этом акцент делается на мерах советской власти по нейтрализации идеологической деятельности диссидентов на примере процесса по делу четырех диссидентов (Галанскова, Гинзбурга, Добровольского, Лашковой), состоявшегося в 1968 г.

Ключевые слова: советское государство, идеология, диссиденты-шестидесятники, интеллигенция, советская власть, процесс.

Abstract

In the Soviet state, according to constitutional norms, the Communist Party of the Soviet Union had a monopoly on power, which determined the only state ideology, and accordingly, the system of science, education, economics and other spheres of socio-political and socio-economic life had to function on the basis of the postulates established by this ideology. However, as reality showed, such a fundamental social value as freedom (freedom of thought, speech, press), which was a natural right, could not be completely suppressed. In Soviet society there were also dissident citizens who considered it possible to discuss political topics differently than dictated by Marxist-Leninist works and to publish their thoughts, which was regarded as an offense. The article examines the features of the dissident movement in the USSR in the 1960s, when after the well-known Khrushchev "thaw" it was actively developing, while the emphasis is placed on the measures of the Soviet government to neutralize the ideological activity of dissidents using the example of the "trial of four dissidents" (Galanskov, Ginzburg, Dobrovolsky, Lashkova), which took place in 1968.

Keywords: Soviet state, ideology, dissidents of the sixties, intelligentsia, Soviet power, trial.

Диссидентское движение в современном его понимании получило сильный импульс в своем развитии в результате известной хрущевской «оттепели», политику которой была начата на XX съезде КПСС, где Н.С. Хрущев выступил с критикой культа личности. При этом осуждение культа личности не значило отхода от основных идей коммунистического строительства и стратегической внешней и внутренней государственной политики), но существенно смягчало репрессивные меры в отношении инакомыслящих, на них не ставили клеймо «врага народа», не ссылали в исправительно-трудовые лагеря (и ниже примере процесса по делу четырех диссидентов это будет

показано), и они подвергались не уголовному, а административному воздействию, а также критике в советских средствах массовой информации. Как бы ни было, но советская власть в большей степени учитывала, что в самой советской конституции провозглашалась свобода слова, хотя де-факто эта свобода была весьма и весьма относительной, и контроль за «свободой инакомыслящих» по-прежнему имел место.

Диссидентов того времени, не согласных с официальной политикой, в литературе часто называют «шестидесятниками», поскольку их деятельность наиболее активно проявлялась в 1960-е гг. Как отмечает В. Воронков, диссидентами в своей основе были люди сравнительно молодыми (средний возраст около тридцати лет) [1, с. 169] и которые не прошли Великую Отечественную войну. Еще раз обратим внимание, что это касается большинства, но не всех диссидентов – шестидесятников, поскольку возрастной показатель – это слишком условный критерий для идентификации поколения – по мнению, Е.Г. Серебряковой, к шестидесятникам вполне можно относить и таких фронтовиков, как М. Хуциев, Б. Окуджава, Э. Неизвестный и их более молодых сверстников, например Е. Евтушенко, А. Вознесенского, И. Бродского и др. [2, с. 77]

Следует еще отметить, что абсолютное большинство диссидентов не были против социализма и советского строя как такового, но хотели, чтобы управление страной осуществлялось по-другому: «Нам не нравился казённо-бюрократический социализм, мы защищали человеческую правду против формальной, мы приходили в содрогание от ужасов сталинского лагеря и протестовали, где могли, против изощёренных форм общественного лицемерия. Но мы верили в социализм, как в благородную идею справедливости ... Для нас неоспоримы были демократические права личности» [3, с. 124].

Объединяло диссидентов и то, что большинство из них были представителями интеллигенции, которых, с одной стороны, притесняла, а в некоторых случаях и репрессировала (как в нижеприведенном материале о «процессе четырех»), а с другой стороны их не принимала и широкая советская публика. И дело тут не только и не столько с негативной информацией о диссидентах в средствах массовой информации. Так, один из диссидентов Орлов описывает встречу со случайным знакомым, бухгалтером по профессии, и тот задал вопрос в том духе, что, дескать, почему-то рабоче-крестьянская по происхождению интеллигенция в Советском Союзе всё время «чем-то недовольна» - чего спокойно не живет, как всем советским людям? И Орлов ответил, что дело не в происхождении, а в том, что интеллигенту нужна свобода мысли и выражения мысли, поскольку это условие его существования и без таких условий он не может быть интеллигентом. Но, похоже, как он сам пишет, убедить не удалось [4, с. 161].

В своем стремлении реализовать свое право на свободу интеллигентно-шестидесятники периодически входили в конфликт с властью, и нередко довольно жесткий, заканчивавшийся приговором по уголовным делам, где наиболее часто фигурировала ст. 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда). Рассмотрим это на примере одного из уголовно-политических процессов, который состоялся 8-12 января 1968 г. в Мосгорсуде, где слушалось дело четырех диссидентов - Ю.Т. Галанскова, А. И. Гинзбурга, А. А. Добровольского и В. И. Лашковой, которым вменялось в виде деяние, предусмотренное в ст. 70 УК РСФСР (антисоветской агитации и пропаганде – печатали материалы антисоветского характера). Помимо этого Галанскову было предъявлено обвинение ст. 88 УК РСФСР, предусматривавшей наказание за незаконные валютные операции. Они были арестованы в январе 1967 г., следствие продолжалось почти год. Это был один из самых характерных процессов над диссидентами-шестидесятниками [5, с. 27]. Галансков (29 лет) работал рабочим в литературном музее и был студентом-вечерником. Добровольский (28 лет) работал переплетчиком и также был студентом. Гинзбург (32 года) работал в театре и на телевидении, снимался в кино, был журналистом «Московского комсомольца». Лашкова (24 года) работала машинисткой и училась на 2 курсе Института культуры. Галансков и Гинзбург вину не признали.

Свое пристальное внимание к Галанскову и его друзьям КГБ стал проявлять с конца 1966 г. – тогда Гинзбург был вызван на допрос в связи с передачей им «Белой книги» по делу известных диссидентов Синявского и Даниэля (составленной самим же Гинзбургом) в советские инстанции. С ней могли ознакомиться и другие представители общественности, и один экземпляр попал на Запад. На допросе от Гинзбурга добивались признания, кто ему помогал составить «Белую книгу». Гинзбург имен не назвал, но настаивал на том, что арестом и процессом Синявского и Даниэля была возмущена вся творческая общественность. Он указал, с письмами протеста выступали самые известные ее представители, такие, как Паустовский, Некрасов, Чуковская и др. Тогда встреча ограничилась допросом. Но скоро начались аресты. 17 января 1967 г. была арестована Лашкова, через день – Галансков и Добровольский. Эти и другие нижеприводимые сведения, касающиеся особенностей этого процесса, взяты в основном из книги «Процесс цепной реакции» [6, с. 31].

Общественный резонанс «процесс четырех» получил еще до его начала, что свидетельствовало об определенном укреплении позиций диссидентства. И действительно, здесь в ход пошла уже «тяжелая артиллерия» диссидентов [7, с. 141]. Так, А. Д. Сахаров еще 11 февраля 1967 г., то есть практически за год до начала судебного заседания, обратился в ЦК КПСС с просьбой о прекращении дела Гинзбурга и его товарищей. Однако, как он сам писал, «не получил никакого ответа на свое обращение, никаких разъяснений по существу» [8, с. 69]. Родственники арестованных направляли письма-протесты в официальные инстанции, в том числе Генпрокурору СССР. В декабре в МГУ распространялась листовка, где студентам предлагалось прийти на демонстрацию поддержки арестованным. Из официальных структур приходили сухие отписки, например, на письмо метари Гинзбурга: «Сообщаю, что Ваше заявление Прокуратурой рассмотрено, оснований для изменения меры пресечения – содержание под стражей – Гинзбургу А.И. в настоящее время нет. Одновременно разъясняю, что он был арестован с санкции прокурора. Зам. прокурора гор. Москвы старший советник юстиции Павлов» [6, с. 28]. Имели место также коллективные обращения. Характерным в данном случае, то есть в связи с арестом Гинзбурга и его товарищей, было письмо от 7 января 1968 г. группы ученых и писателей (31 человек), направленное в Московский городской суд. Копии адресовались Косыгину, Брежневу, Подгорному, то есть высшим руководителям страны. Этот факт свидетельствует о том, что в обществе было понимание того, от кого реально зависело решение уголовно-процессуальных вопросов в отношении обвиняемых по «делу четырех» – от политического руководства страны, и это действительно было так. В этом смысле, как видно, в СССР конца 1960-х гг. (как, впрочем, и в последующие годы) не удалось преодолеть такой системы властеотношений. Авторы письма (И. Гельфанд, И. Шафаревич, Л. Келдыш, Б. Ахмадулина, В. Аксенов и др.) требовали «обеспечить абсолютную гласность разбирательства, беспристрастность подбора свидетелей и широкое освещение суда в печати» [6, с. 364]. Однако такого рода коллективные письма не меняли существенно позицию власти. Дело в том, что обвиняемым могла грозить еще более суровая ответственность, как указывается в материалах дела, в разное время с каждым из них установили связи агенты НТС – известного филиала ЦРУ – в целях вербовки их для выполнения шпионских заданий. Для начала за-рубежные разведчики поручали им вербовать людей в НТС, снабжали инструктивными материалами по формам и методам борьбы с социалистическим строем, средствами для размножения листовок антисоветского характера и ведения тайной переписки с границей [7, с. 143]. От приезжих эмиссаров НТС-ЦРУ Гинзбург и другие получали иностранную валюту на ведение этой работы, в том числе на создание конспиративных квартир в Москве и т.д. Советские органы безопасности сочли необходимым пресечь связи Гинзбурга, Галанского, Добровольского и Лашковой с враждебными разведывательными организациями, не допустить, чтобы они были втянуты в совершение тяжелых преступлений шпионского характера» [6, с. 137].

Как видно из изложенного, в действиях диссидентов имелись некоторые начальные признаки тяжкого преступления в виде измены Родине (ст.64 УК РСФСР). Вероятно, КГБ СССР при желании вполне мог «довести» Гинзбурга и других до обвинения в этом преступном составе. Однако сформированная в годы хрущевской «оттепели» стратегия борьбы с антисоветскими проявлениями, основанная на предотвращении тяжких преступлений, предполагала репрессии за менее тяжкие правонарушения и тем самым предполагалось отвести от «измены Родине» потенциальных преступников из числа советских граждан [9, с. 28]. В этом контексте в качестве «менее тяжкого» преступления к диссидентам более всего подходила ст. 70 УК РСФСР. С учетом этого, очевидно, нет оснований говорить о некоей целенаправленной репрессивной деятельности органов госбезопасности, более того, можно обнаружить предпосылки социально полезной предупредительной ее направленности.

Как ни было, в итоге все подсудимые ожидаемо были признаны виновными: Галансков был приговорен к 7 годам лишения свободы, Гинзбург – к 5 годам, Добровольский, активно сотрудничавший со следствием и обвинением, – к 2 годам. Лашкова получила 1 год лишения свободы и была освобождена из-под стражи через несколько дней после суда ввиду зачета времени в СИЗО. По оглашении приговора, как явствует из стенограммы, раздались продолжительные аплодисменты, и в этом усматривается некоторая аналогия с процессами 1930-х гг., то есть, несмотря на «оттепель», реликт жесткого реагирования на антисоветские идеологические выступления еще оставался, равно как стремление обеспечить вот такого рода аплодисменты с целью показать, что приговор встречен общественностью с одобрением [7, с. 149].

Заметим еще, что процесс вызвал широкий общественный резонанс, который, видимо, озадачил власть. Так, с осуждением процесса выступили Ассоциации писателей Швеции, Дании, Финляндии и других стран. Внутри СССР многие люди также обращались с коллективными петициями к Политбюро и другие инстанции, высказывая возмущение и озабоченность «процессом четверых» [10]. Очевидно, не ожидавший столь широкого резонанса, Председатель КГБ ССР Ю.В. Андропов предлагал прекратить в печати обсуждение итогов судебного процесса. Этот процесс показал, что в сфере противодействия с инакомыслием власть столкнулась с серьезными трудностями, проистекающими из большей, чем раньше, гласности внутри страны, и активизировавшейся идеологической борьбой на международном уровне, где преследуемые диссиденты неизменно получали поддержку в контексте защиты общедемократических ценностей [11; 12]. На развитие этих ценностей в СССР власть пойти не решилась, и в рамках существующей политико-правовой системы был взят курс на более жесткое отношение к деятельности диссидентов [7; 13].

В результате более жесткой политики в отношении инакомыслящих примерно к середине 1970-х, усилиями прежде всего КГБ СССР диссидентское движение в СССР потеряло свою активность. Затем, уже накануне распада СССР и провозглашением принципа гласности (рубеж 1990 г.), диссиденты перестали быть правонарушителями, но для «перестроечного» российского общества диссиденты уже не привлекали внимания, поскольку говорить, писать и распространять свои мысли уже можно было без препятствий, более того, пришли новые времена, когда социализм в стране трансформировался в капитализм, произошли изменения, которые те же диссиденты и представить себе не могли, и в этих условиях, на фоне происходящих в стране грандиозных событий, бывшие диссиденты-шестидесятники уже не представляли общественного интереса и довольно быстро ушли в историю.

1. Воронков В. Проект «шестидесятников»: движение протеста в СССР // Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литер. обозр., 2005. С. 168-202.
2. Серебрякова Е.Г. От «Шестидесятничества» к «Диссидентству»: несколько слов об эволюции явления // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2013. № 4. С. 75-87.
3. Лакшин В. Солженицын и колесо истории. М.: Вече, 2008.
4. Орлов Ю. Опасные мысли. Мемуары из русской жизни. М.: МХГ, 2006.
5. Шубин А.В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М.: Вече, 2008.

6. Процесс цепной реакции: Сб. док. по делу Ю.Т. Галанскова, А.И. Гинзбурга, А.А. Добровольского, В.И. Лашковой / Сост. Г.Д. Брудерер. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1971.
7. Оришич Е.Г. Диссидентство как политическая форма протестного движения в СССР и особенности привлечения инакомыслящих к юридической ответственности (середина 1960-х – середина 1980-х гг.): историко-правовое исследование: дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009.
8. Сахаров А.Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе // Вопросы философии. 1990. № 2. С. 52-74.
9. Есешкин М.М. Основные направления государственной деятельности Н.С. Хрущева (1953–1964 гг.): историческое исследование: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007.
10. Ария С.Л. Дело о «Белой книге»: Памяти Александра Гинзбурга // Вечерняя Москва. 2002. 24 июля.
11. Михель Д.В. Эхо «пражской весны» в кругах советской диссидентской интеллигенции // Россия и современный мир. 2021. № 4. С. 183-205.
12. Буренко В.И. Отечественная политология: диссидентское измерение // PolitBook. 2020. № 4. С. 6-11.
13. Барашков Г.М. Диссидентское движение в СССР (1960 1970-е годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2007. №1. С. 103-107.

Упоров И.В.

**Что писала районная газета «Колхозная трибуна»
о местных Советах народных депутатов в 1952 году**

*Краснодарский университет МВД России
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-161

Аннотация

Период сталинского правления (1922-1953 гг.) в научной и публицистической литературе зачастую характеризуется как период жестких политических репрессий, и такой подход в значительной степени представляется обоснованным. Однако не следует забывать, что система советско-сталинской власти в СССР имела довольно широкие организационные структуры и не заключалась лишь в органах внутренних дел, безопасности, партийных комитетах ВКП(б)-КПСС. В течение всего советского государства, в том числе в указанный период, функционировали местные Советы депутатов трудящихся, которые в формате текущей деятельности решали вопросы повседневной жизни района, города, села и других территорий, относившихся к ведению местных Советов депутатов трудящихся. В статье представлен обзор публикаций районной газеты «Колхозная трибуна», издаваемой в 1952 г. в типичной советской сельской глубинке – Белоглинском районе Краснодарского края, и где было немало материалов о работе Белоглинского районного Совета депутатов трудящихся. Отмечается, что значительное внимание газета придавала ходу избирательной кампании по выборам районных депутатов, социально-экономической жизни (прежде всего в сфере сельского хозяйства) как района в целом, так и сельских населенных пунктов. В ряде газетных материалов критикуется деятельность хозяйственных руководителей на недостатки в их деятельности. В целом «Колхозная трибуна» освещала повседневную жизнь глубинки, которая была далека от большой политики, в том числе это касалось деятельности местных Советов депутатов трудящихся.

Ключевые слова: местные Советы депутатов трудящихся, местное самоуправление, Белоглинский район, сессия, райисполком.

Abstract

The period of Stalin's rule (1922-1953) is often characterized in scientific and journalistic literature as a period of harsh political repression, and this approach seems quite justified. However, one should not forget that the system of Soviet-Stalinist power in the USSR had fairly broad organizational structures and did not consist only of the internal affairs agencies, security, and party committees of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) - the Communist Party of the Soviet Union. Throughout the Soviet state, including the specified period, local Councils of

Workers' Deputies functioned, which in the format of current activities resolved issues of everyday life of the district, city, village and other territories related to the jurisdiction of local Councils of Workers' Deputies. The article presents an overview of publications of the district newspaper "Kolkhoznaya Tribuna", published in 1952 in a typical Soviet rural outback - Beloglinsky district of Krasnodar Territory, about the work of the Beloglinsky District Council of Workers' Deputies. It is noted that the newspaper paid significant attention to the course of the election campaign for the elections of district deputies, socio-economic life (primarily in the sphere of agriculture) of both the district as a whole and rural settlements. A number of newspaper materials criticized the activities of business leaders for shortcomings in their activities. In general, "Kolkhoznaya Tribuna" covered the everyday life of the outback, which was far from big politics, including the activities of local Councils of Workers' Deputies.

Keywords: local Councils of Workers' Deputies, local self-government, Beloglinsky District, session, district executive committee.

Действующий в настоящее время в России институт местного самоуправления в начале 1990-х гг. заменил местные Советы народных депутатов (до 1977 г. – местные Советы депутатов трудящихся), которые функционировали весь период советского государства (1917-1991 гг.), включая и такой неоднозначный, как годы правления «вождя всех народов» И.В. Сталина. В этом контексте представляет интерес те вопросы, над которыми работали в СССР местные Советы депутатов трудящихся в сельской глубинке в завершающие годы правления Сталина (1952 г.); но даже безотносительно к Сталину интерес представляет именно сельская глубинка, учитывая, что местные Советы депутатов трудящихся в городах, в отличие от сельской местности, в литературе раскрыты значительно шире.

Анализ этих вопросов будет сделан это на примере деятельности Белоглинского районного Совета депутатов трудящихся в 1952 г., при этом акцент делается на тех мерах и решениях текущего характера, которые осуществлялись Белоглинским районным Советом депутатов трудящихся (и соответствующим исполнительным комитетом) и которые публиковались в районной газете Белоглинского района «Колхозная трибуна».

Указанный хронологический исторический этап позволяет лучше понять тенденции развития местной власти в советской государстве. Так, в районной газете Белоглинского района «Колхозная трибуна» в самом начале января 1952 г. сообщалось о том, что 30 декабря предыдущего года состоялись выборы депутатов в Белоглинский районный Совет депутатов трудящихся в избирательных округах № 1,2 и 9 вместо депутатов, у которых в тех округах по разным причинам были досрочно прекращены депутатские полномочия прежних народных избранников (публикация в «Колхозной трибуне» под названием «Сообщение об итогах выборов в Белоглинский районный Совет депутатов трудящихся» от 1 января 1952 г. [3; 1 января]). Несмотря на то, что после выборов прошел всего один день, уже было готово окончательное решение избирательной комиссии: в выборах приняли участие 100% лиц, обладавших избирательным правом и проживавших на территории указанных выше избирательных округов, при этом избранные депутатов получали 100% голосов «за». Такие итоги не являются удивительными, учитывая, что в СССР уже к рубежу 1930 г. сложилась такая административно-командная система управления обществом и государством, при которой на выборы депутатов всех уровней были безальтернативными - кандидат в депутаты предварительно обсуждался местными партийными организациями ВКП(б), которая стала монопольно правящей партией еще в 1918 г., во внимание принималось также мнение общественных и профсоюзных организаций, соответственно согласованный кандидат должен был безусловно взять большинство голосов.

Следует заметить еще, что по действовавшему тогда законодательству, принятому еще в довоенный период, допускалось выдвижение нескольких кандидатов в депутаты по избирательному округу, но в практике этого не было. Что касается результатов 100%, то

их можно объяснить малочисленностью избирателей в селах района. В конце января 1952 г. состоялась очередная сессия Белоглинского сельсовета (то есть масштаб не района, а села), на которой с докладом выступил директор Белоглинской МТС Матросов о ходе подготовки колхозов села Белая Глина к весеннему севу (публикация в «Колхозной трибуне» под названием «6-я сессия районного Совета» [3; 27 января]).

Решение депутатов было довольно критичным, в частности, отмечалось, что «руководители сельхозартелей проявляют нетерпимую медлительность» в вопросах подготовки к весенним сельхозработам, критике подверглись также правления колхозов «за недооценку агрозоотехнической учебы колхозников». Также в конце января состоялась сессия Белоглинского районного Совета депутатов трудящихся. Районные депутаты обсудили следующие вопросы: 1) Доклад мандатной комиссии в связи с проведением 30 декабря 1951 г. выборов депутатов районного Совета. 2) Информация о выполнении Постановления СМ СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельхозартелей в колхозах». 3) Отчет о работе исполкома райсовета за 1951 г.

Во время обсуждения депутаты особое внимание уделяли проблемам строительства и здравоохранения, в решениях указывались стандартные формулировки – «усилить», «потребовать» и т.д. На сессии членами райисполкома были избраны районные депутаты И.К. Столяров и Н.В. Симонов. Как указывалось выше, во время выборов депутатов Советов кандидаты предварительно согласовывались с местными партийными организациями. В этой связи следует заметить, что и по другим важным вопросам установки исходили от районного комитета ВКП(б), кроме того, нередкими были совместные решения партийных комитетов и райсовета. Так, в начале апреля Белоглинский райком ВКП(б) и Белоглинский исполком райсовета депутатов трудящихся приняли совместное постановление об учреждении переходящего Красного знамени райкома партии и райисполкома для вручения передовым трактористам и полеводческим бригадам – победителям социалистического соревнования (публикация в «Колхозной трибуне» под названием «В райкоме ВКП(б) и райисполкоме» [3; 3 апреля]).

Указанное решение, в свою очередь, было следствием совместного постановления Краснодарского краевого комитета ВКП(б) и исполкома Краснодарского краевого Совета депутатов трудящихся об учреждении тех самых красных знамен для передовиков труда. В начале августа 1952 г. на очередной сессии Белоглинского райсовета депутатов трудящихся в повестке дня был следующий вопрос: «О ходе уборки хлеба, сенокошения, заготовки силоса и выполнении плана поставок государству хлеба и продуктов животноводства» (публикация в «Колхозной трибуне» под названием «Все силы на быстрейшее завершение уборки урожая и хлебазаготовок» [3; 8 августа]). С основным докладом выступил председатель райисполкома Н.П. Кравченко. Общее содержание доклада было направлено на выявление проблем, недостатков и требования к ответственным лицам принять необходимые меры к их решению и устранению. В частности, указывалось на плохую организацию работ на токах, факты неоправданной потери зерна, невыполнении норм выработки и в целом медленные темпы уборки урожая.

Выступивший в обсуждении уполномоченный Министерства заготовок по Белоглинскому району Рябов подверг резкой критике дирекцию Белоглинской МТС и правление колхоза «Путь к коммунизму» за плохое руководство «комбайнированием» хлебов, сдачей зерна государству. Спустя некоторое время (7 августа 1952 г.) сложная ситуация с уборкой урожая была подтверждена Постановлением Бюро Белоглинского РК ВКП(б) «О неудовлетворительном ходе хлебазаготовок и уборке урожая в колхозах им. Ленина и им. Сталина» [3; 9 августа].

В конце 1952 г. (18 декабря) на очередной сессии Белоглинского райсовета депутатов трудящихся были рассмотрены два основных вопроса: 1) Информация председателя райисполкома Н.П. Кравченко о выполнении решений предыдущей сессии райсовета. 2) Доклад председателя МТС Белоглинской МТС Басенко о выполнении Постановления СМ СССР от 25 сентября 1951 г. «О мерах по улучшению работы МТС» (публикация в «Колхозной трибуне» под названием «11-я сечи райсовета» [3; 18 декабря]).

В оставшееся до конца 1952 г. время райисполком активно занимался подготовкой к выборам в местные Советы, которые Указом Президиума Верховного Совета РСФСР

были назначены на 22 февраля 1953 г., то есть, как оказалось, менее чем за две недели до смерти Сталина.

Если сравнивать деятельность местных Советов депутатов трудящихся того времени и органов местного самоуправления в настоящее время, то есть немало сходных предметов деятельности (благоустройство, водоснабжение, школьное образование, здравоохранение и др.). Вместе с тем сейчас органы местного самоуправления уже не занимаются столь детально, как в те времена, экономическими вопросами, связанными с развитием сельского хозяйства, поскольку с изменением формы собственности за землю, оборудование и т.д. в начале 1990-х гг., когда социалистическая система была заменена капиталистической, заготовкой хлеба и другими сельхозработами занимаются частные сельхозпредприятия и, разумеется, без партийного контроля [4; 5]. Однако прошедшие уже более тридцати лет капитализма-рынка в России показывают, что избранная в начале 1990-х гг. капиталистическая социально-экономическая модель не во всем отвечает складывавшимся в России реалиям. Конституционными поправками-2020 г.[6] были внесены некоторые коррективы в содержание публично-властных отношений, и сейчас органы государственной власти получили большие полномочия с точки зрения участия в решении вопросов местного значения. Это свидетельствует о частичном заимствовании опыта местных Советов в период СССР. Помимо этого, на наш взгляд, заслуживает внимания опыт формирования в СССР на местах коллегиального исполнительного органа власти – райисполкома, состоявшего, подчеркнем, из избранных депутатов. В настоящее время местной администрацией в районе руководит глава местной администрации по принципу единоначалия, что вряд ли способствует эффективной деятельности данного органа местного самоуправления, соответственно целесообразно, чтобы ключевые решения местной администрации принимались коллегиальным органом, что, к слову, соответствует и опыту местного самоуправления Российской империи.

1. Абракова Т.А., Шляхов М. Ю. Повседневная жизнь советского послевоенного города: проблемы инфраструктуры и благоустройства во взаимодействии власти и горожан на примере г. Горького // Современная научная мысль. 2023. № 4. С. 89-94.
2. Щербаков А.С. Деятельность Ленинградского городского совета по развитию учреждений народного образования в 1950-е годы // Via in tempore. История. Политология. 2018. № 1. С. 34-42.
3. Колхозная трибуна (газета Белоглинского района Краснодарского края). 1952.
4. Воронина И.А., Криволапова Л.В. К вопросу о реформе местного самоуправления // Аграрное и земельное право. 2022. № 5(209). С. 70-74.
5. Гамалей А.А. Предметы ведения органов местного самоуправления: история и современность // Право и управление. 2022. № 1. С. 67-73.
6. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 N 1-ФКЗ "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти" // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.08.2024).

Ямщикова М.В., Явнова И.И.

**Жития святых в трудах советских и российских историков:
историографический аспект**

*(ф) Уфимский Университет Науки и Технологий
(Россия, Стерлитамак)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-162

Аннотация

В статье рассматриваются основные вехи в разработке изучения жития святых, как одного из видов церковных документов, анализируется роль и значения его в современных условиях. Жития святых являются одним из разделов христианской литературы, изучению которого посвящены специальные области научного знания - агиография и агиология.

Ключевые слова: церковные документы, Жития святых, литературоведение, святые, патерикографии.

Abstract

The article examines the main milestones in the development of the study of the lives of saints as one of the types of church documents, analyzes its role and significance in modern conditions. The Lives of saints are one of the sections of Christian literature, the study of which is devoted to special fields of scientific knowledge - hagiography and hagiology.

Keywords: church documents, Lives of saints, literary studies, saints, patericographies.

Церковные тексты на протяжении многих столетий играли ключевую роль в жизнедеятельности человека, до сих пор церковные тексты несут в себе значимую информацию о быте, о жизни и о правилах народа. Одним из ведущих исторических источников является Жития святых.

Жития святых – это жанр церковной литературы, в котором описывается жизнь и деятельность христиан, канонизированных Церковью [2, с. 11].

Жития святых создавались после смерти святого, но не всегда после формальной канонизации. Для Жития характерны строгие содержательные и структурные ограничения (канон, литературный этикет).

Жития, как правило, не связано с историческими фактами. Во многих житиях не указаны даже годы жизни, конкретные города, посёлки или деревни, где происходили те или иные события. Есть только рассказ о духовных подвигах, чудесах, знамениях. Цель Жития — прославить героя, сделать его образцом для последователей и почитателей.

Изучение жизней святых имеет долгую историю исследований, теоретических обоснований, которая продолжается уже почти два века. Стоит отметить, что этот исторический источник был изучен двумя разными школами - "мифологической" и "культурно-исторической", представленными такими учеными, как С.П. Шевырев, Ф.И. Буслаев, А.Н. Пыпин, А.Н. Веселовский, И.С. Некрасов, В.А. Яковлев.

Жития святых являются одним из наиболее сложных материалов для научного анализа. Василий Осипович Ключевский стал основателем источниковедческого анализа древнерусской житийной литературы. Исследователь утвердил тенденцию о том, что Жития не содержат достоверную информацию о реальных исторических событиях. Ведь главная задача автора Жития является не объективное изложение хода истории, а прославление действия Божьей воли, воплощённой в деяниях того или иного святого. Работы Василия Осиповича Ключевского стали плацдармом для изучения данного исторического источника и стали катализатором развития историографического анализа Жития.

Анализ Жития святых как исторический и историко-литературный источник нашли свое отражение в рамках историографии советского периода. Большинство работ этого периода носили антирелигиозный характер, но стоит учитывать, что в этот период активно публиковались работы ученых духовного звания, которые отстаивали позиции святости и религиозности житий как исторического источника.

Древнерусские Жития святых были рассматриваемы как произведения церковной литературы, в которых сочетались вымышленные биографии святых с информацией из русских летописей, актов и рассказов очевидцев.

В советский период были изучены политически ангажированные темы, такие как раскрытие культа святых (М.А. Рожнова и В.Е. Рожнов); их мощей, реликвий и чудес, политический смысл канонизации (А.С. Хорошев), модернизация культов и их происхождение, а также культ святых как социально-нравственное явление и его демистификация (М.Ф. Паозерский, М.В. Горев, А.Б. Ранович, С.М. Демидов, А.В. Белов, Н.С. Гордиенко).

В работах 1960-1980-х годов активно разрабатывались проблемы «литературного статуса» жития святых, специфики жанра, особенности древнерусской поэтики в работах В.П. Адриановой-Перетц, С.Д. Лихачева, О.В. Творогова, Б.М. Клосса и других.

Современные кандидатские и докторские диссертации по филологии, литературоведению и культурологии охватывают широкий спектр тем и включают подробный историографический анализ Жития, акцентирующих внимание на особенности жанра. Можно отметить следующих авторов: О.Н. Бахтина, М.В. Иванова, М.В. Никифорова, Л.А. Ольшевская, Т.П. Рогожникова, М.М. Лоевская, С.В. Минеева, Е.В. Крушельницкая и других.

В период с 1880 по 1900 годы литературоведение продолжало изучать как отдельные биографии, так и сборники, следуя традициям, заложенным предшественниками. Сборники получили самостоятельный художественный и композиционный статус только в советский и российский период [2, с. 76].

Хочется отметить историко-филологические работы И.А. Шляпкина, А.А. Шахматова, Д.И. Абрамовича и А.П. Кадлубовского. Данные ученые являются крупными исследователями в сфере изучения Жития.

Исследования И.А. Шляпкина сосредоточились на развитии текстологического и литературоведческого направления. В своих лекциях по церковно-славянскому языку и славянской филологии ученый изучал Жития Кирилла и Мефодия как исторический источник славянской письменности, предпринял попытку классифицировать Жития на документальные и легендарные тексты. Некоторые работы Шляпкина в области текстологии и археографии пользовались популярностью среди научного сообщества и часто цитировались в трудах известных исследователей [5, с. 14].

Исследования А.А. Шахматова и Д.И. Абрамовича продолжают традиции отечественного изучения патерикографии. А.А. Шахматов сосредоточился на сравнительно-текстологическом анализе Киево-Печерского Патерика с целью восстановления утраченных памятников - жития Антония Печерского и Печерской летописи. Особенности этой работы включают в себя текстологический и литературоведческий анализ различных списков житий с определением наиболее древних, а также исследование Волоколамского Патерика - малоизученного памятника русской литературы.

Завершается анализ отечественного литературоведения житий святых изучением творчества русских ученых советского периода – В.Н. Перетца и В.П. Адриановой-Перетц.

Работы исследователей содержат в себе традиции дореволюционного литературоведения, особенно в исследовании народных элементов в житиях святых. Успехи в изучении житий в рамках дореволюционного литературоведения были достигнуты благодаря улучшению методологии и использованию традиций западного языкознания, включая «мифологическую» и «историко-культурную» школу. Благодаря историко-сравнительному методу удалось обнаружить, что в сюжетах русских Жития и памятников устного народного творчества прослеживаются элементы преданий других народов. Русские литературоведы с разной долей успеха решали задачи представления картины многовековой истории русской агиографии, в которой переплетались старый миф, и народный эпос, и христианство, и исторический факт.

Важнейшими элементами историко-литературных реконструкций явились изучение внутренних взаимосвязей между редакциями, анализ истории текстов, времени зарождения и соприкосновения с другими элементами, т.е. «агиографические процессы» [10, с. 41].

Изучение Жития святых играет важную роль в христианской традиции и духовной жизни, так как через него верующие могут узнать образцы и нравственные уроки, которые оставили святые.

Жития святых рассказывают о их жизни, духовном пути, подвигах и чудесах, позволяя людям вдохновляться и стремиться к образцу жизни, которого добивались святые.

Изучение Жития святых помогает верующим строить свое духовное развитие, обрести мудрость и силу для преодоления жизненных трудностей. Важно заметить, что знание жития святых помогает христианам лучше понять ценности Церкви и пройти свой собственный путь к святости.

1. Белов М.И. Северорусские жития как источник по истории древнего поморского мореплавания // Труды Отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы. М., 1958. С.234.
2. Рожнов В. Е., Рожнова М. А. Гипноз от древности до наших дней. М.: Сов., 1987. 302 с.;
3. Хорошев, А. С. Политическая история русской канонизации XI-XVI вв. М.: Изд.МГУ, 1986. 206 с.;
4. Паозерский М. Ф. Русские святители перед судом истории. М. Гос. изд., 1923. 156 с.;
5. Горев М. В. Троицкая Лавра и Сергей Радонежский. Опыт историко-критического исследования. М.: Нарком юст., 1920. 51 с.
6. Белов А. В. Святые без нимбов. М.: Сов. Россия, 1983. 213 с.
7. Гордиенко Н. С. Православные святые: кто они? Киев: Политиздат, 1983. 292 с.
8. Адрианова-Перетц В. П. Сюжетное повествование в житийных памятниках XI-XIII вв. // Истоки русской беллетристики. Л.: Наука 1970. 96 с.
9. Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М.: Изд. АН СССР, 1961. 120 с.;

РАЗДЕЛ VIII. РЕЛИГИЯ

Сергеев О.А.

Православное пение на родном языке

*Марийский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории им. В.М. Васильева
(Россия, Йошкар-Ола)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-163

Аннотация

В статье рассматривается роль церковного богослужения и пения священных текстов в школах на родном языке в обращении инородцев в православную веру. Подчеркивается время проникновения этого вида искусства в марийские школы. Из-за того, что «*церковный напев инородцам трудно усваивается, пели под мотив черемисских песен*». В связи тем, что у большинства учителей и учащихся не достаточного музыкального образования пользовались также цифирными нотами.

Ключевые слова: земская школа, инородческие школы, марийский язык, просветительская система, священные тексты, учительская семинария, церковный напев.

Abstract

The article examines the role of church worship and the singing of sacred texts in schools in their native language in the conversion of foreigners to the Orthodox faith. The time of the penetration of this type of art into the Mari schools is emphasized. Due to the fact that "the church chant is difficult for foreigners to digest, they sang to the tune of Cheremis songs." Due to the fact that most teachers and students did not have sufficient musical education, digital notes were also used.

Keywords: zemstvo school, foreign schools, Mari language, educational system, sacred texts, teachers' seminary, church chant.

Распространение православия в Марийском крае связано с серединой XVI века. Однако оно, как и по всему Поволжью, нередко встречалось местными жителями с сопротивлением. XVIII век считается началом просветительской деятельности церкви в марийской земле. В 1707 году при казанском архиерейском доме была открыта первая школа для обучения детей нерусских народов Поволжья, в том числе мари. XIX – начало XX века стали временем расцвета просветительской деятельности Православной Церкви. Практически каждая церковь имела церковно-приходскую школу. Православие укреплялось, приносило свои плоды: все больше появлялось церковных приходов, священники занимались просвещением марийского народа [<https://mari-mitropolia.ru/media/publikation/?ID=15661>]. В этом немалая роль принадлежит также просветительской системе Н.И. Ильминского. С середины XIX века выходят просветители из среды мари, закончившие Казанскую духовную семинарию, академию, а со второй половины этого же столетия просветительскую деятельность вступают выпускники Казанской инородческой учительской семинарии. Они активно стали принимать участие в переводе конфессиональной литературы на родной язык. Переводы осуществлялись на трёх наречиях марийского языка: на луговое, горное и восточное. В каждой церковно-просветительской литературе для лёгкого понимания присутствовали элементы и других диалектов или говоров.

Обращение «инородцев» в другую веру шло не только посредством изучения религиозно-нравственных книг, но и через церковное богослужение, пение священных текстов на родном языке в миссионерских школах, в том числе и на марийском. Как

отмечал профессор П.В. Знаменский: «...в 1869 г. школа в первый раз услышала на своем родном языке уже полное церковное богослужение» [Знаменский 1892: 245]. А указ официального «разрешения совершения полноценного богослужения на языках нерусских народов Восточной России» относится только к 15 января 1883 г. Казанские и алтайские миссионеры, как отмечают исследователи, это также подчеркнуто П.В. Знаменским, стали широко внедрять в практику уже с конца 1860-х гг. [см.: Материалы по истории 2015: 18]. С начала 1870-х годов пение церковных текстов стало также постепенно проникать в марийские школы. Относительно этой темы представляет интерес обращение марийского просветителя Гавриила Яковлева члену Братства святителя Гурия И.А. Износкову. Отец Гавриил, например, в одном из своих писем подчеркивал: «по-черемисски (*черемис*, мн. ч. *черемисы* – дореволюционное название марийцев. – *О.С.*) только немного поем, потому, что на луговом черемисском языке нет еще молитв и церковных песней, утвержденных цензором. Если я буду петь по своему, в Сотнурах (ныне с. Сотнур Волжского района Республики Марий Эл. – *О.С.*) у отца благочинного по своему, в Шиншах (ныне с. Шиньша Моркинского района Республики Марий Эл. – *О.С.*) по своему, в Морках (пгт Морки Республики Марий Эл. – *О.С.*) еще по своему, и т. д., чрез такое разногласие может произойти большое расстройство» [Износков 1893: 21, также см.: Исхаков 2021: 117]. Содержание эпистолярного текста свидетельствует также о том, что Г.Я. Яковлевым упомянуто наличие множества говоров в луговом наречии марийского языка.

Пение на природном языке ещё больше потянуло народ в церковь. По замечанию А.Г. Кравецкого и А.А. Плетневой, «в результате местное население, прежде индифферентное к православию, стало активно посещать храмы и сознательно участвовать в церковной жизни» [Кравецкий, Плетнева 2001: 45]. Однако, в первую пору, как отметили сами марийские учителя и просветители, «церковный напев инородцам трудно усваивается». Местные учителя нашли выход и из этого положения. Они с удовольствием пели церковные песни «под мотив черемисских песен». Лично присутствующий в одной из миссионерских школ Вятской губернии питомец Казанской учительской семинарии Тимофей Семенов сообщал в письме своему учителю Н.И. Ильминскому об этом факте следующим образом: «Преосвященный Тихон, проездом на съезд Архипастырей в Казань, был в одной миссионерской школе, заведующим которой состоит о. Олюнин (отец Олюнин – Сернурский священник, бывший настоятель. – *О.С.*). Тут был и я... Встречая Преосвященного, учитель с учениками кое как немного протянул «Царю Небесный». На вопрос Преосвященного: «каким напевом это поете», о. Олюнин отвечал «так как *церковный напев инородцам трудно усваивается, то мы поем под мотив черемисских песен*» [ф. 968, оп. 1, д. 148, л. 108–108 об.]. Конечно, родной язык и напевы всегда были и остаются главным орудием обучения и воспитания подрастающего поколения. Пению на школьных занятиях, в церквях песен на родном языке с привлечением большого количества взрослого населения был предрасположен также выпускник Казанской учительской семинарии, учитель земской школы с. Старый Торъял Уржумского уезда Вятской губернии (ныне с. Старый Торъял Новоторъяльского района Республики Марий Эл. – *О.С.*) С. Громов. Своими впечатлениями с огромной радостью он поделился с директором учительской семинарии Н.И. Ильминским. Приведем отрывок из письма Сергея Громова: «...теперь же напишу Вам о том, какое впечатление произвели на здешних черемис некоторые разученные песнопения на их родном языке в моей школе, напр.: «Во царствии Твоем, Отче наш, Богородице, Деве, радуйся! Верую, Спаси Господи». Как только успели разучить первую молитву на черемисском языке, так на другой же день явилось 6 человек взрослых послушать пение на своем языке. Вероятно, ученики рассказали своим родителям, что *они поют молитву на черемисском языке. Эти взрослые черемисы слушали пение со вниманием. На лицах этих людей видна была какая-то радость, на глазах их наворачивались слезы*, тем более что, я при них объяснил ученикам каждое слово по-черемисски. Пение было настолько стройное, что черемисы, не

слыхавшие никогда пение мальчишек на своем родном языке, говорили вслух: *«Куче сайн мурат, ты мурыжо пеш чоным пушкудэмда»*, (лит.: *Кузе сайын мурат, ты мурыжо чоным пеш (путырак, чот) пушкыдемда* ‘Как хорошо поют, эта песня очень смягчает сердце’ или ‘Как хорошо поют, эта песня очень успокаивает душу’). После класса пения они еще остались от учеников; долго я с ними беседовал о вере, так как они сами начали об этом (один был русской веры, а остальные – черемисской веры). По картинкам я рассказывал им вкратце всю Священную историю – от сотворения мира и до Страшного суда; подробно рассказал о том, какое значение имело Ветхозаветное жертвоприношение и нужно ли в настоящее время приносить животных в жертву. Они всегда *довольно остались мною и поблагодарили меня*. С тех пор эти черемисы, а равно и другие, *стали ходить в училище больше и больше*. В настоящее же время не проходит без взрослых черемис почти ни одного класса пения. Недавно был такой случай: один черемис пришел слушать пение во время второго урока и *ждал целых три часа* класса пения. *Вышесказанные молитвы поем мы в училище и в церкви*. Как только запоем в церкви по-черемисски, то черемисы начинают ближе и ближе подвигаться к певчим, чтобы понять содержание молитвы. Из моего настоящего письма можете, Николай Иванович, заключить: какое впечатление привело на черемис пение молитв на их родном языке» [ф. 968, оп. 1, д. 101, л. 30–31 об.]. Письмо заканчивается эмоциональным выражением автора письма: *«Ваш питомец Сергей Громов»*. Оно было отправлено в Казань из с. Старый Торъял 9 февраля 1883 года. Избранный путь того времени учить детей на природном языке был единственно верным. Во многих школах были организованы детские хоры. Следует отметить, что в Казанской учительской семинарии «церковное пение» существовало наряду с основными дисциплинами как предмет обучения. К сожалению, у большинства учителей и учащихся не хватало музыкального образования. Учителя нашли выход из трудного положения – играть «цифирными нотами» (Это песни и мелодии, которые можно играть на музыкальных инструментах даже не зная нот. Для каждого произведения приводится схема исполнения по цифрам – достаточно простой формат записи, с помощью которого сыграть мелодию смогут даже те, кто почти не умеет играть на музыкальном инструменте, но очень хочет [<https://musicnotes.info/noty-izvestnykh-pesen-po-cifram-dlya-sintezatora-fortepiano>]). Такие данные сохранены в письмах мыслителей XIX столетия. Свидетельством этого является эпистолярный текст священника Гавриила Яковлева, отправленный в адрес профессора турецко-татарского языка Н.И. Ильминского. Письмо относится к концу 1870-х годов. В нем сообщается: «...не можете ли прислать мне цифрные ноты, гамы (последовательный ряд звуков, который понижается либо повышается в рамках одной или более октав [<https://muzachos.com/gammy-dlya-gitary/>]) играть на скрипке Семеону (имеется в виду ученик Г.Я. Яковлева Семен «Стефанов». – О.С.) [ф. 968, оп. 1, д. 168, л. 32]. Семен Степанов учил русский язык в Хижическом монастыре, его «черемисское имя – Пайгаш». Он под диктовку Гавриила Яковлева писал некоторые письма Н.И. Ильминскому, см., например, письмо от 27 ноября 1873 г. [ф. 968, оп. 1, д. 168, л. 32]. Далее отец Гавриил информировал Н.И. Ильминского: «Он (Семен Степанов. – О.С.) у меня играет порядочно, составляет маленький хор...» [Там же, л. 66]». Однако Гавриил Яковлев не ограничился только этой просьбой. Он попросил Н.И. Ильминского «заставить в праздники Алексея Петровича Ласточкина и Василия Захарова некоторыя нужнейшия славянския молитвы писать на цифрныя ноты из Всянощной Богослужении и из Литургии» [Там же, л. 66]. В. Захаров и А. Ласточкин – представители горных мари, оба закончили Казанскую инородческую учительскую семинарию [подробнее о них см.: Сергеев 2012: 82–88; 2016: 293–2907]. Отметим, до поступления в учительскую семинарию отдельные учащиеся проходили «испытание по пению». Касаясь этой темы, в письме своему учителю Н.И. Ильминскому иерей из с. Уньжи Царевококшайского уезда Казанской губернии (ныне с. Шорунжа Моркинского района Республики Марий Эл. – О.С.) Николай Смирнов отмечал: «В прошлый раз, 17 августа (1891 г. – О.С.), я возил в

Семинарию пятерых мальчиков – одного русского Петра Деведеника в приготовительный класс, куда он с Божией помощью, и поступил, а остальных четверых в школу. По приказыванию Николая Алексеевича я попросил г. Суворова произвести этим черемисиятам испытание по пению и Суворов испытал и отметил: Пётр Иванов 13 лет, умеет петь, Гавриил Степанов 12 лет, может петь, Ефим Петров 12 лет, может петь, Григорий Макаров 12 лет, слабее прочих. Из этих мальчиков, скажу чистой совести, особенно способны двое – Григорий и Ефим» [ф. 968, оп. 1, д. 148, л. 126]. Н.И. Суворов был учителем пения Казанской учительской семинарии. По замечанию Ю.Ю. Цыкиной, «...с 1902 г. преподаватель Казанской учительской семинарии Николай Иванович Суворов стал заниматься записями народных марийских песен, которые посылал в Финляндию, в Финно-угорское общество..., однако изданы эти песни в то время не были [Цыкина 2010: 149]. Пение, как пишет исследователь истории музыкального образования в Казанской губернии второй половины XVIII – начало XX вв. З.М. Явгильдина, было «важным и обязательным для всех воспитанников семинарии предметом, поэтому и прием их [учащихся. – О.С.] в семинарию допускается не иначе как по испытании голоса, слуха и знакомства с пением [Явгильдина 2012: 47].

Инспекторы разных уездов и губерний, учителя сельских школ и училищ делали многое, чтобы образование и воспитание детей было качественным, на должном уровне. У руля просвещения учащихся Поволжья, Прикамья, Урала и Сибири была выдающаяся личность XIX в., великий педагог, преподаватель по классу миссионерского мусульманского отделения при Казанской духовной академии, преподаватель турецко-татарского языка в Императорском Казанском университете Н.И. Ильминский [ф. 968, оп. 1, д. 202; Знаменский 1892: 205]. Его выводы (они состоят из шести основных пунктов и относятся к лету 1867 г. – О.С.) оказались правильными. Они были направлены на просвещение «инородцев». Во втором пункте, например, было отмечено: «Спорный вопрос, – употреблять ли при преподавании в инородческих школах *русский или родной язык*, – опытом школы положительно решается *в пользу родного языка*». И в настоящее время идея Н.И. Ильминского о пользе преподавания для маленьких детей на материнском языке не утратила свою силу. К замечательному высказыванию Н.И. Ильминского, что «*первоначальное образование инородцев на их родном языке есть самый надежный путь к усвоению ими и русского языка, и русского образования*», добавить больше нечего [Знаменский 1892: 204–205]. На вопрос: «Кто должен учить детей?», тонкий педагог и психолог Н.И. Ильминский в своем 4-м пункте отмечал: «Для инородческих школ лучшими учителями могут быть лица, единомышленные ученикам, как более им родственные и сочувственные» [Там же, с. 204–205]. Библиограф Н.И. Ильминского профессор П. Знаменский, изучив и обобщив педагогическую деятельность и образовательную систему великого педагога Н.И. Ильминского, в целом, положительно упомянул: «Относительно начальных школ было решено, что «*орудие первоначального обучения для каждого племени должно быть народное его наречие*», а учителя инородческих школ «*должны быть из соответствующего племени инородцев, но притом хорошо знающие русский язык, или же русские, владеющие соответственным инородческим наречием*» [Знаменский 1892: 221–222].

Так песнопение на родном языке инаковерующих, наряду с переводами православных книг на язык мирян стало одним из путей духовного и нравственного воспитания как младшего, так и взрослого населения Марийского края. Ничто так не возвышает и не окрыляет душу человека как пение на языке матери.

1. Знаменский, П. На память о Николае Ивановиче Ильминском. К двадцатипятилетию Братства святителя Гурия. Казань: Типогр. Н.А. Ильяшенко, 1892. 402 с.
2. Износков, И.А. Материалы для христианского просвещения инородцев Казанского края. 2-е изд. М.: Тип. А.И. Снегиревой, 1893. 36 с.
3. Исхаков, Р.Р. Православная переводная литература и формирование письменных традиций народов Среднего Поволжья (XIX – начала XX вв.): монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. 276 с., ил.

4. Кравецкий, А.Г., Плетнева, А.А. История церковнославянского языка в России (конец XIX – XX в.) / Отв. ред. А.М. Молдован. М.: Языки русской культуры, 2001. 400 с.
5. Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья в рукописных фондах Н.И. Ильминского. Сборник документов и материалов / Авторы-составители: Р.Р. Исаков, Х.З. Багаутдинова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Изд-во «ЯЗ», 2015. 620 с.
6. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 968, оп. 1, д. 101.
7. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 968, оп. 1, д. 148.
8. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 968, оп. 1, д. 168.
9. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 968, оп. 1, д. 202.
10. Сергеев, О.А. Василий Захаров – первый учитель марийского языка при Казанской учительской семинарии // Финно-угроведение. 2012. № 1. С. 82–88.
11. Сергеев, О.А. Неизвестные страницы из жизни горномарийских просветителей братьев Ивана и Алексея Ласточкиных // XV Игнатьевские чтения: Материалы докладов и выступлений на Международной научно-практической конференции «Горные марийцы в культурно-историческом ландшафте Урало-Поволжья» (Козьмодемьянск, 21–22 мая 2015 г.). Йошкар-Ола, 2016. С. 293–297.
12. Цыкина, Ю.Ю. Учебные заведения г. Казани и их роль в формировании кадров марийских музыкантов // Философия и история образования. 2010. № 3. С. 148–157.
13. Явгильдина, З.М. История музыкального образования в Казанской губернии (вторая половина XVIII – начало XX вв.). Казань: Издательство Казанского университета, 2012. 230 с.
14. <https://mari-mitropolia.ru/media/publikation/?ID=15661>
15. <https://musicnotes.info/noty-izvestnykh-pesen-po-cifram-dlya-sintezatora-fortepiano>: дата обращения 19.05.2022.
16. <https://muzachos.com/gammy-dlya-gitary/>: дата обращения 19.05.2022.

РАЗДЕЛ IX. ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ардисламова А.Р.

Интерактивное обучение английскому языку

Уфимский университет науки и технологий
(Россия, Уфа)

doi: 10.18411/trnio-11-2024-164

Аннотация

Обучение английскому языку в настоящее время становится востребованным, ведь это открывает возможности для всестороннего развития и разработке интерактивных методик обучения. В этой статье более подробно рассматривается практическое обучение английскому языку и исследуется, как оно способствует успеху в профессиональной деятельности. Целью статьи является анализ использования автоматизированных методов образования. Для достижения этой цели были использованы следующие методы: рассмотрение терминов, отсылка к известной платформе, анализ платформы.

Ключевые слова: интерактивное обучение, материал, практика, эффективность.

Abstract

English language teaching is currently becoming in demand, because it opens up opportunities for comprehensive development and the development of interactive teaching methods. This article takes a closer look at practical English language teaching and explores how it contributes to success in professional activities. The purpose of the article is to analyze the use of automated methods of education. To achieve this goal, the following methods were used: consideration of terms, reference to a well-known platform, analysis of the platform.

Keywords: interactive learning, material, practice, effectiveness.

В мире образования активно развиваются технологии, направленные на совершенствование образования [2, 153]. «Проблема повышения качества образования преодолевается путем разработки и внедрения новых подходов и методов в преподавании, направленных на достижение высокой коммуникативной компетентности обучающихся. При обучении иностранному языку на первый план выходит развитие у студента способности к применению знаний, умений и навыков для решения поставленных профессиональных задач» [6, 375]. Интерактивное обучение, в частности, является одним из таких направлений, поскольку позволяет учащимся активно взаимодействовать с учебными материалами, приобретая навыки не только восприятия информации, но и применения ее в практических ситуациях.

Интерактивное обучение - это метод, который активно вовлекает учащихся в учебный процесс. Он позволяет им не только пассивно получать информацию, но и участвовать в диалогах, дискуссиях и других формах взаимодействия. Этот подход направлен на развитие критического мышления, аналитических навыков и коммуникативных способностей [4, 17].

Цель использования интерактивных методов - погрузить студентов в среду, имитирующую реальные сценарии, создавая оптимальную среду для развития навыков и качеств, необходимых будущим профессионалам [5, 126]. Особое внимание при этом уделяется преподаванию с использованием информационных технологий, применению которых успешно обучают современных преподавателей [1, 68].

В современном мире существует множество интерактивных приложений, помогающих людям изучать английский язык. Одним из популярных и эффективных

ресурсов является веб-сайт Duolingo.ru. Эта платформа предлагает множество интерактивных методов и инструментов, помогающих пользователям овладеть языком.

Duolingo.ru разработан на основе принципа геймификации, поощряющего пользователей к активному участию в процессе обучения. Каждый урок или занятие направлены на то, чтобы поддерживать вовлеченность и мотивацию пользователей.

Эффективность Duolingo.ru была подтверждена исследованиями, которые показывают значительное улучшение навыков владения английским языком у пользователей. Такие интерактивные приложения, представляют собой инновационный подход к преподаванию английского языка, сочетающий современные технологии и методы преподавания. Они делают процесс обучения более приятным и эффективным, помогая пользователям достигать своих языковых целей.

По ходу исследования сайта определились следующие алгоритмы учебы: учащийся отвечает на поставленный в упражнении вопрос, нажимает «далее», если ответ правильный, то система предлагает перейти к следующему вопросу, если нет - внизу экрана высвечивается правильный ответ, и можно переходить к следующему шагу. По окончании урока предлагается закрепить материал и пройти проверочный тест на 10 вопросов. Даются ответы на 10 вопросов, после их выполнения присваивают статус в зависимости от успехов.

Основными преимуществами Duolingo.ru являются:

1. Геймификация обучения: платформа использует принципы геймификации, чтобы сделать процесс обучения более увлекательным и мотивирующим. Пользователи получают вознаграждение за выполнение заданий и уровней, а также за соревнования с друзьями. Это поощряет активное участие и делает обучение более увлекательным.
2. Индивидуальный подход: Duolingo предлагает индивидуальные уроки и задания, адаптированные к уровню и потребностям каждого пользователя. Это позволяет пользователям эффективно развивать свои навыки владения английским языком и достигать поставленных целей.
3. Доступность и удобство: приложение доступно на всех известных устройствах (компьютерах, планшетах, смартфонах), поэтому пользователи могут заниматься в любое время и в любом месте. Они могут выбирать уроки в соответствии со своим расписанием и целями обучения.
4. Стоимость обучения: использование сайта бесплатно для всех желающих изучать иностранные языки.
5. Универсальность: обучаемые имеют возможность изучать несколько языков одновременно, используя все ресурсы, доступные на платформе. По сравнению с другими платформами для изучения английского языка, Duolingo.ru выделяется своей эффективностью, интерактивностью и доступностью. Благодаря сочетанию игровых элементов, персонализированному подходу и простоте использования, сайт становится незаменимым инструментом для самостоятельного изучения английского языка.

В связи с проведенным исследованием выяснилось, что в настоящее время на одной из известных платформ интерактивного обучения около 50 млн активных пользователей, которые выполняют около 1 млрд упражнений в день. Новейшие методики образования оправдывают такое количество зарегистрированных людей по всему миру, так как сейчас используется искусственный интеллект, с целью отслеживания результатов учащихся и совершенствования предлагаемых упражнений. Однако, изначально это вводилось исключительно для решения возникающих проблем, таких как: слишком частое появление повторов в заданиях и общие ошибки в работе сайтов.

Хотя интерактивное обучение английскому языку имеет множество преимуществ, есть и некоторые минусы, которые стоит учитывать:

1. Ограниченность взаимодействия: в отличие от традиционных уроков с учителем, интерактивное обучение может быть менее интерактивным, поскольку отсутствует прямое общение с живым человеком. Это может затруднить понимание сложных концепций и требует большей самостоятельности со стороны учащегося.
2. Ограниченность в коррекции ошибок: в некоторых случаях интерактивные платформы могут не обнаруживать и корректировать все ошибки, допущенные учеником. Это может привести к формированию неправильных навыков и привычек в использовании английского языка.
3. Отсутствие индивидуального подхода: хотя многие платформы предлагают персонализированные уроки и рекомендации, они все же не могут полностью заменить индивидуальное обучение с опытным преподавателем. Некоторым учащимся может не хватать индивидуального подхода и поддержки. Недостаточное количество времени, выделяемое на развитие навыка говорения и психологические и эмоциональные состояния учащихся [3, 147].
4. Ограниченность в развитии навыков общения: интерактивное обучение фокусируется в основном на письменном и аудиальном понимании языка, что может ограничить развитие устной речи и навыков общения в реальных ситуациях. Хотя существуют такие платформы, где у учащихся есть возможность работать и с говорением.
5. Зависимость от технологий: использование интерактивных платформ требует наличия доступа к интернету, компьютеру или мобильному устройству. Это может создавать проблемы для тех, кто не имеет постоянного доступа к технологиям или испытывает трудности с их использованием.

В заключение следует отметить, что интерактивное обучение английскому языку представляет собой эффективный и доступный способ улучшить знание языка. Оно предлагает широкий выбор образовательных платформ, игр и приложений, которые помогают учащимся развивать навыки чтения, письма, аудирования и говорения. Несмотря на некоторые минусы, такие как ограниченность взаимодействия и коррекции ошибок, интерактивное обучение все же может быть эффективным дополнением к традиционным методам обучения. Важно подходить к использованию интерактивных платформ с умом, комбинируя их с другими методами обучения, чтобы достичь наилучших результатов в освоении английского языка.

1. Варуха И.В., Давлетбаева А.Ф. Информационные технологии на филологических специальностях // Рецензируемый научный журнал «Тенденции развития науки и образования». Апрель 2022 г. № 84, Часть 4 Изд. НИЦ «ЛЖурнал», 2022. – С. 68-70. DOI: 10.18411/trnio-04-2022-158.
2. Варуха И.В., Шамсутдинова Ю.Х. Преподавание говорения на английском языке в онлайн формате // Языковые единицы в свете современных научных парадигм: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Уфа, 16 декабря 2022 г.) /отв. редактор Р.А.Газизов. – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. – С.153-158. DOI: 10.33184/yevsnp7-2022-12-16.22.
3. Васильева В.Э. Развитие и совершенствование навыков говорения в процессе обучения английскому языку: теоретический аспект // Мир науки и образования. 2022, с.147-149.
4. Григальчик Е.К., Губаревич Д. И. Обучаем иначе. Стратегия активного обучения, 2003. С.17.
5. Никишина И.В. Использование интерактивных форм и методов обучения как приоритетное направление технологизации образования, 2001. с. 126.
6. Уразметова А. В. Определение эффективности обучения интонированию на английском языке в вузе // Перспективы науки и образования. 2023. № 5 (65). С. 373-384. doi: 10.32744/pse.2023.5.22

Ачох Б.Д.

Одинокий «герой» в фольклоре северокавказских народов

Адыгейский государственный университет
(Россия, Майкоп)

doi: 10.18411/trnio-11-2024-165

Аннотация

В героических сказаниях, песнях и их фантастических эпизодах исполнитель — это носитель фольклорной традиции. Как солнце в одиночестве владычествует на небесах, таким же одиноким является взору горский всадник. В героическом эпосе слова «всадник» и «герой» практически являются синонимами. В фольклорных сюжетах данный персонаж никогда не обладает преувеличенным внешним видом и представляется весьма ординарным человеком, несмотря на это он располагает, наряду с хитростью и ловкостью, исключительной физической мощью и даже некоторой отчаянностью. Перед смертью одинокий «герой» принимает вызов судьбы и до конца борется с ней; встречает смерть с новой песней, сложенной им в предсмертный час.

Ключевые слова: одинокий «герой», носитель фольклорной традиции, горский всадник, вызов судьбы, фольклор северокавказских народов, всемогущее зло, героическая удаля, физическая мощь, собирательный образ молодого воина, вызов судьбы.

Abstract

In heroic tales, songs and their fantastic episodes, the performer is a bearer of the folklore tradition. As a soloist alone in heaven, he is just as lonely to the eye the mountain horseman, In the heroic epic, the words «horseman» and «hero» are practically synonymous. In folklore plots, this character never has an exaggerated appearance and appears to be a very ordinary person, despite this, he has, along with cunning and dexterity, exceptional physical strength and even some desperation, before death, a lonely «hero» accepts the challenge of fate and fights it to the end; meets death with a song composed by him in his dying hour.

Keywords: a lonely «hero», a guardian of folklore tradition, a mountain horseman, a challenge of fate, folklore of the North Caucasian peoples, omnipotent evil, heroic prowess, physical strength, a collective image of a young warrior, a challenge of fate.

Центральный персонаж в фольклоре северокавказских народов – абрек, который предстает перед мысленным взором слушателя в разнообразной национальной трактовке. Характерные признаки вскрываются практически у каждой народности: чеченцев или аварцев, адыгов или осетин. Но однообразные жизненные обстоятельства породили соответствующие фигуры героев, которые по своим первостепенным качествам и склонностям типологически близки друг другу. В этом также сыграло роль то обстоятельство, что персонажи отчаянной храбрости - абреки - были неплохо известны и порой даже знамениты (как, например, Зелимхан Харачоевский в среде дагестанцев) в инонациональной среде.

Как солнце в одиночестве владычествует на небесах, таким же одиноким является взору горский всадник. В героическом эпосе слова «всадник» и «герой» практически являются синонимами. Герой постоянно противоборствует всемогущему злу в одиночестве. В эпосе стабильным эпитетом богатыря делается слово «одинокий». В той же, одиноко-героической тональности, в нартском эпосе представляется эпизод, в котором главный герой в одиночку расправляется с целым вражеским полчищем. Причем максимальную известность настоящий мотив получает, собственно, в позднем эпосе. Как отмечается в литературе, требуется специальное истолкование подобной популярности мотива именно в историко-героическом эпосе, где, казалось бы, логичнее предполагать про-движение системы представлений от фантастического к действительному. Вообще, в сказании много мифосказочных элементов, они спокойно и свободно используются в

сюжете, но в очень осторожном и специфическом виде: они не нарушают общеэпические признаки сказания, особенно его своеобразный реализм. «Ни сознательная гиперболизация, — пишет А.М. Готов, — ни приписываемый сказителям художественный прием воплощения мощи коллектива в лице одного героя не могут дать удовлетворительного объяснения данному явлению» (2, 46).

Однако порой традиционный фольклорный гиперболизм и несколько избыточная фантастичность обретают и успешно реализуют некоторые новые поэтические функции, служащие для романтического и метафорического выражения смятенных дум и философских мыслей ведущего повествование персонажа - чаще всего самого автора или его современника, обычно размышляющего о прожитом. Имеет место тенденция к последовательному, обдуманному, совершенно реальному воплощению задуманного, хотя само задуманное и совершаемое может обладать сказочными элементами. Причем поэтика стихов, комплект метафор, сравнений и эпитетов - весь арсенал изобразительно-выразительных средств заимствован из традиционной горской песенной лирики. Система параллелизмов и метафор подчеркивает ассоциации: величавость гор и степенность, мудрость их обитателей, седины гор и отцов.

В героических сказаниях, песнях и их фантастических эпизодах исполнитель — это носитель фольклорной традиции, и его слушатели, восприятие которых вырабатывается в духе этих традиций, не воспринимают сцену битвы одного героя с целым вражеским войском как нечто фантастическое. Они расположены верить в возможность подобного факта, и поэтому здесь можно говорить исключительно о неосознанно-художественном преувеличении, но никак не о сознательной гиперболизации.

Специфично, что во многих сказаниях, где эпизод битвы героя-одиночки с войском врагов изображен, сказители стремятся так преподнести его, чтобы у слушателя не осталось сомнений в истинности повествования. Так, например, в сказаниях более поздних циклов популярен следующий прием: герой делает вид, что он убегает, войско, пустившееся в погоню за ним, растягивается в длинную цепочку, и герой, развернувшись, перебивает вражеских воинов поодиночке.

Несмотря на то, что в фольклорных сюжетах данный персонаж никогда не обладает преувеличенным внешним видом и представляется весьма ординарным человеком, несмотря на это он располагает, наряду с хитростью и ловкостью, исключительной физической мощью и даже некоторой отчаянностью. Так, собирательный образ молодого воина - народный герой в поэме Расула Гамзатова «В горах мое сердце» - снова благородный разбойник Хочбар - накануне смерти безрассуден и решителен:

*Вижу пламя на площади старой хунзахской,
Ждет Хочбара костер. Но, над смертью самой
Насмехаясь, бросается в дикую пляску,
Лихо крутит усы гидатлинский герой. (1, 323)*

Также этот образ и этот мотив предсмертной песни, предсмертного танца ещё более подробно и детализировано, живо и экспрессивно изображены Расулом Гамзатовым в его поэме «Сказание о Хочбаре, уздене из аула Гидатль, о кази-кумухском хане, о хунзахском Нуцале и его дочери Саадат». Здесь главный герой Хочбар накануне смерти умоляет собравшихся на его казнь жителей позволить ему последний раз спеть, последний раз станцевать:

*Хочу из пляски прыгнуть в пламя,
Когда не трус, позволь сплясать. (1, 410)*

Закономерным представляется немедленное проведение параллели в контексте данного мотива с произведениями народного фольклора. Аналогичный эпизод песенной пляски перед лицом смерти явно присущ некоторым горским преданиям, в частности в рассказе-предании «Наезд Кунчука» адыгский писатель-просветитель Хан-Гирей

художественно передает содержание народного предания о наездничестве. Героическая удадь вошедших в легенду черкесов-наездников проявилась в самых трагических условиях, при столкновении с гибелью в морозных и заснеженных степях. Возвращаясь с богатой добычей, они оказываются застигнутыми сильными морозами в степи, подвергаются жестоким мукам и почти все гибнут. Но перед смертью черкесы принимают вызов судьбы и до конца борются с ней; встречают смерть, спешившись, взявшись за руки и образовав круг. Они начали танцевать и петь новую, сложенную ими в предсмертный час песню.

Вообще, следует отметить, что кругу в эпико-мифологическом мышлении горцев принадлежит особая роль. Традиционно, в какой бы то ни было мифологии, круг является олицетворением вечности. Поэтому в таком надбытовом явлении, как предсмертный танец, спешившиеся всадники выстраиваются в единый, цельный и неразделимый круг, а он, во что бы то ни стало, объединяет их перед лицом судьбы и смерти, фактически придавая им бессмертие.

1. Гамзатов Р. Собрание сочинений: В 5 т. - М.: Худож. лит., 1980.
2. Гутов А.М. Поэтика и типология адыгского нартского эпоса. - М.: Наука, 1993.

Ачох Б.Д.

Особенности эпического повествования применительно к горскому фольклору

*Адыгейский государственный университет
(Россия, Майкоп)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-166

Аннотация

Эпическая поэзия, которая становится начальным этапом развития художественного мышления народа, редко повествует о жизни одного человека, его внутреннем мире. Горский фольклор — неиссякаемый клад для поэзии. Из нее писатели Северного Кавказа берут и мысли, и образы, и слова для своих эпических произведений. Обращение к традиционной фольклорной тематике, эпическому повествованию становится характерной чертой творчества поэтов Северного Кавказа.

Ключевые слова: эпическое повествование, художественного мышления народа, горский фольклор, традиционная фольклорная тематика, форма эпического повествования, система поэтики адыгского нартского эпоса, национальные литературы, клад для фольклора, устная народная песня, народно-поэтическое творчество.

Abstract

Epic poetry, which becomes the initial stage in the development of the artistic thinking of the people, rarely tells about the life of one person, his inner world. Mountain folklore is an inexhaustible storehouse for poetry. Writers of the North Caucasus take thoughts, images, and words from it for their epic works. The appeal to traditional folklore themes and epic narrative is becoming a characteristic feature of the work of poets of the North Caucasus.

Keywords: epic narrative, artistic thinking of the people, mountain folklore, traditional folklore themes, the form of epic narrative, the system of poetics of the Adyghe Nart epic, national literatures, a storehouse of folklore, oral folk song, folk poetry.

Наиболее распространенная форма эпического повествования — это рассказ от третьего лица. Здесь перед автором раскрывается широкая перспектива открытого обозначения своей позиции, прямого выражения собственных мыслей и оценок изображаемого. Вместе с тем повествующий вполне может выступить в произведении как некое «я», отличающееся от автора. Таких персонифицированных повествователей,

высказывающихся от собственного, «первого» лица, можно, естественно, называть рассказчиками. Рассказчик нередко является одновременно и персонажем произведения (Максим Максимыч в повести «Бэла» из «Героя нашего времени» М.Ю. Лермонтова, Гринев в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина, Иван Васильевич в рассказе Л.Н. Толстого «После бала», Аркадий Долгорукий в «Подростке» Ф.М. Достоевского).

Порой фактами своей жизни и умонастроениями многие из рассказчиков-персонажей близки (хотя и не тождественны) писателям. Это явление имеет место в автобиографических произведениях (ранняя трилогия Л.Н. Толстого, «Лето Господне» и «Богомолье» И.С. Шмелева). Но чаще судьба, жизненные позиции, переживания героя, ставшего рассказчиком, очень во многом отличаются от того, что на самом деле присуще автору («Робинзон Крузо» Д. Дефо, «Моя жизнь» А.П. Чехова). При этом в ряде произведений (эпистолярная, мемуарная, сказовая формы) повествующие высказываются в манере, которая не тождественна авторской и порой расходится с ней весьма резко. Способы повествования, используемые в эпических произведениях порой весьма разнообразны.

Если же обращаться к этой форме изложения применительно к горскому фольклору, то можно отметить, что, например, в системе поэтики адыгского нартского эпоса певец-сказитель является объективным повествователем, ведущим сюжет от третьего лица. Случаи, когда исполнитель нартского пшинатля говорит от своего лица, здесь исключительно редки. Индивидуальное искусство певца становится конкретной формой выражения коллективного сознания эпоса. По этому поводу К. Шаззо пишет следующее: «Эпическая поэзия, которая становится начальным этапом развития художественного мышления народа, редко повествует о жизни одного человека, его внутреннем мире. Это накладывает существенный отпечаток на зарождение письменных традиций в молодой литературе, в которой в продолжение довольно большого отрезка времени не проявляются принципы глубинного раскрытия человеческой психологии» (4, 53). Или его же: «Специфика фольклора как общедоступной формы художественного познания соответствовала особенностям зарождающейся литературы» (4, 54).

Исследуя происходившую под влиянием фольклора эволюцию художественного сознания определенной группы северокавказских народов — адыгов, - Ю.М. Тхагазитов пишет: «В плане взаимодействия ориентации молодых литератур на мифологическое (род) или мифоэпическое (народ) сознание важен синтез этих ориентации как между собой, так и с современным художественным сознанием. Этот синтез необходим для более глубокого художественного воплощения эпически целостной картины мира и бытия, в полной мере, пока удающейся только отдельным представителям молодых литератур на уровне молодой литературы, скажем, Чингизу Айтматову» (3, 189).

Исторически национальные литературы двигались от фольклора к роману, «от поэзии на фольклорной основе к реалистической прозе», к постепенному выходу за пределы фольклора, «при сохранении связи с ним, как с основой литературы» (5, 19). В данном контексте приведем и мысль, высказанную в одной из недавно вышедших работ Ч. Юсуповой: «Ориентация на фольклор связана с обострившимся интересом советской литературы и искусства к традициям прошлого, с желанием постичь «начало начал», потребностью в «эмоциональном» контакте с прошлым, которую испытывают буквально все ведущие художники страны» (5, 147).

По поводу такого синтетического и обогащающего влияния фольклора на творчество одного из адыгских писателей - Исхака Машбаша - профессор Казбек Шаззо размышляет: «Все созданное народом — неиссякаемый клад для поэзии. Из нее Машбаш берет и мысли, и образы, и слова для своих произведений». Но все, сказанное исследователем об адыгском поэте и писателе И. Машбаше можно уверенно отнести к творчеству многих северокавказских авторов, в поэмах которых имеют место те же, почерпнутые из кладя фольклора, мысленные, образные и словесные сокровища. Исследователь теории и истории лирических жанров в русской литературе В.Д.

Сквозников в данном контексте замечает: «...история поэзии показывает, что подлинную жизнеспособность обнаруживает не то новаторство, которое прежде всего отрывается от традиционной тематики и образности, которое хочет во что бы то ни стало взорвать ее во имя свободного излияния нового содержания, а то, которое, движимое мыслями своей современности, находит новые возможности в самой исторически сложившейся поэтической культуре, которое развивает ее, заново и по-настоящему смело пересоздает старые-престарые мотивы и образы, не боясь прослыть за это консервативным». (2, 8)

Гораздо более решительно высказывается на этот счет дагестанский исследователь Г. Гамзатов в своей статье «Перестройка и национальное сознание»: «До самого последнего времени народам Дагестана было отказано в положительном духовном опыте прошлого. Не перевелись еще представления о народностях Дагестана то, как о бесписьменных в прошлом, то, как о младописьменных, а то и новописьменных. Хотя неведомо, для чего понадобилось игнорировать, казалось бы, такие столь очевидные историко-культурные реалии, как традиции национального письма горцев, идущие еще от XV - XVI веков, и внушительный перечень памятников национальной словесности дагестанцев, восходящий к XVII, XVIII, XIX векам» (1, 98).

Таким образом в северокавказской поэзии всегда было ощутимо воздействие сюжетно-фабульной поэтики устного народного слова. Это воздействие проявляется в принципах лирической композиции, которая заключалась в последовательном отображении вдруг обеспокоившей автора социальной проблематики. Как и в устной народной песне безымянные авторы пытались зафиксировать подвиги легендарных национальных героев, так и в письменной, реставрировавшей законы прошлого, воссоздаются узловые признаки времени.

Здесь следует отметить, что Ч. Юсупова в своей работе пытается провести некоторую градацию путей обращения дагестанских авторов к фольклору «литературная интерпретация народных памятников развивается при всем многообразии в основном в двух направлениях. В первом - поэтический замысел не связан с кардинальным переосмыслением канонического текста и направлен в целом на сохранение его идей, стилистических и языковых особенностей; во втором — автор дает свободную импровизацию классического мотива, индивидуальную трактовку традиционных сюжетов. В дагестанской поэзии представлены оба пути обращения к народно-поэтическому творчеству, обусловившие возникновение двух типов фольклорных поэм - стилизационной и творчески-индивидуальной» (5, 147). Наиболее характерной для первой группы Ч. Юсупова считает поэму лакского поэта Хаппалаева «Песня о герое Муртазали» (1947), представляющую литературный вариант одноименной лакской эпической песни о борьбе дагестанцев с иранским завоевателем Надир-шахом и литературное переложение З. Гаджиева аварской эпической песни о знаменитом Хочбаре.

Обращение к традиционной фольклорной тематике становится характерной чертой творчества поэтов Северного Кавказа. Мотив преемственности нравственно-эстетических традиций приобретает в поэме философскую насыщенность, являясь свидетельством исторической глубины осмысления действительности.

1. Гамзатов Г. Преодоление. Становление. Обновление: На путях формирования дагест. сов. лит. - Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1986.
2. Сквозников В.Д. Реализм лирической поэзии. Становление реализма в русской лирике. — М.: Наука, 1975.
3. Тхагазитов Ю.М. Эволюция художественного сознания адыгов. - Нальчик: Эльбрус, 1996.
4. Шаззо К. Художественный конфликт и эволюция жанров в адыгских литературах. - Тбилиси: Мецниереба, 1978.
5. Юсупова Ч.С. Коранические мотивы в дагестанской литературе XIX века на материале аварской поэзии // Научная мысль Кавказа. - 2000.

**Ганеева Р.М., Исянгулова Г.А.
О зоонимах башкирского языка**

*Уфимский университет науки и технологий
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-167

Аннотация

Башкирская зоономия является основным источником знаний о фауне региона и отражает отношение народа к животным, а также их важность в повседневной жизни. В фольклорных текстах зоонимы выступают как один из репрезентантов языковой картины мира и вбирают в себя информацию о национально-культурных и исторических традициях башкирского народа.

Ключевые слова: башкирская зоономия, описательное наименование, фольклор, мифы.

Abstract

Bashkir zoonomy is the main source of knowledge about the fauna of the region and reflects the attitude of the people towards animals, as well as their importance in everyday life. In folklore texts, zoonyms act as one of the representatives of the linguistic picture of the world and absorb information about the national cultural and historical traditions of the Bashkir people.

Keywords: Bashkir zoonymy, descriptive name, folklore, myths.

Зоономия – это междисциплинарная область знаний, охватывающая изучение названий и классификацию животных в различных языках и культурах. Это направление сочетает в себе элементы биологии, лингвистики, этнографии и экологии, позволяя глубже понять взаимоотношения людей с животным миром. Зоономия основана на наблюдении за природой, её законопорядками и культурными особенностями народа, что делает её важной темой для исследования.

Башкирская зоономия – это раздел этнолингвистики, изучающий названия, классификацию и восприятие животных в башкирском языке и культуре. Она является основным источником знаний о фауне региона и отражает отношение народа к животным, а также их важность в повседневной жизни. Номинация животных в рамках башкирской культуры происходит через призму культурных традиций, фольклора и исторического опыта, что позволяет глубже понять особенности менталитета башкир.

Зоономия занимается несколькими ключевыми задачами:

1. Изучение названий животных: зоономия исследует, как и почему определённые животные получили свои названия, а также какие социокультурные и исторические обстоятельства повлияли на их номинацию.
2. Классификация животных: на основе языковых данных зоономия классифицирует животных, учитывая их биологические особенности и экологические адаптации.
3. Взаимосвязь языка и культуры: исследование показывает, как язык отражает культурные традиции и представления о мире, включая увеличение важности определённых животных в различных культурах.

Основой башкирской зоономии служит систематическое наблюдение. Башкиры традиционно были тесно связаны с природой, поэтому их знания о животных формировались на основе многовекового опыта. Это включает в себя:

- изучение поведения животных в их естественной среде обитания;
- наблюдение за сезонной миграцией и размножением;
- изучение социальных структур и взаимодействия различных видов. Например, рекомендации по охоте или выпасу скота часто основывались

именно на наблюдениях, что позволяло предсказывать поведение животных.

Культуры и мифология играют значительную роль в классификации и номинации животных. Например, в башкирском фольклоре определённые животные, такие как волк или медведь, могут быть представлены как символы силы или хитрости. В таких случаях названия могут нести дополнительный культурный смысл:

- Специфика наименования: животные могут называться не только по их биологическим характеристикам, но и по их роли в мифах, легендах и сказках.
- Применение в ритуалах: некоторые животные имеют своё значение в обрядовой практике и часто упоминаются в контексте благоприятных или неблагоприятных знаков. Например, буре «волк». Мифологизированность волка отражается в различных обрядах, магических действиях, направленных на защиту человека, особенно детей, от нечистой силы и болезней. Например, для защиты от нечистой силы и духов болезней к детской колыбели подвешивали когти, клыки, клочок шерсти волка, а когда ребенок подрастал, все эти предметы пришивали на одежду. Эти же предметы охотники носили с собой в качестве амулета для успешной охоты.

Содержание универсальных концептов-зоонимов обусловлено географическими и климатическими условиями проживания народа. В башкирском фольклоре, например, в сказках о животных, функционируют одни и те же персонажи – медведь, волк, лиса, заяц, журавль, петух, коза, лев, барс, осел и др. Персонажи-животные в основном именуются по внешним характеристикам (окраска, части тела), в этих случаях слово с предметным значением выступает в функции дополнительного компонента, а роль основного назывного элемента отводится слову с семантикой качества предмета. Например, ак буре – белый волк, Ала карға – ворон, күк буре – серый волк, күк һыйыр – сивая корова, Һоросай – серый кот, Карасай – черный кот, кара көсөк – черный щенок, Көлтәкойрок (дословно: пышный хвост) – лиса и т.д. Также используются и аналитические формы, которые передают обобщенные названия: һыйыр-фәлән (коровы), мал-тыуар (скот), кош-корт (домашние птицы), кейек-януар (звери).

Региональные особенности, такие как климат, ландшафт и биоразнообразие, обуславливают наличие тех или иных видов. Башкирия, располагаясь на стыке леса и степи, представляют богатое разнообразие фауны. Животные, обитающие в лесах, отличны от степных, что находит отражение в их названиях и характеристиках. Примеры: ‘һабан турғайы (жаворонок), ‘һыу тузбаш йыланы’ (водяной уж), ‘кыр каззары’ (дикие гуси), ‘дала бөркөтө’ (степной орёл). Примеры: Йәйгәндә канаттары 2 метрға еткән бик зур йырткыс кош – дала бөркөтө – тәбиғәттең ысын бизәге. Кыр каззары кеүек тезелешеп, һыу буйына төштөк, унда ике көмә тора ине.

Башкирский язык активно использует описательные наименования, которые могут включать следующие аспекты:

1. Цвет. Название может указывать на цвет животного. Например, ‘кара сыпсык’ (черный воробей) или ‘ак болан’ (белый олень), ‘тур(ы) ат’ (гнедая лошадь), ‘ерән төлкө’ (рыжая лиса), ‘Карасай’ – черный кот. В народных песнях часто фигурируют ‘кара ат’ (черная лошадь), ‘һары ат’ (золотистая (рыжая) лошадь), ‘тур(ы) ат’ (гнедая лошадь):

*Ынтыл ғына ынтыл, әй, кара атым,
Елбер генә елбер ял өсөн («Кара ат»).*
*Һары юргаларзы, шул, юргалатып,
Йөрөгән сактар, әй, Уралды буйлатып («Урал»).*
*Бейеккәй зә таузың да, әй, башында
Кир тур аткайзарзың да төйәге («Туганкайым»).*

2. Размер. Название может отражать габариты, например, ‘зур бүре’ (большой волк), ‘вак балык’ (мелкая рыба). Примеры: Хатта мылтык атмайынса, зур айыу алдык. Күрәһең, бары тик вак балык көтөүзәре генә бында диңгез тулкынынан һәм йырткыстарзан йәшенә.
3. Поведение. Животные могут называться в зависимости от их привычек или особенностей поведения, как, например, ‘йомшак айыу’, (‘мягкий медведь’ о наивном, незаметном медведе), ‘куркак куян’ (трусливый заяц), ‘хэйләкәр төлкө’ (хитрая лиса). Примеры: «Эй тилекәй, куркак куян!» – тип Емеш тағы үзенән көлөп алды. Ундай хэйләкәр төлкө менән уяу булырға кәрәк.

Употребление тех лексем, которые прямо или косвенно связаны с животными, непосредственно обусловлено практическим использованием этих животных в домашнем хозяйстве, где человек имеет возможность постоянно находиться рядом с ними и наблюдать за их повадками, характером и внешним обликом. Такие наблюдения формируют определённые ассоциации и представления о животных, которые затем отражаются в языке и культуре. Ассоциативные связи между людьми и животными становятся особенно заметными в башкирских пословицах и поговорках, в которых ярко проявляются культурные традиции и опыт народной мудрости. Эти фразы демонстрируют, как тесно переплетены жизнь человека и животного мира, а также как опыт взаимодействия с животными находит своё выражение в языке и фольклоре. Например: Мал эйәһенә окшай «Скот похож на своего хозяина». Эт этен таба «Собака собаку (себе подобного) везде найдёт».

В башкирском языке мир животных может иметь и положительную и отрицательную коннотацию. Большинство прозвищ обладают негативной коннотацией, тогда как лишь малое количество имеют позитивное значение. Присутствие прозвищ с негативными характеристиками может быть объяснено тем фактом, что в ряде культур принято называть людей в соответствии с их плохими чертами. В сознании многих народов животные обычно ассоциируются с опасностью и неопределённостью. Люди, как правило, склонны смотреть на наших меньших братьев свысока, считая их принадлежащими к более низкой ступени эволюционного развития. Следует отметить, что в некоторых случаях эта мотивация действительно может способствовать исправлению поведения прозываемого. Примеры отрицательной коннотации: тауыкбаш (мозг, как у курицы), бызау (медленно мыслит), этәс (вспыльчивый), төлкө (хитрый), суска (толстый), ата каз (маленькие глаза), айыу (здоровый), сыскан (небольшого роста), бүре, козғон, суска (много ест), һайысқан (любит много ходить в гости и лакомиться), ташбака (медленный), бохар бесәйе (ленивый), кәзә (упертый). Примеры положительной коннотации: куян (осторожный) (в то же время может иметь отрицательную коннотацию в значении трусливый), сиңерткә, кенгуру (в соревнованиях по прыжку занимает первое место), кырмысқа (трудолюбивый).

Башкирская зоономия представляет собой многогранную область знания, в которой переплетаются биология, этнография и культурные традиции. Изучение способов номинации животных в башкирском языке позволяет глубже понять менталитет и восприятие окружающего мира башкирского народа. Взаимосвязь языка и культуры через призму зоономии открывает новые грани для исследования, а также помогает сохранить богатое культурное наследие и природные знания, предлагая современному обществу ценную информацию о традициях и взаимосвязи с природой.

1. Амиргалина Г. А. Башкирские прозвища, образованные от зоонимов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – Т. 20. – С. 3911–3915.
2. Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М.: АН СССР, 1961. – С. 82-172.
3. Хисамитдинова Ф.Г. Словарь башкирской мифологии. – Уфа: Китап, 2019. – 432 с.

4. Эбзеева Ф.П. О способах образования зоонимов в тюркских языках // Гуманитарные исследования». – Астрахань, 2009. Вып. 4. – С. 107-109.
5. Эжба З. Н. Зоонимы арабо-персидского происхождения в башкирском языке и его диалектах // Oriental Studies. – 2023. – Т. 16. № 5. – С. 1325–1342.

Гареева Г.Н., Хаматдинова А.К.

Концепция портрета Евгения Базарова в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети»

*Уфимский университет науки и технологий
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-168

Аннотация

Роман И.С. Тургенева "Отцы и дети" стал знаковым произведением русской литературы, ярко отражающим конфликт между старым и новым, традиционными и прогрессивными идеями. В центре этого конфликта находится Евгений Базаров, который олицетворяет новое поколение, стремление к научному познанию и нигилизму. В данной статье мы детально рассмотрим концепцию портрета Базарова, его философские взгляды, внутренние переживания и влияние на окружающих. Мы проанализируем, как Тургенев создает многослойный образ героя, представляя его как символ времени и идей, которые, несмотря на свою радикальность, остаются актуальными и в современном обществе.

Ключевые слова: роман, И.С. Тургенев, конфликт, образ, герой, Базаров, нигилизм.

Abstract

I.S. Turgenev's novel "Fathers and Children" has become a landmark work of Russian literature, vividly reflecting the conflict between the old and the new, traditional and progressive ideas. At the center of this conflict is Evgeny Bazarov, who embodies the new generation, the pursuit of scientific knowledge and nihilism. In this article, we will take a detailed look at the concept of Bazarov's portrait, his philosophical views, inner feelings and influence on others. We will analyze how Turgenev creates a multi-layered image of the hero, presenting him as a symbol of time and ideas that, despite their radicality, remain relevant in modern society.

Keywords: roman, I.S.Turgenev, conflict, image, hero, Bazarov, nihilism.

Образ Базарова выступает в романе как символ нигилизма. Евгений Базаров представляет собой образ нигилиста — человека, отвергающего традиционные ценности и нормы, которые определяли жизнь его предшественников. В отличие от своих современников, он не верит в авторитеты и устоявшиеся идеалы, что делает его персонажем, ярко выражающим дух времени. Нигилизм Базарова не является простой критикой; это целенаправленное стремление к созданию нового мировоззрения, основанного на научных принципах. Он отказывается от романтических идеалов, проповедуя идею о том, что всё, что не может быть объяснено с точки зрения науки, не имеет значения. Так, в беседах с Аркадием Кирсановым, Базаров неоднократно подчеркивает свое отвращение к чувствам и эмоциям, считая их проявлениями слабости. Этот нигилистический подход вызывает у читателя как симпатию, так и отторжение, заставляя задуматься о границах рационального восприятия мира.

Внешний портрет и его символика в романе играют важную роль. Тургенев уделяет внимание не только внутреннему миру Базарова, но и его внешнему облику. Базаров описан как "человек среднего роста, с широкими плечами и крепким телосложением". Этот образ создает ассоциации с силой и уверенностью, подчеркивая его решительность и стойкость. Внешность Базарова, "суровые и резкие" черты лица, символизируют его внутреннюю напряженность и бескомпромиссность в борьбе за свои идеалы. Кроме того, одежда Базарова, простая и неприметная, отражает его философские

взгляды: он отвергает излишества и суету, считая их ненужными. Это визуальное представление героя создает у читателя ощущение его принципиальности и целеустремленности, что в свою очередь усиливает трагизм его образа.

Внутренний мир Базарова неоднозначен. Несмотря на свою внешнюю твердость, внутренний мир Базарова полон противоречий. Он стремится к идеалам, но в то же время испытывает эмоциональные привязанности и чувства, которые противоречат его философии. Его отношения с Анной Одинцовой становятся ключевым моментом в раскрытии внутренней борьбы героя. Базаров, на первый взгляд, отрицает любовь как признак слабости, но его чувства к Анне демонстрируют, что он не может полностью избежать человеческой природы. Этот конфликт между его научными убеждениями и чувствами делает Базарова более человечным, что позволяет читателю лучше понять его внутреннюю драму. Он осознает, что его идеалы не всегда соответствуют реальности, и этот диссонанс приводит его к одиночеству и изоляции.

Конфликт главного героя с окружающим миром многозначен. Базаров, будучи представителем нового поколения, сталкивается с неприятием со стороны старших, что подчеркивает глубокий конфликт между отцами и детьми. Его нигилистические взгляды и убеждения вызывают яркую реакцию у персонажей, таких как Николай Петрович Кирсанов и другие представители старшего поколения. Они воспринимают Базарова как угрозу своим идеалам, что приводит к острым конфликтам и спорам. Этот конфликт является отражением более широких социокультурных изменений, происходивших в России в XIX веке. Базаров, как символ новой эпохи, противопоставляется старым устоям, и его идеи становятся предметом острого общественного обсуждения. Тургенев показывает, что старшее поколение не в состоянии принять новое, что приводит к трагическим последствиям как для Базарова, так и для окружающих его людей.

Роль Базарова значителен в судьбах других персонажей. Базаров оказывает значительное влияние на судьбы других персонажей, в первую очередь на Аркадия Кирсанова. Аркадий, восхищаясь Базаровым, пытается перенять его философию, стремясь освободиться от влияния традиций и семейных устоев. Тем не менее, в ходе романа он осознает, что идеалы Базарова могут привести к внутреннему конфликту и саморазрушению. Это делает их отношения более сложными и многослойными, подчеркивая, что ни одно мировоззрение не является абсолютно верным. Кроме того, влияние Базарова на женщин — Анну Одинцову и Фенечку — также играет важную роль. Он становится объектом их любви и стремления, однако его отказ от эмоций и привязанностей приводит к страданиям и недопониманию. Это отражает ту трагедию, с которой сталкивается не только Базаров, но и его окружение, что усиливает общую напряженность в произведении.

Философские аспекты и влияние на современников образа Базарова огромен. Философия Базарова и его нигилизм оказали глубокое влияние на русское общество и литературу XIX века. Он стал прообразом нового героя, стремящегося к свободе мысли и действия. Однако его крайние взгляды и отказ от традиционных ценностей вызывают неоднозначную реакцию — от восхищения до осуждения. В этом контексте Базаров выступает как зеркало для современного общества, где вопросы о месте человека и смысле жизни остаются актуальными. Его идеи о необходимости научного познания и критики устоев вдохновили многих последующих писателей и мыслителей, что делает его образ символом борьбы за новые идеалы и ценности.

Образ Базарова в романе И.С. Тургенева "Отцы и дети" является сложным и многогранным. Он символизирует конфликт поколений, философские искания и стремление к новым идеалам. Несмотря на свою твердость и уверенность, Базаров

остается трагической фигурой, демонстрирующей, как идеалы могут вести к изоляции и недопониманию. Концепция портрета Базарова открывает перед читателем глубокие размышления о человеческой природе и отношениях в обществе. Его противоречивый образ остается актуальным и сегодня, заставляя нас вновь и вновь задумываться о границах разума и чувств, о том, что значит быть человеком в постоянно меняющемся мире.

1. Тургенев, И.С. "Отцы и дети". М.: Издательство, 1958.
2. Бахтин, М.М. "Эстетика словесного творчества". М.: Искусство, 1979.
3. Михайлов, С.А. "Нигилизм и его последствия в русской литературе". СПб.: Наука, 2001.
4. Лосев, А.Ф. "Философия искусства в русской литературе". М.: Мысль, 1997.
5. Ямпольский, А. "Тургенев и его современники". М.: Молодая гвардия, 1989
6. Розанова, Н. "Нигилизм в русской литературе: истоки и последствия". М.: Наука, 2003.
7. Костров, В. "Конфликт поколений в русской прозе XIX века". М.: Образование, 2010.

Гареева Г.Н., Хаматдинова А.К.
Система образов в поэме «Слово о полку Игореве»

*Уфимский университет науки и технологий
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-169

Аннотация

Поэма «Слово о полку Игореве», созданная в XII веке, является одним из выдающихся памятников древнерусской литературы. Этот памятник не только отражает исторические события, но и представляет собой сложную систему образов, в которой переплетаются различные культурные, философские и моральные идеи. Через образы героев, природы и символику автор передает глубокие переживания и размышления о судьбе Руси, внутреннем единстве народа и ценности воинской доблести. В данной статье мы рассмотрим основные образы поэмы, их значение и функции, а также проанализируем, как они взаимодействуют друг с другом в контексте произведения.

Ключевые слова: поэма, система образов, символика, памятник древнерусской литературы, миф, христианские идеи, князь Игорь, Святослав, половцы.

Abstract

The poem "The Word about Igor's Regiment", created in the XII century, is one of the outstanding monuments of ancient Russian literature. This monument not only reflects historical events, but also represents a complex system of images in which various cultural, philosophical and moral ideas are intertwined. Through the images of heroes, nature and symbolism, the author conveys deep feelings and reflections on the fate of Russia, the inner unity of the people and the value of military valor. In this article, we will look at the main images of the poem, their meaning and functions, as well as analyze how they interact with each other in the context of the work.

Keywords: poem, image system, symbolism, monument of ancient Russian literature, myth, Christian ideas, prince Igor, Svyatoslav, polovtsy.

Для адекватного понимания системы образов в «Слове о полку Игореве» необходимо учитывать исторический контекст, в котором оно было создано. Поэма возникла в период феодальной раздробленности, когда Русь находилась под угрозой внешних врагов, таких как половцы. Это время характеризуется не только внутренними конфликтами, но и осознанием необходимости единства русских князей для противостояния агрессии.

С точки зрения культуры, поэма насыщена славянскими мифами, христианскими идеями и элементами устной традиции. Сложная структура произведения позволяет выявить не только исторические аспекты, но и философские размышления о человеческой природе, любви, верности и судьбе.

Образ Игоря Святославича, князя новгородо-северского, является центральной фигурой поэмы. Его образ раскрывается через описание действий, чувств и внутреннего мира. Игорь представлен как благородный и мужественный воевода, готовый защищать свою землю. В его характере переплетаются храбрость и трагизм — он идет в бой, осознавая всю опасность, но стремится к единству и победе.

Игорь становится символом не только личной, но и коллективной судьбы Руси. Его неудачи отражают более широкий конфликт, связанный с разобщенностью княжеств. Это делает его образ многозначным — он не просто герой, а воплощение идеала русского воеводы, чьи действия могут иметь далеко идущие последствия для всего народа.

Образ Святослава, брата Игоря, играет ключевую роль в раскрытии темы единства и мудрости. Его образ отличается от Игоря своей осторожностью и предусмотрительностью. Святослав понимает сложность ситуации и подчеркивает важность сотрудничества между князьями для защиты Руси. Он является голосом разума, Святослав противопоставляется импульсивности Игоря.

Образ Святослава символизирует мудрость и ответственность. Его рассуждения о необходимости объединения князей становятся важным элементом повествования, что придает дополнительную глубину конфликту между личными амбициями и общими интересами.

Образ Бориса и Глеба, святых мучеников, представлены как символы высоких моральных идеалов и христианских ценностей. Их жертва и преданность становятся контрастом к военной теме поэмы, подчеркивая, что даже в условиях войны можно стремиться к добру и братству. Образы Бориса и Глеба служат напоминанием о том, что единство и взаимопомощь необходимы для преодоления внешних угроз.

Они становятся символами надежды и духовной силы, что придает произведению дополнительную эмоциональную нагрузку. Их присутствие в поэме говорит о том, что даже в темные времена необходимо помнить о духовных ценностях и моральных принципах.

Образы половцев, как врагов русских князей, представлены в поэме с яркими и запоминающимися чертами. Их образы насыщены экзотикой и таинственностью. Половцы воспринимаются не только как физическая угроза, но и как символ хаоса и разрушения, которые могут навалиться на Русь. В их характеристиках прослеживается идея о варварстве и дикой природе, что контрастирует с изображением русских князей, которые, несмотря на внутренние противоречия, стремятся к порядку и объединению.

Образы половцев создают напряжение в сюжете и усиливают чувство опасности. Они становятся символами всего того, что угрожает единству и миру на Руси, подчеркивая необходимость совместных усилий русских князей для отражения агрессии.

В поэме и природа выступает как персонаж. Неотъемлемой частью системы образов в «Слове о полку Игореве» является природа, которая играет роль не только фона для событий, но и активно взаимодействует с персонажами. Описания природы часто отражают внутреннее состояние героев: смена погоды, шум леса и реки становятся символами как величия, так и грусти.

Природа в поэме служит не только пейзажем, но и эмоциональным фоном, передавая атмосферу и настраивая читателя на определенный лад. Часто природные элементы сопровождаются философскими размышлениями, что придает произведению дополнительный смысловой слой. Таким образом, природа становится важным компонентом, обогащающим образный мир поэмы.

Необходимо отметить и о роли женских образов. Женские образы, хотя и не столь значимы в поэме, все же играют важную роль в раскрытии тем любви, заботы и потери.

Образ Ярославны, жены Игоря, выделяется своим трагизмом. Ее скорбь и молитвы о муже, находящемся в плену, подчеркивают не только личные переживания, но и общественные страдания. Ярославна становится символом верности и преданности, её образ наполняет произведение глубиной и человечностью.

Женские образы также отражают традиционные ценности общества, акцентируя внимание на важности семейных уз и духовной силы, которая помогает преодолевать трудности. Они напоминают о том, что даже в условиях войны и разобщенности необходимо сохранять чувство любви и поддержки, что является важным элементом в противостоянии внешним угрозам.

Таким образом, система образов в поэме «Слово о полку Игореве» представляет собой многослойный и глубокий мир, в котором переплетаются исторические, культурные и философские идеи.

Образы Игоря, Святослава, Бориса и Глеба, половцев и природы создают целостную картину, отражающую дух времени и внутренние конфликты, с которыми сталкивалась Русь. Каждый образ вносит свой вклад в развитие сюжета и глубокое осмысление темы единства, борьбы и самосознания народа. Поэма остается актуальной и сегодня, продолжая вдохновлять читателей на размышления о важности духовных и культурных ценностей в жизни общества.

1. «Слово о полку Игореве». Издание: Литературное наследие, М., 1950.
2. Лотман, Ю.М. Русская культура как система знаков. Тарту, 1970.
3. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. М., Искусство, 1979.
4. Панов, И.А. Поэтика "Слова о полку Игореве". СПб., Наука, 2002.
5. Розанова, Н. Символика природы в древнерусской литературе. М., Наука, 2003.
6. Долинин, В. Тема единства в "Слове о полку Игореве". М., Издательство РГГУ, 2011.
7. Топоров, В.Н. Краткая история русской литературы XI–XIII веков. М., Высшая школа, 1995.

Карипиди А.Г., Богомолова М.С.

**Английский язык как язык интернационального профессионального общения
современного юриста**

*Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-170

Аннотация

В данной научной работе автор акцентирует внимание на необходимости владения иностранным языком, а именно английским. Также уделяется внимание проблемам, которые связаны с изучением и использованием английского языка как общепрофессионального для общения в области юриспруденции. Для эффективного взаимодействия необходим не только высокий уровень владения, но и нечто большее, а именно владение специализированными терминами. Языковая подготовка студентов юридического факультета не должна ограничиваться изучением специализированной английской лексики, она должна включать в себя развитие компетенций, способствующей быстрой адаптации выпускников.

Ключевые слова: межкультурное общение, английский язык, русский язык, перевод, юридические тексты, отрасли права, юриспруденция.

Abstract

In this scientific work, the author focuses on the need for proficiency in a foreign language, namely English. Attention is also paid to the problems associated with the study and use of English as a general professional language for communication in the field of jurisprudence. Effective interaction requires not only a high level of proficiency, but also

something more, namely the possession of specialized terms. The language training of students of the Faculty of Law should not be limited to the study of specialized English vocabulary, it should include the development of competencies that contribute to the rapid adaptation of graduates.

Keywords: intercultural communication, English, Russian, translation, legal texts, branches of law, jurisprudence.

В настоящее время английский язык стал доминирующим языком на планете. Его используют 1,75 миллиарда людей в различных странах, и каждый год все больше людей начинают изучать его. Современный мир стремится к глобализации, где необходим язык, способный объединять людей по всему миру, независимо от их профессии и родного языка. В настоящее время именно английский язык выполняет роль такого "глобального" языка. Изучение навыков общения в контексте межкультурного общения, где основным языком общения является английский, и достижение взаимопонимания между представителями различных культур, привлекает внимание многих специалистов в области межкультурной коммуникации.

В соответствии с определением, предложенным отечественным лингвистом С. Г. Тер-Минасовой, межкультурная коммуникация представляет собой адекватное взаимопонимание между двумя участниками коммуникативного акта, принадлежащими к различным национальным культурам. Автор отмечает, что, несмотря на общее владение одним и тем же языком, люди не всегда способны правильно интерпретировать друг друга из-за различий в культурных особенностях. Это расхождение в культуре часто является причиной недопонимания между людьми. Исследователи как в России, так и за рубежом признают важную роль английского языка в качестве мирового языка для межкультурной коммуникации.

Профессия юриста охватывает различные аспекты общественной жизни. В настоящее время многие юристы задаются вопросом о необходимости знания английского языка. На рынке юридических услуг наблюдается усиление конкуренции, и все больше компаний устанавливают знание английского языка как обязательное требование для кандидатов. Однако владение общим английским языком не гарантирует понимания юридических терминов и нюансов, присущих данной области. Следовательно, для юриста важно иметь понимание всех особенностей своей профессии не только на русском, но и на английском языке. В наше время молодежь особенно привлекает профессия «юрист-международник». Тут дело не только в том, что это престижно, но и в том, что этот юрист должен быть в курсе как российского законодательства, так и международного права. И не забудь, что ему придется общаться на иностранном языке для успешного взаимодействия с коллегами из других стран.

Цель профессионального юриста заключается в адекватном трансляции юридических понятий между различными правовыми системами. Это предполагает тщательный отбор эквивалентов, которые не только соответствуют лексическому значению исходного понятия, но и учитывают специфику правовой культуры и практики целевого языка. В условиях отсутствия универсальной модели правового регулирования и значительных различий в правовых системах, задача юриста требует глубокого понимания как исходной, так и целевой правовой среды для достижения точности и полноты передаваемой информации.

Осуществление вышеупомянутой цели кажется нам труднодостижимым. Для ее реализации требуется комплексная подготовка будущего юриста в учебном заведении, в ходе которой студент юридической специальности должен не только освоить профессиональный язык межкультурного общения (английский), но и научиться эффективным методам взаимодействия с партнерами по профессиональному общению в контексте межкультурного правового пространства. В последние годы проблема освоения профессиональной юридической лексики языка межкультурного общения и различных

навыков профессионального взаимодействия становится предметом внимания ряда ученых.

Л. В. Яроцкая подтвердила, что важно достичь общего понимания в учебной деятельности будущих юристов. Она говорит, что необходимо погружаться в специальность и развивать аналитическое мышление, а также языковые навыки. Поэтому она предложила термин «межкультурная иноязычная профессиональная коммуникативная компетенция» (МИПКК). Это означает, что формирование такой компетенции у студентов-юристов жизненно важно для их успешной интеграции в международную профессиональную среду.

Сейчас действительно назрела необходимость улучшить учебно-методическую базу для языковой подготовки будущих юристов, учитывая особенности их профессии. Ясно, что студенты юридических специальностей должны всесторонне изучать английский язык — это язык их будущего межкультурного профессионального общения. Важно не только не отрываться от существующей в этой области профессиональной культуры, но и принимать во внимание различия в правовых системах и особенности правового сознания их будущих деловых партнеров.

Владение английским языком является важным навыком для современного юриста, способствующим успешной карьере в международной среде. Многие ведущие юридические школы и программы магистратуры по праву предлагают курсы на английском языке, что привлекает студентов со всего мира. Участие в международных конференциях, семинарах и форумах часто требует знания английского языка для эффективного общения и налаживания контактов. С увеличением международной торговли и сотрудничества между странами, юристы часто работают с международными клиентами и партнёрами. Английский язык служит общим языком для общения и доминирующим языком в международном праве. Большинство международных договоров, соглашений и правовых норм издаются на английском языке. Это требует от юристов высокого уровня владения языком для правильного толкования и применения международных норм. Он служит для:

1. Общения с клиентами и коллегами. Знание английского языка необходимо юристам, работающим с международными компаниями и иностранными клиентами. Эффективное общение с клиентами, партнерами и коллегами из других стран требует не только знания языка, но и понимания культуры. Это помогает избежать недопонимания и укрепить доверие.
2. Участия в международных конференциях и семинарах. Юристы часто посещают международные конференции и семинары, на которых обсуждаются юридические и деловые темы. Умение свободно общаться на английском языке позволяет юристам представлять свои идеи, участвовать в дискуссиях и общаться с профессионалами из других стран.
3. Доступа к информации и ресурсам. Большинство юридических ресурсов, включая научные статьи, прецедентное право и правовые базы данных, доступны на английском языке. Знание английского языка позволяет юристам быть в курсе последних изменений в законодательстве и использовать соответствующие материалы в своей практике.
4. Карьерных перспектив. Знание английского языка открывает новые карьерные возможности. Многие международные юридические фирмы отдают предпочтение кандидатам, свободно общающимся на английском языке, что является важным критерием при приеме на работу.

Юристам, желающим улучшить свои знания английского языка, рекомендуется:

- Посетить специализированный курс юридического английского языка.
- Читать юридическую литературу, написанную на английском языке.

- Практиковаться в общении с носителями языка.
- Участвовать в международных форумах и конференциях.

Курс делового английского помогает юристам развить навыки чтения и разговорной речи в дополнение к специализированной лексике. Это помогает при проведении переговоров, защите интересов компании в суде (International Court), чтении профессиональной литературы и общении с иностранными коллегами.

Таким образом, английский язык остается важным инструментом для юристов, стремящихся преуспеть в международной практике.

Студенты должны быть готовы, что у них может проходить экзамен по иностранному языку, особенно у юристов-международников.

1. Кискина М.В., Буденная С.Ю. Английский язык как язык межкультурного профессионального общения современного юриста // В журнале Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. С.73-80.
2. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000. С.146.
3. Яроцкая Л.В. Лингводидактические основы формирования профессиональной личности юриста // Вестник МГЛУ. 2018. №1 (790). С.116
4. Басте З. Ю., Батурьян М.А. Билингвизм как фактор успешности в изучении иностранных языков // ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина» 2022. – С.44.

Курашкина Н.А.

Натурлингвистическое комментирование как один из способов гармонизации отношений «человек – природа» (на примере произведения С.Т. Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии»)

*Уфимский университет науки и технологий
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-171

Аннотация

В статье обосновывается необходимость в натурлингвистических комментариях к произведениям, посвященным описанию природы, в частности к «Запискам ружейного охотника Оренбургской губернии» С.Т. Аксакова. Лингвонатуремы, выделенные из данного произведения, разделены на классы и откомментированы с опорой на авторитетные толковые словари и справочные издания.

Ключевые слова: натурлингвистика (лингвистика мира природы), натурлингвистический комментарий, природо-ориентированный сценарий, лингвонатурема, С.Т. Аксаков.

Abstract

The article shows the necessity of naturlinguistic commenting of works, devoted to nature description, S.T. Aksakov's «Notes of a rifle hunter of the Orenburg province», in particular. Lingvonaturemas, extracted from the given work, are divided into classes and commented on with reference to standard explanatory dictionaries and reference books.

Keywords: naturlinguistics (linguistics of the natural world), naturlinguistic commentary, nature-oriented story-we-live-by, lingvonaturema, S.T. Aksakov.

Предложенная для интегрирования в состав эколингвистики натурлингвистика, или лингвистика мира природы, нацелена на изучение природного разнообразия, запечатленного в языке и культуре, выполняя при этом когнитивную, сберегающую и просветительскую функции. Природный мир понимается в самом широком смысле этого слова – это все сущее в многообразии его форм [см. 2]. Базовыми языковыми единицами, несущими информацию о природном мире, выступают лингвонатуремы, которые, в свою очередь, подразделяются на классы в зависимости от характеризуемой природной реалии,

например, гидронимы, флоронимы, зоонимы, инсектонимы, орнитонимы, ихтионимы и т.п.

Натурлингвистика, как и эколингвистика, видит насущную необходимость в продвижении природо-ориентированных, т.е. гармоничных сценариев, иными словами, тех когнитивных моделей, которые способны настроить сознание и коллективное бессознательное социума на сбалансированное взаимодействие с природным миром.

Обращение к творчеству С.Т. Аксакова для изучения лингвонатурем представляется вполне естественным, поскольку «величие красот божьего мира», которое было впитано автором с детских лет, в полной мере отразилось на страницах «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии». В «Записках...» дается богатое описание представителей авифауны в «самое дорогое, поэтическое время для ружейного охотника», коим является весна, когда происходит пролет и возвращение птиц после зимовки. Подробные характеристики охотничьих (Аксаковских) видов птиц, созданные настоящим ценителем и знатоком русской природы, служат бесценным материалом для исследований не только учеными-орнитологами, но и натурлингвистами.

К большому сожалению, современное техногенное общество все сильнее дистанцируется от естественной среды обитания, поэтому нуждается в природоориентированных ценностях, которыми, в том числе, изобилует вышеозначенное произведение. Если говорить о необходимости в натурлингвистических комментариях, то она вызвана не только тем обстоятельством, что исчезает понимание экологических корней значений языковых номинаций мира природы, но и потребностью в сохранении самих языковых единиц, без которых затрудняется восприятие аутентичного авторского текста. Так, согласно данным психоллингвистического эксперимента, положенным в основу сопоставительного словаря орнитонимов [см. 4], испытуемые не могут истолковать значения общепринятых наименований птиц, таких как воробей, сорока, иволга. Народные названия, которые используются С.Т. Аксаковым, в настоящее время либо перешли в разряд архаизмов, либо не опознаются современными читателями как номинации птиц. Сохраняя ту или иную лингвонатурему во всем многообразии ее значений, натурлингвисты закладывают основы для бережного отношения к соответствующим представителям природного мира, будь то зверь, птица, насекомое или растение.

Основная цель работы состоит в создании комментариев к имеющимся в тексте «Записок...» лингвонатуремам. Комментарии формируются на основе данных толковых словарей В.И. Даля [см. 5], Д.Н. Ушакова [см. 6], Т.Ф. Ефремовой [см. 7] и других справочных изданий [см., напр., 3].

Выявленные лингвонатуры разделены на несколько классов: номинации природных ландшафтов, номинации природно-культурных ландшафтов, номинации природных явлений, флоронимы (номинации растений), орнитонимы (номинации птиц), зоонимы (номинации зверей). В рамках данной статьи приведены наиболее яркие примеры откомментированных лингвонатурем, принадлежащих вышеозначенным классам; в скобках после наименования указана страница первого упоминания в тексте произведения [1].

Номинации природных ландшафтов

Луговина (с. 172) – небольшой луг [7], пролесок, прогалина [6].

Паточина (с.170) – болотный родник [5].

Номинации природно-культурных ландшафтов

Гумно (с. 169) – расчищенная площадка для молотбы; ток [7].

Озимь (с. 172) – осенние посевы однолетних злаков, прорастающих осенью и зимующих под снегом [5].

Номинации природных явлений

Водополь = **водополье** (с. 170) – весенний разлив рек, половодье [7].

Ростополь (с. 170) = ростепель – оттепель, таянье снега в зимнее тепло [6].

Флоронимы

Посконь (с. 157) – мужская особь конопли с тонким стеблем, из которой вырабатывается тонкое волокно [7].

Пулавка (с. 180) = пупавник – многолетнее пахучее сорное растение семейства сложноцветных с ветвистым стеблем и желтыми цветками [5], *Anthemis tinctoria*, желтушка, шафран полевой [6].

Чемерица (с. 179) = **чемерика** (с. 180) – многолетнее ядовитое травянистое растение семейства лилейных с толстым корневищем, крупными остроконечными листьями и метелками цветов [5], напр., *Helleborus*, морозник; *Veratrum album*, кукольник [6].

Орнитонимы

Болотная курочка (с. 183) = водяная курочка [6] = камышница (*Gallinula chloropus*) – небольшая водоплавающая птица из семейства пастушковых, род дичи [3, с. 180].

Вальдишнел (с. 148) = **лесной кулик** (с. 176) / **красный кулик** (с. 177) – крупный кулик (*Scolopax rusticola*) красновато-бурого цвета с пестринками, обитающий в разнообразных лесах; популярный объект охоты [3, с. 248].

Дудак (тудак) (с. 175) = дрофа (*Otis tarda*) – крупная наземная птица (величиной с индюка), обитающая в степи [3, с. 185].

Кряковная (утка) (с. 171) = кряква – самая крупная из речных уток (*Anas platyrhynchos*); отличается наличием на крыльях сине-фиолетового зеркальца с белыми каемками; популярный охотничий трофей [3, с. 66].

Куличок = **кулик** (с. 155) – общее название голенастой болотной дичи от самого рослого горбоносого степного кулика (кроншнепа) до зуйка или поплавка, желтобровки и куличка-воробья; не зовут куликами только несъедобных голенастых (цаплю, выпь и пр.), коростеля и курочек, да все виды бекасов [6].

Курахтан (с. 171) = турухтан (*Philomachus pugnax*) – самый заметный из куликов благодаря пестрой окраске самцов и групповому токованию [3, с. 226].

Пиголица (с. 170) = пигалица = чибис – крупный кулик, с голубя (*Vanellus vanellus*) [3, с. 204]; чубатая, с зеленым отливом, белобрюхая [6].

Сивка = **озимая курица** = **ржанка** (с. 171) – стайный кулик ржанка (*Charadrius pluvialis*) [6]; коренастые, короткоклювые птицы, обитатели открытых пространств [3, с. 191].

Слука (с. 177) = вальдшнеп.

Зоонимы

Борзая (собака) (с. 164) – группа пород собак, предназначенных для безружейной охоты на лисицу, зайца-русака, волка; охотничья собака особой породы (длинномордая, поджарая, на тонких ногах) [7].

Легавая (собака) (с. 147) – группа пород подружейных собак, предназначенных для охоты на пернатую дичь; две главные группы легавых – короткошерстные пойнтеры и длинношерстные сеттера [7].

Русак (с. 168) – серый заяц, сохраняющий одну окраску зимой и летом (в отличие от беляка) [7].

Как уже было отмечено, натурлингвистические комментарии выполняют, в первую очередь, сберегающую функцию, направленную на сохранение лексических единиц, исчезающих из сознания современных носителей языка. Во-вторых, комментарии выполняют кумулятивную и когнитивную функции, позволяющие накапливать и передавать знания об окружающем мире последующим поколениям. В-третьих, комментарии приводят в действие природо-ориентированные сценарии, хранящиеся в сознании и коллективном бессознательном носителей языка и культуры, но утрачиваемые в техногенном обществе, что чревато потерей естественной среды обитания жителей нашей планеты.

Произведения С.Т. Аксакова, в которых мир природы выступает одним из главных персонажей, в полной мере отвечают экософии гармонии, а натурлингвистические комментарии делают восприятие языковых описаний понятным и доступным современному читателю.

1. Аксаков С.Т. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии // Аксаков, С.Т. Собр. соч.: в 5 т. Т. 4 / [Подготовка текста и примечания С. Машинского]. М.: Госуд. изд-во худож. лит-ры, 1956. С. 147–462.
2. Курашкина Н.А. О необходимости натурлингвистики как подотрасли эколингвистики // Доклады Башкирского университета. 2021. Т.6, № 2. С. 111–116. Текст: электронный. URL: http://dokbsu.ru/sites/default/files/pdf/2021/6/2/09_Kurashkina_v1_111-116.pdf (дата обращения: 11.10.2024).
3. Рябицев, В.К. Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири: Справочник-определитель. 3-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. 634 с.: ил.
4. Савенко А.С. Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков: Орнитонимы / Под. ред. О.И. Блиновой. М.: ЛЕНАНД, 2012. 200 с.
5. Современный толковый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой. Текст: электронный. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-efremova/index.htm> (дата обращения 11.10.2024).
6. Толковый словарь Даля онлайн. Текст: электронный. URL: <https://www.slovardalja.net/> (дата обращения 11.10.2024).
7. Толковый словарь Ушакова онлайн. Текст: электронный. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения 11.10.2024).

Лукманова А.Р.

**Геймификация в обучении английскому языку
с использованием платформы FunBrain**

*Уфимский университет науки и технологий
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-172

Аннотация

Данная научная статья исследует эффективность геймификации в процессе обучения английскому языку с использованием платформы FunBrain. Подход к обучению, основанный на игровой трансформации, может быть полезным инструментом для повышения эффективности образовательного процесса и достижения лучших результатов в изучении английского языка.

Ключевые слова: геймификация, современные методики преподавания, английский язык, модель построения урока, игровая модель, обучающая платформа, игровые элементы.

Abstract

This article investigates the effectiveness of gamification in the English language learning process using the FunBrain platform. The game transformation approach to learning can be a useful tool to enhance the effectiveness of the educational process and achieve better results in English language learning.

Keywords: gamification, modern teaching methods, English language, lesson construction model, game model, learning platform, game elements.

В современном мире необходима «особое внимание уделяется разработке и распространению новых подходов и методов в преподавании иностранных языков, направленных на достижение высокой коммуникативной компетентности обучающихся» [1,375]. Стремительные изменения, происходящие в современном мире, продиктованные

быстрым развитием науки и технологий, ставят перед педагогами разных уровней задачу приспособить учащихся к реалиям настоящего и возможностям будущего мира [2,29].

Существует несколько современных тенденций в образовании, одна из наиболее известных и распространенных это геймификация. Разберемся в понятии подробнее. Геймификация, или игрофикация – это использование каких-либо игровых элементов и методов игрового плана в неигровых контекстах, то есть это применение подходов, которые характерны для компьютерных игр для неигровых процессов [3,117].

Исходя из данного определения, можно сделать вывод о том, что геймификация это преобразование процесса, внедрение игровых элементов в неигровые процессы. Таким образом, понятие геймификация применима к сфере образования. Внедрение игровых техник, элементов в процесс обучения может смотивировать, заинтересовать учеников и поспособствовать лучшему усвоению необходимого материала. Существует большое количество исследований посвященных тому, как мотивация влияет на эффективность обучаемого. Формирование устойчивой учебной мотивации – «движущей силы, которая направляет учащихся к конструктивному овладению знаниями, навыками и способностями. Именно устойчивая мотивация определяет высокую эффективность учебного процесса» [4,26].

Итак, как же все-таки построить урок так, чтобы он максимально эффективным, интересным и захватывающим для детей. Существует масса игровых моделей урока, онлайн-ресурсы и видео/аудио-материалы. В данной статье обзревается платформа FunBrain, служащая для обучения английскому языку с самых различных аспектов, таких как аудирование, чтение, грамматика. На сайте платформы также присутствуют и другие разделы, посвященные изучению. Стоит отметить, что интерфейс платформы прост в использовании, так что и учитель, и ученики могут самостоятельно разобраться в пользовании. Внедрить данную платформу в занятие в школе возможно с использованием дополнительных устройств, таких как интерактивная доска, экран или проектор. Рассмотрим подробнее преимущества использования данной платформы.

1. Разнообразие игр: на FunBrain можно найти множество игр, которые помогут детям улучшить навыки чтения, математики, логики и другие области знаний на английском языке.
2. Образовательный контент: каждая игра на сайте FunBrain разработана с учетом образовательных целей, что позволяет детям учиться и развиваться несмотря на то, что они просто играют.
3. Система оценивания или рейтинг. Дух состязательности развивает в детях младшего возраста дополнительную мотивацию к изучению и «победам» в игровой среде.
4. Безопасность: FunBrain обеспечивает безопасную игровую среду для детей, где они могут наслаждаться обучающими играми без риска попадания на нежелательные материалы.

В целом, FunBrain - отличный ресурс для детей, которые хотят учиться и развиваться через игру на английском языке и для преподавателей, внедряющих новые методики подачи и закрепления материала.

Каким образом можно внедрить платформу в само занятие? Как и было ранее указано, на сайте многообразие форм игр и других развлекательно-обучающих действий. Например, в начале урока можно внедрить ежедневную языковую (речевую) разминку. Она помогает детям быстрее адаптироваться к смене языка урока и настроиться на работу. Речевые разминки могут принимать различные формы, один из возможных

вариантов — это пение небольших песенок. На сайте представлен широкий выбор веселых детских песенок на английском различной тематики.

Игровая составляющая сайта также может быть применима на любом занятии по английскому языку. Один из возможных вариантов описывается далее. Можно разделить детей на группы или создать условия для индивидуальной работы. На сайте есть игры на проверку грамматики, например «GrammarGorillas», суть игры в выборе запрашиваемой части речи внутри предложений. В игре ведется учет верных и неверных ответов, по истечении времени можно сравнивать результаты детей среди класса. Также важны мониторинг и поддержка детей во время игры, объяснение правил и задач. После игры, чтобы закрепить части речи английского можно выбрать один из текстов, прочитать его и осуществить перевод. Детям выдать задания по тексту, например правда/неправда, выделить внутри предложений существительные и глаголы.

Обязательным элементом любого урока с введением новых форматов это рефлексия. Детям предлагается ряд вопросов, например таких:

1. Что больше всего запомнилось на уроке?
2. Какое действие было самым интересным?
3. Было ли кому-то трудно ориентироваться во время игры? и др.

Для того, чтобы преподаватель удостоверился в успешности проведения занятия с внедрением игровых элементов следует провести рефлексию для себя и ответить на следующие вопросы:

1. Что получилось/не получилось на уроке?
2. Что нужно поменять в ходе занятия?
3. Какие новые идеи появились?

Использование платформы FunBrain на занятиях по английскому языку стимулирует активность в учебном процессе, способствует увеличению мотивации студентов и созданию интересной и динамичной атмосферы в классе. Кроме того, данная платформа позволяет персонализировать обучение, учитывая индивидуальные потребности и уровень подготовки каждого учащегося. Использование FunBrain для изучения языка также может продолжаться вне школы без прямого участия учителя, благодаря простому и понятному интерфейсу, который подходит для всех возрастов [5,67].

Таким образом, использование FunBrain на уроках английского языка способствует эффективному обучению, разнообразию методов работы и увеличению интереса к изучению языка. Этот ресурс может быть полезным инструментом как для преподавателей, так и для учащихся в процессе обучения английскому языку.

1. Уразметова А.В. Определение эффективности обучения интонированию на английском языке в вузе // Перспективы науки и образования. 2023. № 5 (65). С. 373-384. doi: 10.32744/pse.2023.5.22
2. Варуха И.В., Шагатов Р.Г. Преимущество применения информационных технологий: школа - ВУЗ // Рецензируемый научный журнал «Тенденции развития науки и образования». Сентябрь 2022 г. № 89, Часть 2 Изд. НИЦ «ЛЖурнал», 2022. – С. 29-31. DOI: 10.18411/trnio-09-2022-48.
3. Жесткова Е.А. Геймификация как средство развития познавательной активности младших школьников // науч.статья Казань, 2021 с. 114-117
4. Толмачева, Е.В. 2015. Инновационное обучение РКИ (сфера «Строительный менеджмент») на основе информационно-коммуникативной веб-квест технологии - Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2015, 26.
5. Варуха, И.В., Давлетбаева, А.Ф. Самостоятельная работа студентов как эффективный метод обучения // Языки в диалоге культур: проблемы многоязычия в полиэтническом пространстве: материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Уфа, 5 мая 2022 г.) / отв. ред. А.С. Самигуллина. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2022. – С. 66-69.

Мусалитина Е.А.
**Проблема унификации перевода названий китайских университетов
на русский язык**

*Комсомольский-на-Амуре государственный университет
(Россия, Комсомольск-на-Амуре)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-173

Аннотация

В статье исследуется актуальная проблема унификации перевода названий китайских университетов на русский язык. Отсутствие единого варианта перевода осложняет процесс российско-китайского научно-образовательного сотрудничества. Рассматриваются основные способы адекватного перевода, проводится сравнительный анализ с переводом названий российских ВУЗов на китайский язык.

Ключевые слова: перевод, названия университетов, китайский язык, унификация перевода.

Abstract

The article examines the current problem of unifying translation of the names of Chinese universities into Russian. The lack of a single translation option for the names of educational institutions complicates the process of Russian-Chinese scientific and educational cooperation. The main methods of adequate translation are considered, comparative analysis is carried out with the translation of the names of Russian universities into Chinese.

Keywords: translation, names of universities, the Chinese language, translation unification.

Перевод названий китайских образовательных организаций на русский язык представляет особую сложность. Проблема связана с отсутствием единого стандарта перевода некоторых терминов, входящих в названия учреждений. Это вызывает использование вольного перевода и расхождение в переводах, выполненных разными специалистами [2]. Одновременно существует трудность перевода российских названий ВУЗов на китайский язык, что осложняет развитие научно-образовательного сотрудничества между Россией и Китаем. Примером может послужить перевод на китайский язык названия «Комсомольского-на-Амуре государственного университета». До 2017 г. университет носил название «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет» [4]. В этот период документация о сотрудничестве с китайскими ВУЗами - партнерами содержала несколько вариантов перевода российского Вуза на китайский язык. Например, Харбинский технологический университет использовал название 共青城技术大学 (Gòng qīng chéng jìshù dàxué), которое наиболее точно отражает название университета.

Даляньский институт иностранных языков принял для себя следующий вариант перевода «Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета»: 共青城工程大学 (Gòng qīng chéng Gōngchéng dàxué), что дословно переводится как «Комсомольский инженерный университет». Хэйхэйский университет использует перевод 阿穆尔技术大学 (Āmù'ěr jìshù dàxué), что дословно переводится как «Амурский технический университет».

Таким образом, как видно из выше представленных примеров, одно учебное заведение может быть воспринято как разные ВУЗы по причине отсутствия единого стандарта перевода. После 2017 г., когда из названия российского университета ушел компонент «технический», появилась новая проблема перевода его названия. Она обусловлена использованием в переводе на китайский язык слова «阿穆尔» (Āmù'ěr) – 阿穆尔共青城大学 (Āmù'ěr gòng qīng chéng dàxué) «Амурский государственный

университет». Второе учреждение высшего образования, находящееся в городе Комсомольске-на-Амуре, в китайском переводе также содержит слово «阿穆尔» и звучит как «阿穆尔国立人文师范大学» (Āmù'ěr guólì rénwén shīfàn dàxué) – «Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет».

Согласно китайской лингвистической традиции в большинстве случаев используются сокращенные названия ВУЗов, поэтому может происходить путаница в идентификации учебных заведений, названия которых содержат одинаковый элемент. Аббревиатурное название ВУЗов в китайском языке представляет особую сложность для иностранных переводчиков, поскольку в некоторых ситуациях невозможно определить, от какого названия было образовано то или иное сокращение [1].

Обратимся к анализу перевода названия китайского университета «华工» (Huágōng). Первоначально четыре университета в своем названии содержали этот элемент: «Северо-Китайский технологический институт», «Восточно-Китайский технологический институт», «Южно-Китайский технологический институт» и «Технологический институт Хуачжун». Однако позже «Северо-Китайский технологический институт» был переименован в «Северо-Китайский университет», а «Восточно-Китайский технологический институт» был переименован в «Нанкинский университет науки и технологий», который больше не включал в названии элемент «华工» [3]. Обратимся к рассмотрению полных и сокращенных названий китайских университетов и их аббревиатурный перевод на английский язык (см. Таблицу 1):

Таблица 1

Перевод названий китайских университетов.

Оригинал названия	Сокращенное название	Аббревиатурное название на английском языке	Название на русском языке
中国人民大学	-	RUC	Китайский народный университет
东南大学	东大	SEU	Юго-Восточный университет
东华大学	-	DHU	Университет Дунхуа
上海外国语大学	上外	SISU [5]	Шанхайский университет иностранных языков

Анализ перевода названий китайских университетов позволяет сделать вывод о том, что более 70% учебных заведений КНР помимо полного названия используют установленное и официально принятое Министерством образования и науки КНР аббревиатурное название. Университеты, имеющие короткое название, не используют аббревиатуры. Широко распространено использование английских аббревиатур названий китайских университетов. Аббревиатуры образуются путем сложения первых букв названий, обозначенных пиньинь, то есть китайским фонетическим письмом.

Подводя итог, следует отметить, что основными способами перевода названий китайских университетов на русский и на английский язык являются аббревиатуры и грамматические замены. Таким способом переводится большинство названий университетов, что обусловлено необходимостью адаптации перевода к грамматическим и лексическим нормам ПЯ.

1. Ли, В. Организационно-педагогические условия реализации академических обменов между китайскими и российскими университетами // Социально-гуманитарные знания, 2024. № 4. С. 18-21.
2. Перкова, О.В. Терминологическое обеспечение экспорта образовательных услуг // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 3. Филология. Педагогика. Психология, 2018. Т. 8, № 3. С. 46-53.
3. Сайт университета Цинхуа // URL: <http://www.tsinghua.edu.cn/> (дата обращения: 15.09.2024).

4. Цзян, С. Тенденции в иноязычном обучении в КНР / С. Цзян, Ф. Чжан, Г. А. Шушарина // Молодежь и наука: актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований : Материалы VI Всероссийской национальной научной конференции молодых учёных. В 3-х частях, Комсомольск-на-Амуре, 10–14 апреля 2023 года. Том Часть 3. – Комсомольск-на-Амуре: Комсомольский-на-Амуре государственный университет, 2023. – С. 239-242.
5. Шевчук, К. А. Переводческие трансформации при переводе разделов научных сайтов / К. А. Шевчук, Г. А. Шушарина // Молодежь и наука: актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований : Материалы VI Всероссийской национальной научной конференции молодых учёных. В 3-х частях, Комсомольск-на-Амуре, 10–14 апреля 2023 года. Том Часть 3. – Комсомольск-на-Амуре: Комсомольский-на-Амуре государственный университет, 2023. – С. 245-247.

Породин И.В.

Акцентированное кино и немецкоязычный лингвокультурный дискурс

*Государственный Институт Кино и Телевидения
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-174

Аннотация

Статья посвящена проблематике определения диаспорного кино первой четверти XXI века и его функционирования в немецкоязычном лингвокультурном дискурсе: рассматриваются визуальный стиль, повествовательная структура, концепты памяти и ностальгии, характеристики персонажей «акцентированного» кино, прагматический смысл акцента. Работа кинематографистов иллюстрируется на примере творчества режиссёров турецкого происхождения, в частности фильмов Фатиха Акина.

Ключевые слова: диаспорное кино, акцентированное кино, мультикультурализм, транснациональная идентичность.

Abstract

The article is devoted to the problems of defining diasporic cinema in the first quarter of the 21st century and its functioning in German-speaking linguistic and cultural discourse: the visual style, narrative structure, concepts of memory and nostalgia, characters' features of "accented" cinema, and the pragmatic meaning of the accent are considered. The work of filmmakers is illustrated by a number of turkish-german directors, in particular the films of Fatih Akin.

Keywords: diasporic cinema, accented cinema, multiculturalism, transnational identity.

Диаспорное кино – один из важнейших кинематографических дискурсов в эпоху глобализации. «Франция, Великобритания и Германия пережили настоящий ренессанс кинопроизводства благодаря режиссерам второго и третьего поколений из этнических меньшинств» (*здесь и далее – перевод мой*) [1, с. 27]. Тем не менее, на данный момент трудно окончательно определить и очертить границы диаспорного кино. Этому вопросу были посвящены ряд работ европейских и азиатских исследователей, в частности стоит отметить сборник статей «*European Cinema in Motion: Migrant and Diasporic Film in Contemporary Europe*» (2010), который подвел некий итог анализа данного кинодискурса на рубеже первого и второго десятилетий XXI века.

Подходя к изучению вопроса, следует отдавать себе отчёт в том, что диаспорные кинематографисты, как и диаспорные общины, не представляют собой единое целое с однородным сознанием. «Большинство кинематографистов, работающих в Европе (...), предпочитают определять себя и свою работу с точки зрения индивидуального видения и творческой независимости, а не под коллективным лейблом» [2, с.77].

Также можно утверждать, что к исходу второго десятилетия некоторые диаспорные кинематографисты успели стать частью мейнстрим-кино, вписавшись в режим голливудского (Мира Наир) или британского кинематографического производства

(Нгози Онвур, Гуриндер Чатха). Отдельное положение занимает в этом ряду турецко-немецкий режиссер Фатих Акин, которого П.Фахингер [3, с. 254] рассматривает как представителя независимого транснационального кино. Созданная им продюсерская компания «Corazón International» своим названием подчёркивает многонациональный характер его фильмов, который не может быть сведён к чистому турецкому или немецкому. Как справедливо отмечает А.Джекль, «отношения власти меняются, и ряд кинематографистов из культур меньшинств стали экспертами в использовании субсидий и сами стали торговыми марками национальных киноиндустрий» [2, с.92].

Термин Х. Нафиси «акцентированное кино» (*accented cinema*) является отправной точкой для освещения проблемы, так как его теоретизация кино в изгнании (*exilic cinema*) и диаспорного кино (*diasporic cinema*) широко обсуждалась и цитировалась в кинематографическом сообществе.

Акцентированное кино, по мысли автора, объединяет в себе старые и новый кинематографические модусы. К первым относятся традиционные нарративы приёмной страны, ко второму структура чувств кинематографистов как перемещённых субъектов и традиции их диаспоры. [4, с.22].

Термин «акцентированный» как бы подчёркивает полифонические структуры диаспорных фильмов, вызванные многонациональными, мультикультурными характеристиками кинематографистов. По нашему мнению, это весьма удачная метафора, ведь «чувство культурной идентичности почти всегда предполагает язык» [5, с.198], а «говорить - значит прежде всего предполагать культуру...» [6, с. 17]. Можно утверждать, что язык и киноязык являются основными вопросами для диаспорного кино. Язык фильма здесь не только визуальное изображение или стиль повествования, но буквально сказанное или написанное в данном фильме – с акцентом или с ошибкой.

С точки зрения визуального стиля, в акцентированной кино чаще всего используются реальные локации; открытая перспектива пейзажей родины, природа контрастируют с изображением внутренних закрытых городских пространств. Аэропорты, железнодорожные станции или транспортные средства выступают в качестве инструмента и символа пересечения границ – физических или психологических. К другим значимым элементам повествовательной структуры акцентированных фильмов относятся: многоязычие; разрыв диегетического времени и пространства; круговая структура повествования; память и ностальгия по детству или родине; письма [4]. В соответствии с этими видами визуального стиля и повествования зритель видит часто отчуждение персонажей, их одиночество или поиск себя во времени и пространстве.

В дополнение к попытке Нафиси теоретизировать акцентированный стиль, стоит обратить внимание на еще один, прагматический смысл акцента в «акцентированном» кино. Режиссёры акцентированных фильмов сознательно не используют язык доминирующей культуры - в факте использования акцента записано кодовое послание авторов кино. Даже если герои фильмов говорят на языке той страны, в которой поселились, они делают это по-своему, выражая свою самобытность. Непереводимое использование родных языков также может быть очень важным с точки зрения определения идентичности.

Обратимся к работе кинематографистов диаспорного кино в конкретной языковой, культурной и социальной среде – творчеству режиссёров турецкого происхождения в современной Германии.

Категория немецкого «кино мигрантов», и в частности концепция немецко-турецкого кино в начале XX века претерпела переосмысление, во многом под влиянием неевроцентрических подходов к кинематографу [4; 7; 8].

Послевоенная иммиграция остро подняла проблему интеграции субъекта диаспоры, который в силу «архаичных ритуалов» и «традиционных верований» был неспособен успешно адаптироваться к реалиям немецкого общества [8, 249-252]. С

течением времени, кинематографистов стали интересовать вопрос возможностей законной культурной интеграции, предлагаемых турецко-мусульманской диаспоре.

Выход в 2000 году таких фильмов, как «Der schöne Tag» Арслана и «Im Juli» Акина, можно рассматривать как начало подлинно транснационального кино, в котором турецко-немецкий гражданин находится в гораздо более широком диапазоне межкультурных связей. По мнению Гёктюрка, это попытка критически посмотреть на маргинализированную до сих пор мусульманскую диаспору, сформулировать разные культурные идентичности современного турецкого гастарбайтера в постколониальном социальном порядке Германии.

В своих следующих фильмах, «Gegen die Wand» (2004) и «Auf der anderen Seite» (2007), Фатих Акин продолжает исследовать культурные границы и переходы между ними. Можно сказать, что творчество этого режиссёра оказало также большое влияние на актуальное нетурецкое диаспорное немецкоязычное кино (например, фильм режиссера с афганскими корнями Бурхана Курбани «Berlin, Alexanderplatz» (2020)), на новом витке социальных проблем – в поисках культурной идентичности в мультикультурном центральноевропейском пространстве.

Таким образом, акцентированное кино настраивает «оптику» специалистов и зрителей на рассмотрение проблематики диалога «Я – Другой», где Я протагониста в конечном счёте встаёт перед выбором либо попытаться сохранить свой аутентичный культурный код, либо вписать его в новое культурное пространство, рискуя потерять свою национальную лингвокультурную идентичность.

1. Эльзесер Т. Европейское кино: лицом к лицу с Голливудом. – Изд-во Амстердамского университета, 2005.
2. Джекль А. Государственное и другие виды финансирования кино мигрантов, диаспор и мира в Европе // Европейское кино в движении: фильмы о мигрантах и диаспорах в современной Европе. – Лондон; Нью-Йорк, 2010. – С.72-98.
3. Фахингер П. Новый вид творческой энергии: «Селам Берлин» Яде Кары и «Быстро и без боли», «Головой об стену» Фатиха Акина // Немецкая жизнь и письма, 60 (2), 2007. – С. 243-260.
4. Нафиси Х. Акцентированное кино: кинопроизводство мигрантов и диаспор. – Изд-во Принстонского университета. 2001.
5. Спивак Г. С. Постструктурализм, маргинальность, постколониальность и ценность. – Изд-во Оксфордского университета. 2003
6. Фанон Ф. Черная кожа белые маски. – Лондон, 1986.
7. Уэйи М. Политика современного европейского кино: истории, границы, диаспоры. – Лондон, 2002.
8. Гёктюрк Д. Помимо патернализма: турецкий немецкий трафик в кино. – Лондон, 2002.

Сботова С.В.¹, Стешина Е.Г.², Гостенина С.В.³

Трудности перевода омонимов в англоязычном тексте

¹*Пензенский государственный университет*

²*Пензенский государственный университет архитектуры и строительства*

³*Пензенский колледж современных технологий переработки и бизнеса*

(Россия, Пенза)

doi: 10.18411/trnio-11-2024-175

Аннотация

В представленной статье показана трудность перевода омонимов, с которой сталкивается переводчик. Доказано, что слова обладают разными значениями, разными способами словообразования и наличия синонимов. При омонимии присутствуют разные значения; основные и переносные значения слов не остаются неизменными; вторичные значения иногда становятся основными, что приводит к возникновению полисемии. Актуальность исследования обусловлена отсутствием в современной лингвистике анализа омонимии на материале текстов художественной литературы.

Ключевые слова: лексические омонимы, грамматические омонимы, лексико-грамматические омонимы, полные омонимы, частичные омонимы.

Abstract

The article presents the difficulty of translating homonyms that a translator faces. It is proven that words have different meanings, different ways of word formation and the presence of synonyms. Homonymy involves different meanings; the primary and figurative meanings of words do not remain unchanged; secondary meanings sometimes become primary, which leads to the emergence of polysemy. The relevance of the study is due to the lack of homonymy analysis in modern linguistics based on the material of fiction texts.

Keywords: lexical homonyms, grammatical homonyms, lexical and grammatical homonyms, complete homonyms, partial homonyms.

В настоящее время переводчики все чаще сталкиваются с проблемой различения омонимов. Современные тенденции такие как сокращение написания слов, использование латинской клавиатуры на компьютерах, замена лексических единиц, все перечисленное приводит к проблеме разграничения омонимов в тексте.

Трахтеров А.Л. в книге «Английская фонетическая терминология» определял омонимы как слова с разным значением, но одинаково звучащие. [4, с. 17] Например, прилагательное «слепой»: “She was *blind* and deaf on the subject.” [6, с. 5] - Она была в этих случаях *слепая* и глухая. (пер. авт.) Существительное «штора»: “He appeared with the lamps and drew the *blinds* down.” [7, с. 177] – Он принес лампы и опустил *шторы*. (пер. авт.)

Абаев В.И. в статье «О подаче омонимов в словаре» отмечал, что омонимия - разные слова, звучащие одинаково. [1, с. 33] Кацнельсон С.Д. в книге «Содержание слова, значение и обозначение» констатировал, что при омонимии возникает семантическая связь между словами, что приводит к полисемии. [2, с. 47]

Смирницкий А.И. в книге «Лексикологии английского языка» приходит к выводу, что слово обладает разными вариантами значений, которые могут различаться между собой в зависимости от наличия синонимов и способов словообразования. [3, с. 5] При омонимии появляются разные значения. Приведем несколько примеров: “Any girl that has the effect you describe must be *fine* and noble.” [7, с. 137] - Девушка, обладая *прекрасной* и возвышенной душой, имеет огромное влияние на людей. (пер. авт.) “But with his splendid eyes and his *fine* figure he was still a very handsome man.” [7, с. 8] - Благодаря *стройной* фигуре и прекрасным глазам он был еще достаточно красив. (пер. авт.)

Смирницкий А.И. делит омонимы на *полные* и *частичные*. Полные омонимы являются одной частью речи. О. Уальд использует слово “pupil”: “The *pupils* of his eyes...” [7, с. 136] - *Зрачки* его глаз... (пер. авт.) Ш. Бронте: “Miss Scatcherd flog her *pupil*, Burns” [6, с. 76] - Мисс Скетчерд наказала розгами свою *ученицу* Бернс. (пер. авт.)

Существительное “dream” переводится в зависимости от контекста: “I had a strange *dream* last night.” – Мне вчера приснился странный *сон*. (пер. авт.) “I’ve often thought of that *dream* villa of ours.” [10, с. 235] - Я часто думаю о вилле как о нашей *мечте*. (пер. авт.)

Существительное “paper”: “She wrapped up some biscuits in a *paper*.” [6, с. 54] - Она завернула в *бумагу* несколько печений. (пер. авт.) В разговорном английском языке: “His photo was always appearing in the illustrated *papers*.” [10, с. 8] - Фотографии его постоянно появлялись в иллюстрированных *газетах*. (пер. авт.)

О. Уайльд использует слово “fan”: “Lady Narborough hit him with her *fan*.” [7, с. 293] - Леди Нарборо ударила его *веером*. (пер. авт.) У.С. Моэм: “It was a principle with her to answer all *fan* letters.” [10, с. 82] - Она всегда отвечала на письма *поклонников* ее таланта. (пер. авт.)

Существительное “band”: “The *band* struck up a few bars of music.” [6, с. 139] – Снова заиграл *оркестр*. (пер. авт.) “She tied her hair back with a *band*”. [9, с. 82] - Она завязала сзади волосы *лентой*. (пер. авт.)

Существительное “country”: “Scotland is his native *country*.” – Шотландия – его родная *страна*. (пер. авт.) “He keeps early hours in the *country*.” [6, с. 172] - В *деревне* он ведет правильный образ жизни. (пер. авт.)

О. Уайльд использует существительное “film”: “A thin *film* of ice bordered the flat reed-grown lake.” [7, с. 330] - Поросшее камышом озеро у берегов окаймляла тонкая *кромка льда*. (пер. авт.) В современном английском языке: “I let some light in while I was loading the *film* into the camera”. [9, с. 482] - Я включил свет, пока я вставлял *пленку* в камеру. (пер. авт.) “Have you seen any good *films* lately?” [9, 482] - Вы видели какие-нибудь хорошие *фильмы* в последнее время? (пер. авт.)

Частичные омонимы: существительное “light”: “Put out some of the *lights*.” [10, с. 233] – Погасите *верхний свет*. (пер. авт.) “She put on the *light* by her bedside.” [10, с. 146] – Она зажгла *ночник* у кровати. (пер. авт.) “She heard him switch off the *light*.” [10, с. 146] - Она услышала, как он щелкнул *выключателем*. (пер. авт.) О. Уайльд использует прилагательное “light”: “He sat down to a *light* French breakfast, that had been laid out for him on a small table.” [7, с. 158] - Он сел за столик, где для него был приготовлен *легкий* французский завтрак. (пер. авт.) Это же прилагательное: “She had some difficulty in holding her *light* expression.” [10, с. 261] - Ей с трудом удалось удержать на лице *шутовское* выражение. (пер. авт.)

Существительное “wind”: “There was too much *wind*.”- Был слишком сильный *ветер*. (пер. авт.) Глагол “wind”: “I forgot to *wind* my watch”. [8, с. 1640] – Я забыл *завести* часы. (пер. авт.)

Существительное “water”: “The *water* is boiling.” [10, с. 94] - *Вода* кипит. (пер. авт.) Глагол “water”: “You must *water* the garden”. [8, с. 1614] - Вы должны *поливать* сад. (пер. авт.)

Существительное “cross”: “He was awarded the George *Cross*”. [8, с. 324] – Он был награжден Георгиевским *крестом*. (пер. авт.) “I’ve put a *cross* on the map”. [8, с. 324] – Я отметил *крестом* на карте. (пер. авт.) Прилагательное: “She was very *cross*.” [6, с. 78] - Она была очень *раздражительна*. (пер. авт.) У У.С. Моэма употребляется глагол: “He should sit there calmly, with his hands *crossed*.” [10, с. 54] - Он сидел неподвижно, *скрестив* руки на коленях. (пер. авт.)

Прилагательное “cold”: “It’s a *cold* day for July.” [9, с. 244] – Слишком *холодный* день для июля. (пер. авт.) У У.С. Моэма идиома: “He thought that was only so that he shouldn’t feel left out in the *cold*.” [10, с. 64] - Он полагал, она сделала это чтобы не *обидеть* его. (пер. авт.)

Существительное “change”: “It is a high pace of technological *change*.” [9, с. 24] - Это высокий темп технологических *изменений*. (пер. авт.) “We’ve made a lot of *changes* since you were last here.” [9, с. 24] - Мы многое *изменили* с тех пор, как вы были здесь в последний раз. (пер. авт.) У У.С. Моэма: “I wouldn’t keep you till I’d got *changed*.” [10, с. 189] - Я не буду откладывать нашу встречу, потом *переоденусь*. (пер. авт.) Рассмотрим следующие примеры: “Let’s go out to a restaurant for a *change*”. [8, с. 209] - Давайте для *разнообразия* сходим в ресторан. (пер. авт.) “She walked out while he was waiting for the *change*.” [10, с. 243] - Она вышла, пока он ожидал *сдачи*. “Can you *change* a \$20 note?” [8, с. 209] – Вы можете *разменять* 20 долларов? (пер. авт.) “Passengers for Liverpool should *change* at Crewe”. [8, с. 209] – Пассажирам, едущим в Ливерпуль, следует сделать *пересадку* в Крю. (пер. авт.)

Таким образом, при переводе текста необходимо, чтобы он оставался равнозначным на другом языке, сохранялся смысл, значение слов, стилистические и семантические особенности. Но при этом необходимо использовать средства другого языка. Переводчик должен стремиться максимально полно передать информацию, содержащуюся в тексте оригинала, хотя и другими способами выражения, искать равнозначные лексические единицы, использовать лексические, грамматические и стилистические трансформации.

1. Абаев, В.И. О подаче омонимов в словаре // Вопросы языкознания. 1957. №3. С. 33.
2. Кацнельсон, С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.: УРСС, 2004. 108 с.
3. Смирницкий, А.И. Лексикология английского языка. М.: МГУ, 1998. 260 с.

4. Стешина, Е.Г. Сопоставительный анализ лексических единиц научного дискурса на русском и английском языках / Т.А. Козина, Е.Г. Стешина // Глобальный научный потенциал. – СПб. : ТМБпринт. – 2023. – № 7(43). – С. 165–169.
5. Трахтеров, А.Л. Английская фонетическая терминология. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1962. 348 с.
6. Charlotte Bronte. “Jane Eyre”. Longman Group, UK, 1993. 713 p.
7. O. Wilde. “The Picture of Dorian Gray”. Cambridge Drive, London, UK, 1998. 370 p.
8. Dictionary of Contemporary English. Longman, Pearson Education Limited, 2001. 1668 p.
9. Dictionary of English Language and Culture. Longman, Pearson Education Limited, 1999. 1568 p.
10. W.S. Maugham “Theatre”. М.: Юпитер-Импэкс, 2009. 296 p.

Шибанов А.А.

**Функциональная омонимия в словах,
обозначающих погодные явления в удмуртском языке**

*Удмуртский ФИЦ УрО РАН
(Россия, Ижевск)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-176

Аннотация

В данной статье рассмотрены функциональные омонимы удмуртского языка, наиболее употребительные в художественных и публицистических текстах, а именно слова, обозначающие погодные явления.

Ключевые слова: функциональность, омонимия, часть речи, предложение, удмуртский язык, художественная литература.

Abstract

This article examines the functional homonyms of the Udmurt language, most commonly used in fiction and journalistic texts, namely, words denoting natural phenomena.

Keywords: functionality, homonymy, part of speech, sentence, Udmurt language, fiction.

Особое место в восприятии мира человеком занимают климатические и погодные явления, смена времен года, которые влияют на его жизнь и поведение в окружающем мире. По этой причине погодные явления в определенные сезоны занимают важное место в осмыслении реальной действительности человека. Свои знания об атмосферных явлениях человек закрепляет в словах со значением «погода» или метеонимах – особых лексических единицах, служащих для обозначения метеорологических явлений.

В удмуртском языке слова, обозначающие данные явления природы, зачастую относятся к функциональным омонимам, которые морфологически не отграничены от других частей речи, образованных конверсией, одним из морфолого-синтаксического способов словообразования, при котором основа или словоформа слова одной части речи образуется от слова другой части речи без изменения внешней формы исходного слова, а словообразовательным средством при этом является сеиантический сдвиг и грамматическая оформленность слова. По словам А. Т. Дуйсенбиной [2010: 5], исходное слово и производное слово в процессе конверсии семантически взаимосвязаны друг с другом, хотя имеют различные категориальные значения.

Категориальную недифференцированность составляют все без исключения слова, обозначающие времена года: *тулыс* ‘весна; весенний; весной’, *гужем* ‘лето; летний; летом’, *сйзыл* ‘осень; осенний; осенью’, *тол* ‘зима; зимний’.

тулыс:

Яратон – со, пе, яркыт тылын гомась сюлэмъёс, чыдонтэм тулыс, чагыр уйёс, учы гуръёс, паймымон чебер дунне [Панфилова 2008: 34]. ‘Любовь – это, дескать,

обжигающим пламенем пылающие сердца, незабываемая **весна**, голубые ночи, трели соловья, неопишимо красивый мир’.

Тулыс кизёнмес, миым сярсы, дас нуналлы вазьгес быдестім, пе [Архипов 1985: 128]. ‘**Весеннюю посевную**, по сравнению с прошлым годом, говорит, закончили на десять дней раньше’.

Тулыс юг-юг төдбьы яблук сясыка пöлысь кылйськоз вал солэн куараез, яке шур дурсысь вож-вож сутэрпу пöлысь адскылоз вал төдбьы йырсиё йырыз [Архипов 1985: 67]. ‘**Весной** слышался было ее голос из белых пребелых яблоневого цвета, или показывалась ее голова с белыми волосами из зеленых зарослей смородины, растущих у речки’.

гужем:

Нюлэс нушкысь быдэс гужем утчай чебер кылъёс, веран понна тыныд [Камашева 2014: 4]. ‘Целое **лето** в лесу искала красивые слова, чтобы сказать тебе’.

Тодйськод на-а, гужем садын асьмеос опретта учким, одйг актриса туж усто кырзас [Гаврилов 1982: 89]. ‘Помнишь ли еще, когда в **летнем саду** смотрели оперетту, одна артистка очень хорошо пела’.

Котькыче меч гурезь йылысь салазкиен кышкатэк нискылтылйз, гужем, пиослэсь пичи но бере кылытэк, кызэ тубалляз но куака каръёсты октылйз [Гаврилов 1982: 564]. ‘С любой крутой горки на салазках без страха скатывалась, **летом**, нисколько не уступая мальчишкам, забиралась на ель и разоряла вороньи гнезда’.

сйзыл:

Ортчиз сйзыл, ортчиз тол, вуиз тулыс [Архипов 2005: 24]. ‘Прошла **осень**, прошла зима, наступила весна’.

Со кустын сайкыт сйзыл омыретй шөдтэк шорысь чузьяськиз духовой оркестрэн шудэмез, барабанъёсы шуккем куара [Архипов 2005: 67]. ‘В это время в прохладном **осеннем воздухе** неожиданно прозвучали звуки духового оркестра, удары барабанной дробы’.

Сйзыл, луд эзегъёс кошкыку, солэн мылкыдыз секыт луылоз вал [Архипов 1963: 141]. ‘**Осенью**, когда улетают дикие гуси, ее настроение особо грустным становилось’.

тол:

Кöня ке тол чöже ини Жакыез нюлэскысен лесник син азысьтыз лэзытэк сямен возе вал, мукетъёс доры сярсы, ужан интыяз но чөмгес кожалля, юрттйськылэ но, лыдпусъёссэ но будэтъялля [Чернов 1989: 68]. ‘Вот уже несколько **зим** подряд лесник Сойку под пристальным вниманием держит, по сравнению с другими, на ее рабочее место чаще заходит, помогает и показатели прибавляет’.

Тол каникулозь Павел нош ик бертаны öз пöрмыты: каникулэз дыръя бертйз но, пумитаз шедем зеч мурт урамысен ик солы шуиз: Виль ар, пе, Жакылэн сюаназ шулдыръясыкыса, татчыозь йыр жонгетэ на [Чернов 1989: 93]. ‘Вот опять у Павла до **зимних каникул** приехать домой не получилось: во время каникул вернулся и попавшийся навстречу на улице хороший человек сказал: с Нового года, говорит, веселясь на свадьбе у Сойки, до сих пор голова гудит’.

Следует отметить, что значение «зимой» передается с помощью слова *толалтэ*, форма тол для передачи не используется:

Толалтэ ортчем съезд бере улон чутрак воитйськиз шуизы бере, мон малпасько вал, вильдйськем яке вильдйськыны кутскем гуртам бертйсько [Пукроков 1997: 146]. ‘Раз сказали, что **зимой** после прошедшего съезда жизнь кардинально поменялась, я думал, что возвращаюсь в обновленную, или начавшую обновление деревню’.

В Русско-удмуртском словаре [РУС 2019] так же можно встретить слова, которые можно отнести к исследуемой группе: *пöсь* ‘жара; жаркий; жарко’, *шунит* ‘теплота; теплый; тепло’, *кезыт* ‘холод; холодный; холодно’, *югыт* ‘свет; светлый; светло’,

пеймыт 'темнота; темный; темно', кӧс 'сухость; сухой; сухо' и др. Нужно отметить, что существительные, составляющие лексико-грамматическую недифференцированность с прилагательными и наречиями, обозначают главным образом абстрактные понятия, чаще качество, свойство.

Таким образом, функциональные омонимы, обозначающие природные явления в удмуртском языке, могут выступать в значении разных частей речи без изменения своей основы. Определяющим моментом является синтаксическое положение слов.

1. Архипов Т. А. Лудзи шур дурын. Устинов: Удмуртия, 1985. 524 с.
2. Архипов Т. А. Ортчеменьз пумиськон. Ижевск: Удмуртия, 2005. 280 с.
3. Гаврилов И. Г. Вордйськем пальёсын. Ижевск: Удмуртия, 1982. 736 с.
4. Дуйсенбина А. Т. Когнитивно-семантическая природа конверсивов в казахском и немецком языках. Алматы, 2010. 25 с.
5. Камашева Е. В. Улонэти – паськыт уробоен. Ижевск, 2014. 36 с.
6. Панфилова Е. В. Мумы. Ижевск: Удмуртия, 2008. 64 с.
7. Пукроков Ф. П. Кизили ныл. Ижевск: Удмуртия, 1987. 312 с.
8. РУС – Русско-удмуртский словарь: В 2 т. Т.1 (А–О). Л. М. Ившин, С. А. Максимов, О. В. Титова, Л. Е. Кириллова, Л. Л. Карпова, Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, А. А. Шибанов; УдмФИЦ УрО РАН. – Ижевск, 2019. – 936 с.
9. РУС – Русско-удмуртский словарь: В 2 т. Т.2 (П–Я). Л. М. Ившин, С. А. Максимов, О. В. Титова, Л. Е. Кириллова, Л. Л. Карпова, Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, А. А. Шибанов; УдмФИЦ УрО РАН. – Ижевск, 2019. – 1016 с.
10. Чернов П. К. Тулысысен сйзылыозь. Ижевск: Удмуртия, 1989. 384 с.

Buranshina L.R.

The use of computer technologies in self-study of foreign languages by students

*Ufa University of Science and Technology
(Russia, Ufa)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-177

Abstract

This article delves into the topic of the use of computer technologies in self-studying a foreign language by students. This study aims to identify various modern technologies such as language learning apps, online courses, audio and video materials, their impact on the effectiveness of self-learning a foreign language. The article also analyzes the advantages of using information technologies in education. This work utilizes general scientific research methods, which include abstraction and study of the advertising literature as well as the method of analysing and processing information.

Keywords: self-study, foreign language learning, computer technologies, language learning apps, online courses, advantages of online-education.

Аннотация

В этой статье рассматривается тема применения информационных технологий в самостоятельном изучении иностранного языка студентами. Она рассматривает различные современные технологии, такие как приложения для изучения языков, онлайн-курсы, аудио и видео материалы, их влияние на эффективность самообучения иностранному языку. Статья также анализирует преимущества использования информационных технологий в образовании. В этой работе используются общенаучные методы исследования, которые включают абстрагирование и изучение рекламной литературы, а также метод анализа и обработки информации.

Ключевые слова: самостоятельное обучение, изучение иностранных языков, информационные технологии, приложения для изучения языков, онлайн курсы, преимущества онлайн-обучения.

Today, independent learning of a foreign language is becoming more and more popular among students due to the availability of computer technologies. It provides an opportunity to study at any convenient time, to choose appropriate materials and teaching methods, and also increases motivation for language learning. The role of computer technology in education is becoming increasingly important, especially in the context of foreign language learning.

The term "computer technologies" was first introduced by Viktor Glushkov. He gave the following definition to this concept: "Computer technologies are processes related to information processing" [4,70]. So, information technologies have always been used, because learning is related to the transfer of information from a tutor to a teacher or a student.

There are a variety of educational tools that utilize information technology, such as computer-based learning programs, e-textbooks, multimedia applications and distance learning courses. Computer-based training programs are programs that help to achieve certain learning objectives in various academic disciplines. They include various materials such as texts, definitions, theoretical materials, graphics and test questions [5, 79].

One of the key characteristics of computer-based learning programs is their ability to manage learning, monitor students' progress, provide counseling, and give reference information. Computer-based testing programs allow to monitor students' knowledge and analyze their answers [2, 69]. Electronic textbooks present educational material in full in various disciplines.

"Multimedia technologies make it possible to present any information in the interaction of various forms (such as text, animation, images, video and sound files simultaneously)" [6, 9]. The use of computer networks such as the Internet, e-mail and teleconferencing opens new perspectives for education, especially in the field of distance learning and open education.

Individualization of foreign language learning on online platforms is one of the key advantages of using information technologies in education. This approach makes it possible to adapt the learning process to the individual needs, knowledge level and learning pace of each student.

There are several main aspects of personalizing learning on online platforms:

1. Adaptive courses and materials
2. Assessment of learning levels
3. Flexible learning schedule
4. Feedback and progress monitoring
5. Choice of learning methodology

In addition, an important advantage in online learning is interactive methodologies. Interactive teaching methods are an approach to the educational process that emphasizes the active participation of students in the learning process, interaction with the learning material and other participants in the learning process [1, 46]. These methods are aimed at creating conditions for deep understanding of educational material, development of critical thinking, communication skills and independence of students.

Interactive teaching methods can include various forms of work, such as group projects, discussions, games, cases, role-playing games and others. They contribute to the development of students' key competencies and create a stimulating and interesting learning environment.

Online resources for learning a foreign language provide a wide range of features that help learners develop language skills more effectively [3,154]. The following are the main functionalities of such resources:

1. Courses: Online platforms offer structured lessons and courses that help learners learn a language from beginner to advanced levels. The learning materials include various video lessons, audio files, texts, exercises and tests.

2. Interactive Exercises: Online resources offer a variety of interactive exercises such as word memorization tests, grammar exercises, listening and reading exercises with follow-up assignments.
3. Audio and Video Materials: With the help of audio and video materials, students can improve their listening comprehension skills as well as their understanding of pronunciation and intonation.
4. Online Testing: Various online resources offer tests and assignments to test students' knowledge and assess their progress. This helps them to assess their level of language proficiency and identify weaknesses.
5. Mobile Apps: Many online resources have mobile apps that allow learners to learn the language anytime and anywhere using a smartphone or tablet.
6. Communication with native speakers: Some platforms provide the opportunity to communicate with native speakers through chat rooms, forums, or online tutorials with teachers.
7. Personalized Approach: Many online resources use machine learning algorithms to create a personalized approach.

There are many programs and applications that help you learn foreign languages efficiently and conveniently. The most popular programs and applications for learning a foreign language include Duolingo, Rosetta Stone, Babbel, Memrise, HelloTalk, Anki, Busuu. These digital tools tailored for reading, writing, grammar, and vocabulary classes have demonstrated the ability to facilitate personalized learning experiences and meaningful interactions, thereby supporting the development of linguistic competencies and learner engagement. However, the lack of communicative practice, such as spoken conversation in a cultural context and emotional support, remains a notable drawback.

Overall, the use of modern technologies in teaching a foreign language represents a promising direction for enhancing language learning experiences. The efficiency of the tools, mentioned in the article, in saving time and providing an opportunity for cultural and creative learning experiences has been well-received by students, indicating its value in augmenting traditional teaching methods. Thus, digital forms of teaching foreign languages offer a blend of traditional teaching methods with the innovative capabilities, providing a more engaging, personalized, and efficient learning process for students. The very research supports the effectiveness of modern technologies in language learning and their potential to revolutionize language pedagogy.

1. Brown, K. (2019). Effective Strategies for Self-Study Language Learning. *Language Education Journal*, 15(2). P. 45-58.
2. Varukha I.V., Davletbaeva A.F. Information technologies on philological specialties // Peer-reviewed scientific journal "Tendencies of Science and Education Development". April 2022 № 84, Part 4 Izd. SIC "LJurnal", 2022. - C. 68-70. DOI: 10.18411/trnio-04-2022-158.
3. Varukha I.V., Shamsutdinova Y.H. Teaching speaking in English in online format // Language units in the light of modern scientific paradigms: Proceedings of the VII All-Russian scientific-practical conference with international participation (Ufa, December 16, 2022) / editor R.A.Gazizov. - Ufa: RIC UUNiT, 2022. - C.153-158. DOI: 10.33184/yevsnp7-2022-12-16.22
4. Garcia, M. (2018). The Impact of Online Language Learning Platforms on Student Motivation. *International Journal of Applied Linguistics*, 12(3). P 67-79.
5. Marasulova Z.A., Rasulova G.A. Information resource as a factor of integration of models and methods // Reviewed scientific journal "Vestnik KRAUNTS". Kokand., 2014. P. 75-80.
6. Urazmetova A.V. The functional potential of audio guides // *Philology: scientific research*. 2021. No. 10. pp. 1-9. DOI: 10.7256/2454-0749.2021.10.36496 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36496

Gazizova E.F.

Toponyms in English phraseological units

*Ufa University of Science and Technology
(Russia, Ufa)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-178

Abstract

The article is devoted to the study of toponyms in English phraseology. The characteristic features of English people are highlighted and described using idioms with a toponym component. Geographical names as a guardian of culture and history convey the specifics of the mentality of English people and English speakers.

Keywords: toponym, phraseological unit, mentality, toponymic component, oikonyms.

Аннотация

Статья посвящена изучению топонимов в английской фразеологии. Выделяются и описываются характерные особенности английских народов с помощью фразеологизмов с компонентом-топонимом. Географические названия в качестве хранителя культуры и истории передают специфику менталитета английских народов и англоговорящих людей.

Ключевые слова: топонимы, английская фразеология, менталитет, топонимический компонент, ойконимы.

Toponymy is a branch of linguistics that studies the history of creation, transformation and functioning of geographical names [3, p.7]. In order to remain in the memory of people many toponyms in the process of historical development have become part of phraseological units and full members of their semantic structure [1]. This is not a particularly new using toponyms in phraseology and has been used for many years in the field of lexicology. The main practical problem that confronts linguists is how phraseological units with a toponymic component characterize English people. Only a few studies have shown a connection between toponymic idioms and descriptions of people. The standard solution to the problem is based on the consideration of idioms with signs describing the character and behavior of people.

The study of the nature of toponyms in phraseological units contributes to a deeper understanding of how the identity, history and culture of the people are reflected in the language [2].

V.V. Katermina supposes that a toponym, when used in phraseology, acts as a national and cultural element that helps to identify the characteristics of a particular people, a specific type of linguistic identity, because toponyms contain information about history, ethnography, and the national character, that is, everything that constitutes the essence of the culture.

There are several techniques that have been developed to solve this problem such as working with a dictionary and the continuous sampling method. In accordance with the purpose of this article 50 phraseological units with a toponym component were selected using a continuous sampling method.

The selected idioms represent:

- a. person's appearance
Long Man of Wilmington - "a very tall man" (Wilmington is the city in the USA), *as big as Dorchester butt* - "overweight, obese" (Dorchester is a trading town in the English county of Dorsetshire, on the River Frome) [4, p.78];
- b. manner of speech
to talk United States - "speak with an American accent; in American English", *a bull of Bashan* - "about a tyrant, a despotic man with a very loud voice" (Cattle breeding was developed in Bashan. Perhaps this expression is the result of the contamination of two biblical images), *have a voice like a Norway bull* - "have a loud and roaring voice";

- c. gait
to walk like Virginia fence – “to walk unsteadily” (in the American state of Virginia, fences were previously built, famous for their curvature);
- d. the temperament of a person
as valiant as an Essex lion - “timid” (Essex is a county in the south-east of England famous for its calves), *as true as Ripon steel* - “reliable, faithful, truthful” (Ripon is a city in England where steel mills are located), *to grin (smile) like a Cheshire cat / someone has a Cheshire cat grin or a Cheshire cat smile* - “smirking, smiling all over your mouth” (Cheshire is a historic and ceremonial county in the west of England) [4, p.67,85,114];
- e. health
Most of all, there are phraseological units with toponyms that represent bad habits such as drunkenness: *lit up like Broadway (Main Street)* - “drunk as a skunk”, *Kentucky tried* - “a drunk man”, *to put on the Suffolk market* - “being drunk”. *Tom/Bess o’Bedlam* - “crazy” (Bedlam is the St. Mary of Bethlehem Hospital in London);
- f. financial situation
This group contains phraseological units that reflect both the material well-being of a person and his absence: *as poor as the Bishop of Chester* - “immensely rich” (The expression is an antiphrasis, implying a completely opposite meaning. It is believed that the bishop from Chester, county city of Cheshire, cannot be poor), *on Easy Street* - “to live in comfort, to be financially independent”, *poor as Crowsborough* - “very poor, a beggar”, *on the high-road to Needham* – “To be on the brink of ruin, bankruptcy”;
- g. mental characteristics
as fond as folks of Token - “very stupid”, *to be born in Trumplington* - “being a fool” (Trumplington Street is probably the ancient name of modern Rock Street), *as dull as a Dublin University graduate* - “dumb as a graduate of Dublin University”;
- h. attitude towards yourself and other people
to carry coals to Newcastle – “doing a pointless thing” (Newcastle is the center of the coal industry in England), *Norfolk turkey* (a playful nickname for someone who is from or lives in Norfolk County), *like the mayor of Calenich who walks to miles to ride one* – “about those who overly try to maintain a high public opinion of themselves”;
- i. labor activity
This group contains phraseological units that designate a person as a subject of labor and professional activity: *work like a Trojan* – “to work hard” (The inhabitants of Troy were a hardworking people), *ascend Parnassus* – “Become a poet” (mount Parnassus in ancient Greece was considered the seat of the Muses), *Grub street hack* – “the craftsman of the pen”. There are also phraseological units that describe the peculiarities of the work of people in English-speaking countries: *Yarmouth mittens* – “overworked hands” (At the fishing enterprises in the English port town of Yarmouth, workers worked long hours, from morning until night. They were given special gloves to help protect the skin on their hands).
- j. patriotism
This group demonstrates how representatives of English-speaking culture express their love for their country: *Channel fever* – “homesickness”, *to be born within the sound of Bow bell* – “to be born in London”.

Each ethnic group has its own set of moral and ethical qualities, which are especially appreciated and emphasized. The opposite features are usually condemned in various

phraseological expressions. People who violate the rules of conduct are condemned and given non-encouraging names. The analyzed examples allow to conclude that phraseological units with a toponym component more often represent the negative features of a person than his positive sides.

It should be noted that a phraseological unit with a proper name component is a way to emotionally and sensuously realize reality and express the national identity of a people within the language system.

It is worth noting that proper names of localities predominate among other toponyms, as they perform not only a nominative function, but also an address function. In this regard, phraseological units with an oikonym component are much more common than other toponymic idioms. This is also due to the fact that historically the exploration of area and moving in it is vital for people. The place where a person and his close environment live, a place that is associated with daily activities, is an integral part of human life. It is in this space that cultural values and the national mentality of native speakers are formed.

Thus, in this article, phraseological units with a toponym component that have an estimated value have been considered. English phraseological units were formed on the basis of cultural, historical and other associations. The toponym in the phraseological units is endowed with national and cultural features, since a "piece" of the surrounding reality is transmitted through the toponym component. Phraseological units, which include a toponym component, can characterize both the material and spiritual world of a person.

1. Kalinina S.A. Toponymic phraseological units of modern english as signs of material and spiritual culture <https://cyberleninka.ru/> .
2. Saduov, R. T., Varukha, I. V., Ganeeva, E. R., Timerbaeva, E. I. (2022). Multilingualism and identity in the visual space: linguistic landscape in the urban periphery. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(11), 1637–1654. DOI: 10.17516/1997-1370-0942.
3. Superanskaya A.V. General theory of proper names. – Moscow, 2007. – p. 7
4. Urazmetova A.V. Dictionary of phraseologized toponyms: English and French. – Ufa, 2009. – pp. 67-122

Gilmanova A.A.

The Passive Voice in Official Documents

*Ufa University of Science and Technology
(Russia, Ufa)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-179

Abstract

The article focuses on exploring the application of the passive voice in formal writings, including legal documents, contracts, and administrative papers. It examines the factors contributing to the widespread use of passive constructions, highlighting their significance in fostering a formal tone. The article includes examples from actual documents and discusses how the use of the passive voice influences the interpretation of information.

Keywords: passive voice, documents, legal documents, writing, passive construction.

Аннотация

Статья посвящена изучению применения страдательного залога в официальных документах, включая юридические документы, контракты и административные документы. В ней рассматриваются факторы, способствующие широкому использованию страдательных конструкций, подчеркивается их важность для обеспечения формального тона. В статье приводятся примеры из реальных документов и обсуждается, как использование страдательного залога влияет на интерпретацию информации.

Ключевые слова: страдательный залог, документы, юридические документы, письменность, пассивная конструкция.

The use of passive voice is a widespread grammatical occurrence in English. «The degree of investigating of this branch of linguistics has a lot of issues, which demand a detailed analysis and comprehensive consideration based on varied language material» [1, p. 198]. Passive constructions often feature non-human nouns as their subjects, they convey a sense of impersonality and objectivity. The language of legal texts is marked by gravity, impartiality, and fairness. The characteristics of passive voice align well with these attributes of legal English, making it a frequently employed structure in this context. It is observed that legal documents, known for their authoritative nature, also include a significant number of passive constructions. Consequently, understanding the translation of passive voice is vital for accurately translating legal documents [2, p. 29].

Legal writing requires the development of clear language that effectively communicates complex concepts and arguments, «avoiding overly evaluative language and emotional expressions, as they can reflect the subjectivity of the speaker» [4, p. 139]. This grammatical structure involves a scenario where the subject of a sentence is acted upon rather than executing the action itself. Recognizing the appropriate contexts for utilizing passive voice in legal documents enables attorneys and legal practitioners to produce compelling and impactful writings.

The primary purpose of employing a passive construction in legal texts is to provide they are composed in an impersonal and objective manner. There are established linguistic conventions developed for these specific documents.

In legal English, nouns are often intricately modified, which leads to a frequent use of non-finite postmodifying clauses, found in both active and passive forms. The verbal groups used in legal language are distinguished by a significant presence of non-finite forms and a considerable number of finite verb forms that typically consist of a modal auxiliary (commonly shall) + BE + past participle.

An essential aspect is highlighted in this assertion: this modal auxiliary is consistently utilized to indicate the mandatory outcomes of legal decisions. In legal documents, this characteristic frequently appears to convey actions that must be undertaken in accordance with the provisions or directives outlined within the text. This construction is applicable to a wide range of documents written in an administrative manner, including not just legal papers, but also contracts, directives, agreements, and public announcements.

Another commonly employed structure within these documents involves past participles that are recognized as passive verb forms, which reference another section of the text: phrases like '*as mentioned earlier*', '*as detailed in*', '*as published in*', and '*as specified in section*' are typical examples. Such references are prevalent in lengthy and complex documents, which is why they tend to be repeated throughout the text.

There are three problems with using the passive voice. The first problem is adding unnecessary words (e.g., *The deadline was missed by the applicant*). The second one is that it fails to say squarely who has done what if the unnecessary words are avoided. It is possible to avoid the agent, however, it is the prime source of unclarity (e.g., *The deadline was missed. Who missed the deadline?*). By- phrase is necessary to show the actor. The third problem is when the passive subverts the normal word order for an English sentence thus making it harder to process the information (e.g., *The award was given to the students last night by the president*). It is better to avoid the passive voice when possible. Active voice saves words and it says directly who has done what (e.g., *The president gave the awards to the students last night*) [3, p. 109].

But there are situations where a passive construction in official documents is necessary and it is best to use it instead of an active voice. In the context of legal writing, employing the passive voice can fulfill several key roles:

- emphasising objectivity; utilizing the passive voice facilitates an impartial tone by separating the author from the actions. This technique is particularly beneficial in legal documents, where impartiality is highly valued.

For instance: *The agreement was executed by both parties.*

Compared to: *Both parties executed the agreement.*

- shifting attention from the actor to the action; in legal contexts, it may be more vital to concentrate on the act rather than on the individual performing the act. The passive construction allows for redirecting emphasis to the action itself.

For instance: *The plaintiff sustained injuries in the incident.*

Compared to: *The defendant's carelessness resulted in the plaintiff's injuries.*

- avoiding responsibility; while its use might not always be suitable, the passive voice can occasionally help in legal writing to sidestep responsibility.

For instance: *Errors occurred.*

Compared to: *We committed errors.*

- maintaining confidentiality; sometimes, it may be necessary to protect the identities of individuals or organizations involved in a case. The passive voice can be used to avoid revealing sensitive information.

For instance: *An agreement was achieved between the parties.*

Compared to: *The plaintiff and defendant came to an agreement.*

Careful consideration should be given to the use of the passive voice, ensuring its application serves a distinct purpose in legal writing, as excessive use may lead to unclear and less engaging text.

Quantitative analysis of the passives. The analysis showed that 937 transitive verbs were used in ten official articles of The New York Times. 102 transitive verbs (10.88%) were used in the passive voice. 60 passive structures (58.82%) were formed with the auxiliary verb *be* and a past participle form of the verb. Out of sixty passive structures agent was overtly expressed in 12 examples. There were 16 adjectival passives (15.68%). 22 passive structures (21.56%) did not contain auxiliary verb, they are formed with non-finite verb phrase, and are termed bare passives. Out of 22 bare passive structures 10 had overtly expressed agent. There were three prepositional passive structures (2.94%), one had overtly expressed agent, and one passive structure was formed with the verb *get* (0.98%). Altogether there were 24 long passive structures, (23.52%) i.e. agent is overtly expressed in those examples [3, p. 113].

Therefore, although the passive voice is used in articles, it is not dominant. When the passive voice is used, it often focuses on the action itself, and not on the one who commits it, as previously written.

The analysis of passive structures in formal documents highlights their important role in delivering information in a formal, objective, and impersonal style. Although the passive voice is not inherently more effective than the active voice, its distinctive characteristics render it particularly appropriate for official communications.

In official documents, legal writings, and formal statements, the passive voice is employed to promote objectivity, clarity, and to highlight actions over the individuals performing them. This construction facilitates a more impersonal tone, which minimizes the focus on personal accountability and redirects attention to the processes or results of actions.

It is important to note that the frequency of using the passive in English-language official documents may vary depending on the type of document, organization, as well as on the personal preferences of the author.

1. Davletbaeva A.F., Varukha I.V. Pragmatic component of actualization of modality and emotionality of the passive voice in Chinese and English on the material of media texts // The world of science, culture, and education. № 4(95) 2022. – С. 197-200 DOI: 10.24412/1991-5497-2022-495-197-200
2. Ma Lulu. Passive voice in legal documents. International Journal of Translation and Interpretation Studies. – China, 2023. – pp. 29-33. DOI: 10.32996/ijtis.
3. Nataša Stojan, Sonja Novak Mijić. Passive voice in political newspaper articles. International Journal of Social Science. No. 2. – Croatia, 2017. – pp. 105-115. DOI-<https://dx.doi.org/10.20319/pijss.2017.32.105123>.
4. Urazmetova A.V. The axiological aspect of toponymic vocabulary // Questions of cognitive linguistics. 2022. No. 2. pp. 138-144. DOI: 10.20916/1812-3228-2022-2-138-144

Khusnullina A.I.
Features of translating proper names into Russian

Ufa University of Science and Technology
(Russia, Ufa)

doi: 10.18411/trnio-11-2024-180

Abstract

The article is devoted to the analysis of features of translating proper names into Russian. The author considers the methods and principles of translating proper names. The article proves the idea that the translation of proper names is one of the pitfalls in the translator's work. Special attention is paid to the difficulty of translation. The opinion that proper names are translated by themselves and do not require special attention is a misconception.

Keywords: proper names, onomastics, transliteration, translation difficulties, transcription.

Аннотация

Статья посвящена анализу особенностей перевода имён собственных на русский язык. Автор рассматривает методы и принципы перевода имён собственных. В статье обосновывается мысль о том, что перевод имён собственных является одним из подводных камней в работе переводчика. Особое внимание уделяется сложности перевода. Мнение о том, что имена собственные переводятся сами по себе и не требуют особого внимания, является ошибочным.

Ключевые слова: имена собственные, ономастика, транслитерация, трудности перевода, транскрипция.

Proper names are used in all spheres of human activity, which means that they can be found in a wide variety of functional styles. The translation of proper names is one of the pitfalls in the translator's work. The translation of proper names requires special attention, as errors in the translation of proper names can lead to inaccuracies and misinformation. For example, an error in translation in an official document may even lead to a lawsuit. When translating proper names by a translator, there are very difficult tasks. It is necessary to reflect cultural and national specifics with full accuracy, to preserve the sound shell as much as possible, as well as to preserve the peculiarities of a certain linguistic landscape [3, pp. 1638]. Incorrect translation can cause distortion of names, surnames and even geographical names. Often, even the translators themselves express different opinions about the translation of proper names into foreign languages. Therefore, even a simple translation of proper names requires careful study from the translator [4, pp. 80-81]. The study of translating proper names fosters understanding and respect among different cultures. Proper names often carry significant cultural meanings, «embodying their visual representation in the entirety of cultural-historical and linguistic characteristics» [5, p. 6]. Their accurate translation profoundly influences perceptions in literature, media, and branding. As international travel and migration increase, the need for precise name translation in official documents and personal interactions becomes essential.

It is generally believed that proper names are translated automatically. As a result of this method of translation, there are many errors and inaccuracies. In some cases, the accuracy of the transmission leads to the appearance of meaningless names and titles. Many linguists have dealt with issues of onomastics, but the issue of the system of interlanguage transfer of lexical signs in this category has not been sufficiently studied by them.

We have 4 main methods of translating proper names: transliteration (literal imitation of the form of the original word), transcription (transmission of sound or language characters by a system of special signs), calcification (replacing morphemes or words), transposition (selection of names that have different pronunciation and spelling in different languages, but come from the same source). When translating proper names, pay attention to several principles. You need to

take into account the cultural specifics of the country. It is necessary to refer to reference books, encyclopedias, as well as atlases to clarify the names. When translating geographical names in which a word meaning the side of the world occurs, it is necessary to translate in a combined way (Северная Осетия – North Osetia). When translating company names, pay attention to the translation the organizational and legal forms of companies ("ООО" is translated into English as "Ltd").

It seems that the translation of proper names is a fairly easy process. The question of translating proper names today represents a large field for various studies, since it is very difficult to provide a complete list of techniques for translating proper names. The main ways of translating proper names are transcription and transliteration. The difficulty of choosing a translation method is due to the fact that the translator must convey the character of the proper name at the same time and recreate certain associations. Each translator, when choosing a particular technique, relies on his professional instinct, on the knowledge and experience gained over the years [1, p. 93].

Very often proper names have traditional correspondences recorded in dictionaries. These include the well-known New York (Нью-Йорк), Florida (Флорида), Wild West (Дикий Запад), etc. In the same cases, when it is not possible to find a dictionary match, the translator has to make his own decision about the method of translation.

The existence of the problem of translating proper names is theoretically not recognized by everyone. The researchers derive a certain set of techniques designed to translate proper names that were mentioned earlier. However, in practical terms, the problem turns out to be much more complicated. When translating a proper name into another language, you should be guided by a number of principles, but these principles cannot be followed all at once and equally. In any case, the translator needs to analyze the situation in depth and only then make a decision one of the following solutions. He can follow the tradition, and if there are several traditional correlations, it is reasonable to choose one of them or break the tradition and give a new version, taking into account any new circumstances or based on some good reasons. Some of the traditional correspondences may even be incorrect from the point of view of modern linguistics, but they are still suitable in order to avoid contradictions with the historical and literary sources.

When correctly translating proper names from English to Russian, it is necessary to follow certain rules and principles. However, these rules are conditional, since each case is different. First, you need to understand the nature of the origin of the word itself, to master a variety of delicate techniques for translating these words. The opinion that proper names are found by themselves and do not require special attention is a misconception. These words have a complex semantic structure, special forms and etymology, and when they are transferred to another language, most of these properties get lost. Therefore, you should not ignore these features in order not to get inaccuracies, discrepancies, numerous errors in the translation of texts and the use of proper names. When translating English texts in writing, problems often arise with the correct translation of proper names into Russian. Currently, most countries using Latin graphics prefer a simple transfer of the graphical form of the name without changes when translating from one language to another [2].

Translating proper names from English to Russian can be challenging due to several factors. Firstly, the phonetic differences between the two languages often result in discrepancies, making it difficult to maintain the original sound and feel of the name. Additionally, cultural connotations attached to certain names may not have direct equivalents in Russian, which can lead to misunderstandings or loss of meaning. Furthermore, some names carry historical or literary significance that may not be recognized by a Russian-speaking audience, necessitating careful consideration during translation. Another challenge is the inconsistency in transliteration practices, which can lead to variations in how a name is presented. Moreover, brand names often require adaptation to resonate with local consumers, complicating the translation process. Lastly, the context in which a name is used can influence its translation, adding another layer of

complexity. Overall, these factors make the translation of proper names a nuanced and intricate task.

In conclusion, the translation of proper names into Russian presents a unique set of challenges and intricacies that reflect cultural, linguistic, and historical considerations. Proper names, including personal names, geographical locations, and brand names, often carry specific connotations that can be lost or altered during translation. Effective translation of proper names enhances cross-cultural communication and fosters a deeper understanding of different cultures. Therefore, translators must navigate these complexities with care and creativity to preserve the original essence of these names. It is important to take into account many factors in order to preserve their unique meaning and cultural context.

1. Burkhanova, E.V. Ways of translating proper names into English, 2016. – p. 93.
2. Farrakhova, A.T. Features of the translation of proper names from English into Russian. URL: <https://scienceforum.ru/2014/article/2014007574>
3. Saduov, R. T., Varukha, I. V., Ganeeva, E. R., Timerbaeva, E. I. (2022). Multilingualism and identity in the visual space: linguistic landscape in the urban periphery. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 15(11), 1637–1654. DOI: 10.17516/1997-1370-0942.
4. Solomykina, A.S., Kashirina, N.A. Methods of name translation own on the material of American journalism – 2013. – pp. 80-81.
5. Urazmetova, A.V. The toponymic system of Great Britain: primary and secondary nomination. – Saint Petersburg, 2022. – 172 p. – DOI 10.32415/scientia_978-5-6048667-3-3.

Martynova N.A.

Brunch terminology in jurisprudence

*Oryol Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
(Russia, Orel)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-181

Abstract

This article is devoted to the study of legal terms in various branches of jurisprudence. In addition, the article contains a structural analysis of terms and structures of term formation.

Keywords: industry terminology, legal terms, linguistic education, structural analysis.

Аннотация

Данная статья посвящена изучению юридических терминов в различных отраслях юриспруденции. Кроме того, статья содержит структурный анализ терминов и структур терминообразования.

Ключевые слова: отраслевая терминология, юридические термины, лингвистическое образование, структурный анализ.

The active layer of legal terms, one of the subsystems of which is formed by the terminology of tax law, can be divided into groups and subgroups. Accordingly, from the general corpus of legal terms (or legal terms), the following groups of sectoral terms of criminal, civil, and financial law are distinguished. As part of the industry terms of financial law, a sub-branch of tax law terms (or tax terms) is distinguished, and in it there are several thematic series and microcomplexes. The entire corpus of tax law terms we have identified in Russian includes more than 900 units forming the field of tax law terms. The peculiarity of the jurisprudence of the United Kingdom and the United States lies in the undifferentiation of the concept of tax law from other branches of law. Russian tax law terminology system has 782 terminological units with 856 full and partial equivalents, which means that the elements of these conceptual fields in Russian and English do not coincide completely, but only partially. In the center of both fields is the concept of tax. The closest thing to it is the concept of collection (charge). The term

combinations such as income tax – income tax are designations of specific concepts. In general, the conceptual field of tax in Russian can be represented as consisting of three blocks: federal, regional, and local taxes. These blocks, in turn, form three thematic rows. The block "Federal taxes" includes the following thematic series: VAT, excise taxes, income tax, capital gains tax, personal income tax, state duty, contributions to state and extra-budgetary funds, customs duties and fees.

Each of the thematic series is formed on the basis of a concept that is specific in relation to the generic concept of tax, but in relation to the members of this thematic series acts as a central one, formed from less general and more specific concepts.

As the comparison shows, thematic groups of terms related to the conceptual field of tax in both languages function simultaneously as lexico-thematic and lexico-semantic groups of lexico-grammatical units. Each of the units forming these fields contributes to the ordering and clarification of basic concepts.

A comprehensive interdisciplinary approach to the study of terminologies involves the study of their formal (structural-linguistic) and semantic characteristics. The following formal linguistic characteristics are presented in the English and Russian terminological systems of tax law:

The terms of law are formed in both languages by synthetic and analytical nomination. These are terms-words and term combinations (mostly attributive). Quantitatively, English single-word terms account for 38% (charge – fee, payment – payment, legislative – legislative, uncontested – indisputable, taxpayer – taxpayer); Russian – 43% (tax, license, declaration). Russian is dominated by nouns among the different parts of speech in both terminological systems (93% in Russian, 81% in English), followed by adjectives and verbs (6% in Russian, 17% in English), the remaining parts of speech (about 1% in Russian, about 2% – in English). The large proportion of nouns in the Russian language is largely due to the stricter requirement of subject nominativity. A large number of adjectives in English can be explained by the fact that, due to the diffuse meanings of English nouns, they are more often modified in speech.

Russian-language terminology is divided in the same way as in English into:

1. single words; very few simple words – less than 1%. The rest are derivative and complex: mortgagor, legislation, counterfeiting, invoice – 44% ; phrases: legal entity, investment tax credit, act as a guarantor, failure to submit a tax return - 56%;
2. Prepositional constructions, compositional constructions and, including transliterated versions of English-language terms and phrases: leads and lags – acceleration/delay of calculations, without rights – " 1%.

A comparative component analysis of the meanings of tax law terms revealed the following interlanguage correlations:

I. Full equivalents. These include:

1. simple words-terms – equivalents or full correspondences: tax – tax, Customs – customs, arrests – arrears, excise – excise;
2. Derivative and compound words – equivalents: taxation – taxation, recovered – levied, lawfully – legally.
3. Terminology: rights and duties of tax payers – rights and obligations of taxpayers, tax violations – tax offenses, differentiated rates of taxes – differentiated tax rates, tax on revenues from capital – tax on capital income.

II. Partial equivalents.

Partial equivalents include polysemous words that coincide in one of their several meanings, for example: suit – claim; duty – duty; treasury – treasury. Incomplete equivalents are terms between which it is possible to note the absence of either structural, semantic, or structural-

semantic identity, for example: desk check – in-house tax verification, on-site tax check - on-site tax verification. These nominations are not identical both structurally and semantically.

Partially equivalent terms: payment order – authorization for payment, unwritten law – unwritten law (legal custom), private attorney – an individual acting by agreement of another person.

III. Non-equivalent terms. Equivalent term units include those that denote realities that are absent in the vocabulary of another country, for example: replevisor, writ of assistance; lifting.

In general, the incomplete semantic equivalence and lack of equivalence of terms in the field under consideration is caused by the following reasons:

- differences in the compatibility of components of analytical nominations, for example: causal transaction – contract with consideration, on-site tax audit - on-site tax verification.
- using different types of nominations in the compared languages to designate one concept: power of attorney – a power of attorney, deferral – a deferral payment (system), assignment – assignment of a claim.
- the lack of an appropriate reality in one of the compared languages, for example: replevisor – the plaintiff in a claim for the return of possession of a movable thing, writ of assistance – an executive court order for taking possession.

A special case is represented by term units correlated with one concept, but denoted in the compared languages by words with different volumes and different types of meaning. Thus, the Russian-language nomination "conflict of laws norm" corresponds to the term "conflict rule" in English.

There are two opposite trends in the word-formation sphere of tax terminology in both languages. The tendency to increase the length of phrases is caused, in our opinion, by the desire for the accuracy of the expression of the concept. The tendency to save language resources is manifested in the creation of new terms-words.

One of the productive methods of identifying the conceptual content and interpretation of the meanings of terms is semantic and definitional analysis. From the point of view of linguistic theory, which considers the concept designated by the term as its meaning, it is semantic and definitional analysis that is a means to represent the conceptual content of units of special vocabulary.

Words and expressions correlated with the situation in which the legal characteristics of the participants are realized form the so-called "factual dictionary" (Explanatory Legal Dictionary, 2000). Belonging to a factual dictionary defines the basic conditions for the use of the term: a clear limitation of the scope of its application and the exact ratio of the word and the object of reality displayed by it. However, these signs do not correspond in any way, first of all, to basic legal terms, including nominating basic fundamental legal concepts such as state – state and state, law – both law and law. In linguistics, linguoculturology and jurisprudence, different ways of ordering and systematizing terms are proposed. One of them is to change and supplement some articles in special terminological and explanatory dictionaries, articles of which are devoted to words, homonymous terms. These articles should be constantly updated, taking into account the time factor and the specifics of the situation in the field of tax law.

Russian terms that do not have full equivalents into English are widely used to vary the structure of the translating terminological categories (Russian word → English word/phrase) or paraphrasing. However, there are no clear rules here.

Each language reflects the specifics of the relevant legal system. [1] The variety of approaches to the perception of the system of language, first of all, testifies to the complexity, multidimensionality, complexity, inconsistency and variability of the language system itself, its levels and units. Practical activity on the creation of terms takes place in the process of the development of the material and spiritual culture of peoples. "The history of terminology in any

sphere of science, culture, or industrial activity is at the same time a story about the patterns of development of knowledge about nature and society.” [2]

Terminology is the basis of the language of science. The analysis of the laws and peculiarities of terminology development is the primary task of terminology as a science, since “without this, modern terminology is in danger of becoming a purely descriptive science, fixing certain aspects of the layers of special vocabulary.” [3]

The strengthening of interstate relations determines the importance and relevance of the problem of unification of the terminology of the legal language. This is confirmed by the intensification of economic ties and the need for their equal interpretation by participants in business communication: business representatives, legal professionals and ordinary citizens. The issue of interlanguage unification of terminology is inextricably linked with the linguistic problem of its improvement through the use of interlanguage equivalents, stereotypical phrases and expressions, as well as comments on legislative acts in the form of detailed definitions of non-equivalent terms.

The study showed that the systematization of tax law terms is often hindered by the lack of clear definitions of the terminological meanings of polysemous words. So, the word tax in A. S. Hornby's dictionary has 4 interpretations, tariff – 2, the concept of tax collection is designated in English as both taxation and rating. The situation is even more difficult with such a concept as a trademark, which is equivalent to the terms trademark, trademark, brand.

Although one of the main features of the term in linguistics is its unambiguity, in practice texts containing tax law terms can be ambiguous; the presence of several definitions of the term leads to vagueness, vagueness of legal regulation, generates misunderstandings and errors.

There are no one-word terms in the Russian language to denote such special concepts as "failure to submit ... within the deadline established by the legislation on taxes and fees for filing a declaration to the tax authority", "in the absence of signs of a tax offense", "the amount to be paid (surcharge)". The use of expanded definitions instead of one-word terms usually significantly overloads the scope of the statement and makes it difficult to perceive it.

In linguoculturology, it is customary to consider terms as units of language for special purposes, as well as business style texts in general in their correlation with reality, with the "expectations" of the recipient. The peculiarities of the form and meanings of the terms that form and replenish the subsystems of tax and tax legal terminology in Russian and in English depend on many dynamic socio-cultural processes that determine the formation of the state, the development of economics and finance, and also entail a change in the state structure.

The results of the long and complex evolution that the concept of taxes and fees has undergone in both Russian and English-speaking societies confirm the thesis of the inseparability of the processes of language and culture development, and in this particular case, the development of the state and the taxation system. The English-language tax terminology has the following etymological composition:

1. borrowed words, semantic tracing papers and words formed on the basis of borrowed elements (tax, legislation, budget, customs, bank) - 88%;
2. native vocabulary (right, duty, law, set-off, deal) - 12%.

The majority of borrowings ("82%) have Latin and French roots. Single borrowings came from Italian (bank), Arabic (tariff), Scandinavian languages (bond). Assimilated borrowings from the Russian language were not found in the examined material.

Etymological composition of tax terminology in Russian:

1. borrowings, foreign language inclusions, words based on borrowed roots - 79% (act, body, legal, excise, license);
2. native vocabulary - 21% (tax, fee, legislation).

About 75% of borrowings are terms from Latin and Greek (credit, economics), about 25% are borrowings from English (forfeiting, leasing, hedging), French (finance, control, quotes), German (promissory note, exchange, fine), Italian (currency, collection), etc. The main

part of the new terms borrowed in the 20th - 21st centuries comes mainly from the English language.

The main semantic feature of the tax terminology of the Russian language, which distinguishes it from the English language, is the heterogeneity of its composition. It includes two semantically and etymologically different layers: the preserved part of the vocabulary of the old economic system (until the early 90s of the XX century) are terms expressing universal legal concepts (authority, code, jurisdiction) and the vocabulary of the new economic formation (factoring, overdraft, deflator).

The concept of taxes and fees both in Russia and in English-speaking countries has undergone a long and complex evolution, which once again proves the correctness of the conclusion about the inseparability of the processes of state development and taxation. During the formation of legal concepts, which include the concept of tax, there is a distraction from all the features of individual subjects belonging to the same class, and something common to them is highlighted. This process ends with the nomination of a special concept. The formation of the conceptual content of taxation terms is based on the understanding of social reality and the formation of national-specific social structures.

The commonality in the formation and development of the Russian-speaking and English-speaking terminological systems of tax law lies in the common component of the basic concept of tax, and the differences are determined by:

1. Sources of law;
2. institutionalization of the concept of the communicative situation of taxation (collection and payment of taxes); concepts of the status of participants, their roles (tax duties and tax control), intentions, goals and means used;
3. General provisions on law and differentiation of the concepts of law and offense;
4. different differentiation of taxes, carried out in different ways in each individual state;
5. the specifics of the formation of the tax regime and its differentiation.

The interlanguage similarity of the terms-words and term combinations of the systems under consideration is manifested in the use of the most recurrent methods of word and phrase formation for each language. The greater number of borrowings in this system of English compared to the Russian language is explained by the specificity of its vocabulary, the formation of which has been influenced by several foreign sources for a long time. Historically, the formation of tax terminology in the Russian language has been carried out mainly at the expense of the fund of native vocabulary, but currently it is under the noticeable influence of foreign terminologies, primarily English-speaking.

The borrowing of foreign tax terminology in both languages is subject, as in other areas, to both purely linguistic and extralinguistic (cultural and pragmatic) factors. The main socio-cultural factor of borrowing into the Russian language is the economic and legal transformations carried out in Russia. A significant role is played by the processes associated with its entry into the international economic, political and legal field, in which English is a means of international communication.

A comparative study of the functional and communicative characteristics of the terms under consideration showed the following.

The communicative environment in which the conceptual content and functioning of tax law terms are formed is mainly the sphere of business communication represented by special texts. In the scientific field, the terms in question are used in the texts of monographs, dissertations, articles and reports. In the field of practical activity, codes, laws, by-laws, resolutions, office documentation and business correspondence between legal entities and individuals and fiscal authorities (including representatives of the tax service), covering various issues of the theory of law and legal regulation, are impossible without them. The scientific and professional business environment is characterized by a special character of speech behavior of

speech subjects. The senders of special texts use terminology to describe various precedents and events both from the point of view of legal dogma and cultural tradition, and from the point of view of the expanding horizon of legal knowledge.

There are five main types of terms used in tax law texts:

1. commonly used: legislation, act, subject, rights and duties, etc.;
2. commonly used with a special meaning: treaty, code, budget, etc.;
3. special legal: procedure for the appeal (appeal procedure) bring to responsibility, lawyer, natural person, ineradicable doubt, etc.;
4. purely special, industry-specific terms of tax law related to the actions of fiscal authorities, for example: arrears - arrests, withholding – withholding, tax base – taxbase, etc.;
5. specially technical, reflecting activities in a particular field of special knowledge (for example, in the field of technology, economics, medicine, trade, etc.): economic substance (economic basis), product (products), safety precautions (safety regulations), business company (commercial organization), toxic chemicals (toxic chemicals), etc.

Along with this, terms are distinguished that denote special concepts by means that are conventionally assigned to this area: to violate the unified economic space (violate the single economic space), to create obstacles (create/repair obstacles), discriminatory character (discriminatory character), ambiguity (ambiguity), etc. These units implement both subject and evaluative components of meaning.

In legal discourse, both Russian-language and English-language tax terms function as a means of formalizing language for special purposes, thereby contributing to its institutionalization. The function of formalizing the language of discourse is realized, in particular, by such terms-words and phrases as violation of legislation – violation of legislation on taxes; excise – excise, deferral – deferral, entrepreneur (-ship), account - account. The legal text not only provides the reader with information about the society in which it is used and the rules adopted in it, but is also an important mechanism for the formation of a legal terminology system [6].

The meanings of these units in legal discourse form several semantic frames: types of taxes and fees; rights, obligations to pay taxes and fees and the procedure for their execution; forms and methods of tax control; laws and legislative acts of tax law and persons and organizations involved in its implementation.

The set of these frames and their content are determined by the represented topics and communicative-pragmatic situations. From the point of view of pragmalinguistics, the legal text has similar features to both the scientific text and the text of the instruction. The terms in the legal text contribute to the performance of informative and prescriptive functions, as well as regulatory functions, since they contribute to the establishment and maintenance of relationships – within one country or at the international level. Without generalizing the results of individual studies and attempts at their interpretation, and therefore incapable to give specialists object knowledge about the essence of terminological phenomena [7].

The attribution of nominations to terms is possible if they are used in texts that are not related to professional communication, but express some special concepts in natural language. Based on this feature, some linguists suggest replacing the conceptual dichotomy "term/non-term" traditionally used as a criterion with a "more flexible and relative concept of terminology. Terminology is a pragmatically significant characteristic of vocabulary.

1. Martynova N.A. Dependence of the construction of terminological vocabulary on the legal structure of the country (on the example of English and Russian legal terms) // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2015.No. 3 (64). pp. 193-196. E-mail: UKWPQV
2. Vinogradov, V.V. The problem of authorship and the theory of styles. - M.: Goslitizdat, 1961. - 614 p.
3. Grinev St. Introduction to terminology. - M.: Moscow Lyceum, 1993. -309 p.
4. Khasanova Z. S. Sublanguage and terminological system: correlation and specificity of terminological units [Text] / Z. S. Khasanova // Young Scientist. — 2013. — No.2. — pp. 224-232

5. Tsarev, P. V. Compound words ...; Meshkov, O. D. Word formation of the modern English language. М. : Nauka, 1976. 246 p. (or is it Ivanova, Because Foreign-language components in the word formation of Russian and English languages // Izv. Volgograd. ped. un-ta. Ser. Philology of science. 2011. No. 7 (61). p. 45.)
6. Martynova N. A. The role of terminological vocabulary in the formation of a specialist's communicative competence / Society and man. - 2014. - № 1 (7). - Pp. 67-72. editor: SAHLOT
7. Martynova N.A. Terminology as a constitutive element of a scientific text: a comparative analysis of English and Russian-language legal discourses // In the collection: Genres and types of text in scientific and media discourse interuniversity collection of scientific papers. responsible editor Pastukhov Alexander Gavriilovich. 2014. pp. 158-167. SOURCE: TKGTTV
8. Shyamli, Solanki D. "The use of technology in English Language Teaching": Analysis, Media and Culture, Volume 33, Journal of the College of Education for Women, vol. 27 (6), 2012. – 2016- 2191
9. Wright, A. Pictures for language learning. Tianjin: Nan Kai University Press, 2003.

Nizomova S.I.

The structure of the bilingual dictionary entitled as “Mirqot” by Badeuzzamon Natanzi

*SEI «KhSU named after acad. B. Gafurov»
(Tajikistan, Khujand)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-182

Abstract

The given article dwells on the issue concerned with some considerations beset with the structure of the bilingual dictionary entitled as “Mirqot” by Badeuzzamon Natanzi. It is noted that the relevant bilingual dictionary is considered to be one of the most fundamental and greatest thematic dictionaries. It is worth stressing that the relevant bilingual dictionary is known as “Sahoif” as well.

Keywords: structure, dictionary, advantages, bilingual dictionaries, “Mirqot” by Badeuzzamon Natanzi, thematic dictionaries.

Аннотация

В данной статье рассматривается вопрос, связанный с некоторыми соображениями, связанными со структурой двуязычного словаря под названием «Миркот» Бадеуззамона Натанзи. Отмечается, что соответствующий двуязычный словарь считается одним из наиболее фундаментальных и крупнейших тематических словарей. Стоит подчеркнуть, что этот двуязычный словарь также известен как «Сахойф».

Ключевые слова: структура, словарь, преимущества, двуязычные словари, «Миркот» Бадеуззамона Натанзи, тематические словари.

Introduction

It is common-knowledge that lexicography is considered to be one of the most important branches of linguistic studies, like other sciences associated with both language and literature possesses a long history. The role and status of dictionaries is great in the collection and preservation of word stock of this or that language and they are important and valuable sources aimed at the literary language preservation, living language of this or that epoch, different styles, terms related to this or that field of science, etc. The consideration of the history of Persian-Tajik lexicography shows that our lexicography is inextricably linked to Arabic ones [1; 2].

After that, for some time, the Arabic language maintained its status as the state language, the language of religion and politics. This phenomenon became the main factor in the compilation of Arabic-to-Persian dictionaries in the following centuries by Persian-speaking scholars. The beginning of this work appeared in Khorasan, and the oldest Arab-Persian cultures were created in Khorasan.

The oldest Arabic-Persian bilingual culture was established in the 5th/11th century, and until this century, the cultures that were created were mainly descriptive, thematic or branch cultures and Arabic quotation cultures. According to Abu Bakr Narshahi in his The History of

Bukhara”, the population of this region accepted Islam three times and turned away from religion three times, and it was their behavior that caused "Qutayba ibn Muslim to build a public mosque in the city of Bukhara in 94 and that place it was a shrine.

The subject and object of the corpus of our study constitutes some considerations beset with the structure of the bilingual dictionary entitled as “Mirqot” by Badeuzzamon Natanzi.

The aim of the corpus of our study includes the following items:

- to dwell on the role and place of the bilingual dictionary entitled as “Mirqot” by Badeuzzamon Natanzi in terms of its function and meaning;
- to compare the relevance of the theme explored with MTLT;
- to canvass some distinctive peculiarities of the former in question.

Scientific novelty

The given article dwells on the issues of some considerations beset with the structure of the bilingual dictionary entitled as “Mirqot” by Badeuzzamon Natanzi in Tajik linguistic studies, for the first time. It should be emphasized that all Arabic-Persian-Tajik bilingual dictionaries are of advantages to each other, for example, “Mirqot” by Badeuzzamon Natanzi in the quantity of Arabic words more useable than other dictionaries [3].

Methodology

In order to make our study convincible a visual method of research was used; at the same time, comparative-historical methods, synchronic and diachronic analysis were resorted to as well.

The main part

“Mirqot” is considered to be as one of the dictionaries belonging to the pen of Badeuzzamon Natanzi, which is also known as “Sahoif”. The relevant dictionary is mentioned in “Kashf-uz-Zunun” alongside with the letter “sod” under the title of “As-Sahoifu fi-l-lughati-l-forsiyati” and alongside with the letter “mim” entitled as “Al-Mirqot” as two separated books is presented without mention of the author [9, 1075, 1656].

This point is contrary to Alinaqi Munzavi`s words and statements, who thinks that the former in question was presented by Edgar Blosche in “The List of Manuscripts of the National Library of Paris” for the first time [9, II, 172-173] [5, 275]. In conformity with Munzavi`s opinion, the first person who attributed the dictionary to Natanzi was still considered to be Bloshe [5, 275].

An outstanding Tajik scholar - A. Hojiev also recognized it as Natanzi in his research [8, 17]. However, these researchers did not mention the fact that “Al-Mirqot” is belonging to the pen of Natanzi, because as far as we know, the name of the author did not mention in the preface of the relevant dictionary, only on the back of the copy in a Turkish-speaking man`s handwriting who owns the copy Natanzi`s name is recorded.

Perhaps this is due to the fact that the content of the preface of “Al-Mirqot” is similar to the content of the preface of “Dastur-ul-lughat” by Natanzi [9]. Another Iranian scholar - Ali Ashrafi Sodiqi, in his research entitled as “A discussion about the Arabic culture to Persian “Al-Mirqot” and its author” [9, 18-31] proved that the author of “Al-Mirqot” is not Badeuzzamani Natanzi. and it was written by an unknown author referring to the end of a. VI/XII and the beginning of a. VII/XIII centuries.

Main Results and Discussion

The mentioned dictionary is considered to be as one of the thematic ones and is organized in 12 chapters. Its first chapter is referred to as “Concerned with the Composition of Human Body and the Names of Body Parts” and covers all the words related to the human body. The other chapters of “Mirqot” have the following titles: Chapter Two: “People`s Trades”, Chapter Three: “Medicines and Diseases”, Chapter Four: “Food and Beverages”, Chapter Five: “Textiles, Weapons and Home Furnishings”, Chapter Six: “What They Wear and put on”, Chapter Seven: “Remembering Animals, Birds and Insects”, Chapter Eight: “Remembering Heavens and what Belongs to it”, Chapter Nine: “Remembering the Earth and what Belongs to it”, Chapter Ten: “Remembering Plants and Trees”, Chapter Eleven: “Remembering Buildings

and Places” and Chapter Twelve: “Remembering Separated and Different Seasons”. Each chapter of “Al-Mirqot” is also divided into different chapters [8].

Vocabulary units in the corpus of our study are mostly presented in a single form and expressions that explain the same concept are rarely seen. The translation of the words is basically explained in one word. For example, "التاجر - markets, الحمال - cargo, الشعر - hair, الناقل - carrier" [8, 45].

Conclusion

It is worth stressing that all Arabic-Persian-Tajik bilingual dictionaries have their own advantages over other ones and the aim of lexicographer is not that other dictionaries do not reach the backgrounds “Mirqot” by Badeuzzamon Natanzi, for example, “as-Somi fi-l-asomi” by Abulfazli Maidoni in terms of the quantity of Arabic words than other dictionaries, especially “Muqaddimat-ul-adab” has more words (“as-Somi fi-l-asomi” - 15000 words; “Muqaddimat-ul-adab” - 7000 words totally) provides explanations, but it is enough with the name chapter.

1. Giyasov N.I., Ashrapov B.P. Morphological Peculiarities and Level of Usage of Composite Adverbs in Tajik Literary Language Referring to the 18th Century (on the example of the historical writing entitled as “Tuhfat-ul-khoni” by Muhammadvafo Karminagi). // Stephanos. – 2023. – No. 3(59). – P. 69-80.
2. Ашрапов Б.П. Уровень употребления суффикса -гоҳ в «Тардҷумай Тарихи Ямини» Джурфодикони. // Studia Humanitatis. – 2023. – № 1.
3. Замахшарӣ, Маҳмуд ибни Умар. Муқаддимат-ул-адаб / Маҳмуд ибни Умари Замахшарӣ. Ба кӯшиши Маҳдӣ Муҳаққик. – Техрон: Муассисаи мутолиоти ислומии Донишгоҳи Техрон, 1386. – 269 с.
4. Кошғарӣ, Маҳмуд. Дивону луғот-ит-турки / Маҳмуди Кошғарӣ. –Қустантаня: Дору-л-хилофати-л-алийя, 1335. –351 с.
5. Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Том 1. – Ташкент: Издательство Академии наук УзССР, 1952. – 440 с.
6. Натанзӣ, Бадъуззамон. Ал-Мирқот /Бадъуззамони Натанзӣ. Тасхеҳи Чаъфари Саччодӣ. – Техрон: Бунёди фарҳанги Эрон, 1346.
7. Низомова, С.И. “Муқаддимат-ул-адаб” ва аҳамияти он дар рушди фарҳангшиносии / С.И. Низомова // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. – 2021. – № 5. – С. 86-93.
8. Низомова, С.И. Замахшарӣ ва осори ӯ / С.И. Низомова // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. – 2021. – № 6. – С. 219-226.
9. Низомова, С.И. Аз таърихи фарҳангшиносии дузабонаи арабӣ – тоҷикӣ / С.И. Низомова // Паёми Донишгоҳи омӯзгорӣ. – Душанбе, 2021. –№3. – С. 137-143.
10. Содикӣ, Алӣ Ашраф. Баҳсе дар бораи фарҳанги арабӣ ба форсии «Ал-Мирқот» / Алӣ Ашрафи Содикӣ. Нашри Дониш, зимистони 1381. –С.18-31.

Rakhimova E.K.

Expressions of Doubt in the English Language

*Ufa University of Science and Technology
(Russia, Ufa)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-183

Abstract

This study explores the various ways to express doubt in English Language, recognizing doubt as an intrinsic aspect of human life, thought, and communication. The ability to articulate doubt allows individuals to critically evaluate information, consider different perspectives, and make informed decisions, thereby enhancing effective communication and information exchange. This research aims to analyze the rich array of linguistic tools available in contemporary English for conveying doubt, from idioms to complex grammatical structures. The relevance of this study stems from the need to understand how doubt is expressed in modern English. Of further note, that this article highlights the importance of understanding doubt as a vital component of language interaction.

Keywords: doubt, language, communication, emotions, linguistic means.

Аннотация

В данном исследовании рассматриваются различные способы выражения сомнения в Английском языке, которые рассматриваются как неотъемлемый аспект человеческой жизни, мышления и коммуникации. Способность выражать сомнение позволяет людям критически оценивать информацию, рассматривать различные точки зрения и принимать взвешенные решения, что, в свою очередь, способствует эффективному общению и обмену информацией. Цель данной статьи – анализ богатого набора лингвистических средств, которые доступны в современном английском языке для выражения сомнения, начиная от идиом и заканчивая сложными грамматическими структурами. Также следует отметить, что данная статья, подчеркивает важность понимания сомнения как жизненно важного компонента языкового взаимодействия.

Ключевые слова: сомнение, язык, общение, эмоции, лингвистические средства.

The sphere of emotions is of interest to language researchers due to the fact that they are rightfully considered one of the main spheres of human activity, since we know the world and react to reality with the help of emotions [1, p. 68]. In the realm of language communication, the way of expressing the emotion of doubt play an important role. Doubt is an integral part of human life, way of thinking, and communication. It enables individuals to critically evaluate information, consider various perspectives, and make well-founded decision.

Emotions, «which permeate almost every sphere of human activity» [4, p. 142], play a significant role in our everyday lives, influencing both our perception of the world and our actions. It is characteristic of humans to express emotions through words for more accurate communication, which contributes to a better understanding and information exchange. Emotions can change depending on the situation and context. The following main types of emotions are distinguished: positive; negative; neutral; unconventional; static; dynamic.

However, there are emotions that are between two or more. Doubt can be attributed to such emotions. It is a special mental state when human's mind remains suspended between two or more contradictory statements and is uncertain about them. In psychology, doubt is a special type of thinking or a moral and ethical quality of a person, manifested as a lack of confidence in the reality and correctness of something. This appears itself in the form of distrust of people and ideas. Doubt is often contrasted with trust, «quite reasonable doubt is a subjective experience, meaning a minimum degree of confidence» [2]. In modern philosophy, doubt is considered not only as a state of uncertainty, but also as an integral part of personal understanding of information, which functioning as a touch point between the knowable reality and the unique values and expectations of each individual [3].

In English, there are a large amount of linguistic means which help to express doubt, which can be used in diverse situations, ranging from casual routine conversation to literary texts. Such means allow to transfer ambiguity, uncertainty or skepticism about certain ideas. The ability to pick the appropriate language means to express emotions can improve the capacity to communicate effectively in English. In this article, there are three main linguistic means to show doubt in the English language: idioms; phrases; modal verbs.

Idioms are phrases or expressions whose meanings diverge from the literal interpretations. These figurative expressions carry a figurative or non-literal meaning. Therefore, idioms often resist straightforward translation, instead conveying nuanced cultural or contextual implications. Idioms occur frequently in all languages. There are also a some of the idioms in English language that can be used to express doubt by people: 1) *to be of two minds about something* – this idiom is used in situations when a person is unable to make any decisions. «I'm of two minds on whether I should take this promotion»; 2) *to be on the fence about something* – «to hesitate», this refers to a situation when a person cannot choose between several or more options. «I'm on the fence on whether we should sign this contract»; 3) *to be up in the air on something* – «to be indecisive» or «to hang in the air», this means that the final decision has not yet been made. «The contract is still up in the air»; 4) *to have second thoughts* – «to change one's

mind», this idiom is used when a person has already taken a decision, but immediately feels unsure of the decision and regrets it. «After she agreed to lend him the money, she had second thoughts». The above examples make people's speech more remarkable, unusual and attractive to the conversation partner.

The distinction between idioms and phrases may appear subtle at first glance, yet it lies in their inherent characteristics. Idioms are set phrases that resist literal interpretation and convey specific meanings, whereas phrases are more flexible and adaptable. They can serve both cognitive functions (expressing ideas) and affective ones (conveying emotions).

For instance: 1) *that's debatable* – this phrase is used to show that there are different points of view, e.g. Well, that's debatable. Usually, when I go on holidays, it rains, and I come home feeling more miserable than I did before I left; 2) *I find that highly unlikely* – this phrase is used when you need to express doubt that something will happen, e.g. I find it highly unlikely that the boss is going to give us two extra days' holidays; 3) *I have a few doubts* – this phrase is used when a person is not sure about something, e.g. I have a few doubts about what to cook for the weekend; 4) *I don't know about that* – used when a person is unsure about something, e.g. Well, I don't know about that. I always take the car. I'll check it on the internet. It is important to understand that doubt can be both useful and detrimental, because in some cases such a mental process helps a person to fully analyze the situation, weighing the pros and cons more deeply in order to make the most correct decision. Yet, if doubt becomes excessive, it can have a paralyzing effect and make decision-making difficult. Understanding and being able to use such phrases is important for an effective communication, especially in situations where delicacy and tact are required.

A modal verb is a specific category of auxiliary verb that conveys a range of meanings related to modality, which encompasses concepts such as likelihood, ability, permission, obligation, and possibility. There are some modal verbs that can be used to express doubt: 1) *can* – expresses doubt in questions, especially when the questioner wants to confirm information or make sure the answer is correct, e.g. *Can he really be busy?* Also, the verb *can* has another form *could*, but it has a more negative degree of uncertainty. *Could* – is used to express possibility, but can also be used to express doubt or uncertainty about something, e.g. *Could you have been mistaken?* 3) *May* – is most often used to express possibility or probability, but can also express doubt, e.g. *May I ask a question?* 4) *Should* – used to express confidence or uncertainty about something, e.g. *Should I go or not?*

Thus, modal verbs are cross functional type of verb in the English language, allow people to accurately convey different shades of meanings and emotions. Their use enriches speech and helps to express complex ideas. Modal verbs allow you to talk about the future with caution, emphasizing the degree of confidence or doubt in statements.

In conclusion, emotions are a complex psychophysiological process that occurs in response to external events and internal experiences. Putting them into words helps people communicate information more accurately. Nevertheless, doubt plays an important role in analyzing situations and choosing alternatives, which helps to avoid rash actions and disappointments. The article examined linguistic means of expressing doubt, such as idioms, phrases, and modal verbs. These means are important for better understanding between people.

1. Varukha I.V., Shamsutdinova Yu.Kh. Methods of emotive vocabulary research // Philology: scientific research. — 2021. - No. 8. - pp.67-74. DOI: 10.7256/2454-0749.2021.8.36278
2. Bezrukova V.S. Fundamentals of spiritual culture (encyclopedic dictionary of the teacher) // <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/spiritual-culture/index.htm>.
3. Mikeshina L.A. The philosophy of knowledge // <https://ideashistory.ru/wp-content/uploads/lamphpozn.pdf>.
4. Urazmetova A.V. The axiological aspect of toponymic vocabulary // Questions of cognitive linguistics. 2022. No. 2. pp. 138-144. DOI: 10.20916/1812-3228-2022-2-138-144

Usmanova E.E.

Typological Study of Emotives in the English Language

Ufa University of Science and Technology
(Russia, Ufa)

doi: 10.18411/trnio-11-2024-184

Abstract

This article examines the use of linguistic means to express emotions in the English language. Special attention is given to the analysis of emotives – words, phrases, and expressions used to convey various emotional states. The author provides a detailed description of different groups of emotives and their characteristic features. The study aims to better understand how the mechanisms of emotional expressiveness function in language. This can be useful for those studying English, as well as for researchers working in the fields of linguistics and psychology.

Keywords: linguistic means, emotives, emotional expressiveness.

Аннотация

В данной статье рассматривается использование языковых средств для выражения эмоций на английском языке. Особое внимание уделяется анализу эмотивов – слов, фраз и выражений, которые используются для передачи различных эмоциональных состояний. Автор статьи подробно описывает различные группы эмотивов и их характерные особенности. Исследование направлено на то, чтобы лучше понять, как работают механизмы эмоциональной выразительности в языке. Это может быть полезно для тех, кто изучает английский язык, а также для исследователей, работающих в области лингвистики и психологии.

Ключевые слова: языковые средства, эмотивы, эмоциональная выразительность.

The study of words and expressions that convey emotional states and sensory experiences plays a key role in communication. In English, as in other languages, emotives serve not only to convey information but also to express the speaker's personal feelings, moods, and attitudes towards the subject of discussion. A typological study of emotives allows for a deeper understanding of how various emotional states are reflected in language, what lexical and grammatical means are used for their expression, and how social contexts influence the choice of emotives.

Research on emotives in the English language can be conducted in various ways. The article describes six types of analysis for this research.

1. Lexicographic analysis involves studying dictionary definitions and synonyms of emotives to identify their meanings and nuances. A comparison can be made based on the word "aggressive". In the Cambridge Dictionary [1], the definition is "showing anger and a willingness to attack other people", while in the Oxford English Dictionary [2], it is "tending or disposed to attack others". As a result, we can see that different dictionaries describe this emotion almost identically, yet they use completely different words for the description.
2. Content analysis investigates literary works, films, articles, and social media to study the use of emotives across different genres and styles. In the context of these media, the researcher needs to understand which emotives prevail in specific genres and how the use of emotives varies across different styles.
3. A cognitive research method involves analyzing how different words convey emotional nuances and how they are perceived in various contexts.

“Evaluativeness, as a component of the semantic structure of a linguistic unit, characterizes an object from a positive or negative side, thereby reflecting the subject's approving or disapproving attitude towards it” [3, p. 138]. One group can be identified with emotives related to positive emotions, which are used to express joy and satisfaction. For example, the

sentence "I'm absolutely thrilled about the news!" demonstrates a strong feeling of excitement. The use of the word "thrilled" emphasizes the intensity of the emotion, making the message more expressive. Another example is "She was glowing with joy at the party", where "glowing with joy" creates an image of happiness.

Sadness and sorrow are also reflected in language through emotives. The phrase "He felt a deep sorrow after the loss" illustrates the use of the word "sorrow", which conveys the depth of the experience. Similarly, "Her eyes were filled with tears of sadness" creates a visual image, enhancing the emotional weight.

The research of emotives related to negative emotions, such as anger, helps deepen the understanding of the mechanisms of emotional state transmission through language and to identify its specific expression in the context of English culture and society [4, p. 24]. This emotion can be expressed through strong words and phrases. For example, "I can't believe he did that! I'm so furious!" demonstrates not only anger but also surprise. The word "furious" emphasizes the high degree of irritation. In another example, "She was seething with anger after the argument", the use of "seething" conveys a sense of growing rage.

Fear and anxiety can also be effectively expressed through emotives. The phrase "I was terrified when I heard that noise" shows an immediate reaction to a frightening situation. The word "terrified" enhances the perception of fear. Similarly, "He felt a wave of anxiety wash over him before the presentation" creates a metaphorical image that allows one to feel the described emotional state.

Surprise is often accompanied by the use of vivid emotives. For example, "I was shocked to hear what happened!" emphasizes the suddenness of the event through the word "shocked". In another example, "She looked at me in disbelief when I told her the news", the phrase "in disbelief" intensifies the effect of surprise.

4. Qualitative research involves a deep analysis of data obtained through various information collection methods, such as interviews and surveys. These methods allow researchers to understand the motives, opinions, beliefs, and experiences of people, as well as their perceptions of different situations. This data not only enriches scientific knowledge but also helps develop more effective strategies in various fields, from psychology to marketing.
5. Sociolinguistic analysis, which involves the analysis of differences in the use of emotives between different groups of people.

Language is a living entity, constantly evolving and adapting to the cultural and social contexts in which it is used. One of the most fascinating aspects of this evolution is the way different generations utilize vocabulary distinctively. This phenomenon can be attributed to various factors, including technological advancements, societal changes, and shifts in cultural norms. The study of ways of expressing emotions in different age groups of people is in demand among researchers. Slang is perhaps the most noticeable area where generational differences in vocabulary manifest. Each generation develops its own set of slang terms that often serve as markers of identity and group belonging. The younger generation may often use slang in their speech. They may call "old man" as "geezer" if they feel a little disgust or disdain. Slang often evolves rapidly, making it challenging for older individuals to keep up with the latest trends. This constant change can create a linguistic divide that further emphasizes generational differences. The differences in vocabulary usage among generations illustrate not only the evolution of language but also the cultural and social dynamics. The study may foster better intergenerational dialogue and appreciation for the richness of human expression.

6. A method of word-formation analysis, which involves analyzing the structure of lexical units. This is a linguistic approach aimed at studying and describing the processes of word formation in a language. It includes identifying morphemes, analyzing word-formation patterns and semantic connections, and studying the interaction of words with other elements of the language. This method allows us to identify patterns of word formation, understand the

meaning and functions of words in the context of language and communication [5].

In English, there are various prefixes and suffixes that can be used to create words that represent different emotions. For example, the prefixes "dis, un" will change the meaning of words from positive to negative, such as in the words "dislike, unhappy". Also, the suffixes "full, less" add meaning of completeness to words or can change the part of speech, such as in the words "joyful, sadness".

The article discusses the use of linguistic means to express emotions in English, with a focus on emotives that convey a variety of emotional states. The analysis of groups of emotives demonstrated how language enriches communication and deepens the understanding of interpersonal relationships.

Understanding the mechanisms of emotional expressiveness contributes to more effective language learning and opens new horizons for research in linguistics and psychology. Future studies may deepen the awareness of the role of language in human emotional experience and help develop recommendations for educators and communication specialists. The study of emotives is essential for understanding human nature and interaction in various linguistic contexts.

1. Cambridge Dictionary // <https://dictionary.cambridge.org/>
2. Oxford English Dictionary // <https://www.oed.com/>
3. Urazmetova A.V. The axiological aspect of toponymic vocabulary // Questions of cognitive linguistics. 2022. No. 2. pp. 138-144. DOI: 10.20916/1812-3228-2022-2-138-144
4. Varukha I.V., Shamsutdinova Yu.Kh. Emotives of anger in the vocabulary of the English language // Peer-reviewed scientific journal "Trends in the development of science and education" No.109, May 2024 (Part 3) - Ed. Scientific Center "LJournal", Samara, 2024 – pp. 23-26. doi: 10.18411/trnio-05-2024-119
5. Varukha I.V., Shamsutdinova Yu.Kh. Methods of studying emotive vocabulary // Philology: scientific research. 2021. No. 8. P. 67-74. DOI: 10.7256/2454-0749.2021.8.36278

Ydyrysova S.S., Zhakyp kyzy A.

Multilingualism in Southern Kyrgyzstan: Current Realities and Prospects

*Osh State University
(Kyrgyzstan, Osh)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-185

Abstract

The article analyses multilingualism in southern Kyrgyzstan, which is home to a significant number of ethnic minorities, including Uzbeks and Tajiks. The article examines contemporary linguistic realities, the role of Kyrgyz and Russian as official languages, and the impact of the unofficial status of Uzbek and Tajik languages on education, social integration and access to public services. It also highlights the problems associated with the unequal status of languages and proposes measures to support multilingualism, including the development of bilingual education programs and cultural initiatives. The article underlines the importance of an integrated language policy for preserving cultural diversity and strengthening national unity in the context of globalization and migration.

Keywords: multilingualism, ethnic minorities, language policy, cultural diversity, social integration, education, interethnic relations, national identity.

Аннотация

Статья посвящена анализу многоязычия в южном Кыргызстане, где проживает значительное количество этнических меньшинств, включая узбеков и таджиков. В статье рассматриваются современные языковые реалии, роль кыргызского и русского языков как официальных, а также влияние неофициального статуса узбекского и таджикского языков

на образование, социальную интеграцию и доступ к государственным услугам. Статья подчёркивает значимость комплексной языковой политики для сохранения культурного разнообразия и укрепления национального единства в условиях глобализации и миграции.

Ключевые слова: многоязычие, этнические меньшинства, языковая политика, культурное разнообразие, социальная интеграция, образование, межэтнические отношения, национальная идентичность.

The topic of multilingualism is particularly relevant for Kyrgyzstan, given the country's multinational composition and the significant role of languages in the formation of national identity and social cohesion. According to the population census, Kyrgyzstan is an ethnically and linguistically diverse state, where Russian, Uzbek, Tajik and other languages are actively used alongside the official Kyrgyz language. This linguistic composition is particularly pronounced in the southern regions of the country, such as Osh, Jalal-Abad and Batken provinces, where a significant number of ethnic Uzbeks, Tajiks and other national minorities have traditionally lived. In these areas, multilingualism is becoming not only a cultural, but also a socio-economic and political factor [1].

Multilingualism in Kyrgyzstan is an important aspect of inter-ethnic interaction and the integration of different groups into society. The state language Kyrgyz symbolizes national unity and identity, while Russian serves as a language of inter-ethnic communication and professional migration, opening access to education, technology and economic opportunities at the international level.

Preserving linguistic diversity and supporting multilingualism in Kyrgyzstan is directly linked to strengthening social stability, as equal access to education and public services promotes the integration of ethnic minorities, reduces social tensions and builds trust between different ethnic groups. In the era of globalization, when cultural heritage and national identity are increasingly affected by external factors, multilingualism in Kyrgyzstan is a guarantee of preserving cultural diversity and uniqueness, which is especially important for the southern regions with their historically multi-ethnic population.

The southern regions of Kyrgyzstan - Osh, Jalal-Abad and Batken oblasts - have a unique linguistic situation due to the multinational composition of the population and the historical and cultural peculiarities of the region. Here, along with the state Kyrgyz language, Russian, Uzbek and Tajik are widely used, each of which has its own role and importance in the public and educational spheres.

The Kyrgyz language is the state language and occupies a central place in the life of the republic, including the southern regions. State support for the Kyrgyz language is aimed at promoting it as the main means of interpersonal and inter-ethnic communication within the country. In southern Kyrgyzstan, the Kyrgyz language is used in state institutions, local media, and in social interaction among representatives of different ethnic groups. Kyrgyz language teaching is compulsory in all state educational institutions, which promotes its dissemination among the younger generation, including ethnic minorities. Programs to strengthen the position of the Kyrgyz language also include courses for students and adults whose mother tongue is not Kyrgyz. In the southern regions, this is particularly important as knowledge of Kyrgyz language facilitates the integration of ethnic Uzbeks and Tajiks into public life and opens up career opportunities.

The Russian language has the status of a language of inter-ethnic communication, which makes it particularly important in a multilingual environment. Russian is widely used in Kyrgyzstan, especially in urban areas, and the southern regions are no exception. Due to the prevalence of Russian in Kyrgyzstan, it also plays an important role in supporting economic ties with Russia and other CIS countries, as well as providing access to information resources and technology.

Russian is the main language of instruction in many educational institutions in southern Kyrgyzstan. It is widely represented in the school system and higher education institutions,

allowing students to access quality educational resources and curricula in Russian. Russian is also used as the language of instruction in a number of technical and medical universities, which facilitates labour migration to Russia and CIS countries where specialists with a good level of Russian are in demand.

The Uzbek language plays an important role in the life of the Uzbek-speaking population of southern Kyrgyzstan, especially in cities such as Osh and Kara-Suu. It is the main language of communication within the ethnic community and an important element of Uzbek cultural identity. There are schools and classes in the southern regions of Kyrgyzstan where instruction is in Uzbek [2].

The Tajik language is used mainly in Batken oblast, where compact groups of ethnic Tajiks live. Like Uzbek, the Tajik language is preserved mainly in domestic and community communication. The preservation of the Tajik language is important for maintaining the national identity of the Tajik minority and requires support at the level of educational and cultural programs.

Thus, southern Kyrgyzstan has a complex linguistic situation in which Kyrgyz and Russian dominate the public and educational spheres, while Uzbek and Tajik languages are preserved at the level of everyday communication and cultural traditions. This situation requires a comprehensive approach to language policy aimed at supporting multilingualism and preserving minority languages.

Problems and challenges of multilingualism in southern Kyrgyzstan [3]:

1. The southern region of Kyrgyzstan has a complex ethnic history, home to Kyrgyz, Uzbeks and Tajiks. Historically established relations between these ethnic groups, migration processes and political changes have significantly affected the linguistic situation in the region.
2. Lack of educational resources in native languages. In regions with Uzbek- and Tajik-speaking populations, the issue of access to educational materials in these languages is acute, especially in high schools and universities. Limited access to education in native languages leads to lower literacy rates in Uzbek and Tajik, which also limits employment opportunities.
3. With the predominance of Kyrgyz and Russian languages, there is a problem of loss of interest in Uzbek and Tajik languages among young people. With globalizations and labour migration to Russia and other countries, there is a gradual linguistic assimilation and many families are switching to Russian or Kyrgyz as their main languages.
4. Language barrier to integration Inequality in Kyrgyz language skills among ethnic minorities affects their career opportunities, integration into the public sector and participation in public life. Kyrgyz language promotion programs and courses do not always reach those in need and sometimes cause resistance among ethnic minorities. In order to strengthen multilingualism in southern Kyrgyzstan, a comprehensive language policy aimed at supporting both the state language Kyrgyz and the mother tongues of ethnic minorities is important. An important step could be the expansion of multilingual programs in the education system and the creation of opportunities for learning Uzbek and Tajik in ethnically mixed schools. The promotion of Kyrgyz language courses among non-native speakers would also have a positive impact, in order to facilitate their social integration.
 - Organizing festivals, cultural events, exhibitions and competitions in different languages to maintain the interest of young people and society in the linguistic heritage and traditions of different ethnic groups. This helps to strengthen cultural identity and reduces the risk of losing national traditions.

Developing Kyrgyz language courses for speakers of other languages:

- Creating accessible courses on studying the Kyrgyz language for ethnic minorities, which contributes to better integration into society and the reduction of language barriers? This is especially important for career growth and social adaptation of speakers of the Uzbek and Tajik languages.
- Supporting young people and migrants in studying the Kyrgyz language through online courses and mobile applications, which is especially important for rural areas where resources for studying the state language are limited.

Creating intercultural curricula [4]:

- Developing programs aimed at studying the history and culture of all ethnic groups in Kyrgyzstan. This will allow young people and adults to better understand and respect each other's cultural traditions, which will become the basis for interethnic harmony and strengthening of national identity.

The proposed measures contribute to the preservation of cultural diversity, the creation of conditions for equal participation of all ethnic groups in public life and the reduction of social tension. The development of multilingualism contributes to the strengthening of national identity, promotes respect for the cultural characteristics of each ethnic group, which makes an important contribution to building a harmonious and inclusive society. The support of minority languages helps to strengthen trust between different groups of the population and improve the quality of intercultural interaction, which is important for the sustainable future of Kyrgyzstan [5].

The relevance of multilingualism for Kyrgyzstan, especially in the southern regions, is due to the multinational composition of the population and the importance of languages for cultural identity and social integration. In the context of globalization and increasing migration processes, knowledge of several languages is becoming not only a means of personal and professional development, but also a key factor in national stability and strengthening interethnic ties.

1. А. Иманкулова, "Language Policy in Central Asia."
2. Иманкулова А. "Влияние многоязычия на образование в Кыргызстане."
3. <https://www.sil.org/about/endangered-languages/languages-of-the-world>
4. <https://stat.gov.kg/rus/position.htm>
5. <http://fulr.karelia.ru/files/6437.pdf>

РАЗДЕЛ X. ЛИНГВИСТИКА

Калашникова С.В., Горгарова Я.Ю.

Переводческие ошибки в кинематографических текстах

Калужский государственный университет
(Россия, Калуга)

doi: 10.18411/trnio-11-2024-186

Аннотация

В данной статье автором раскрывается понятие «переводческая ошибка», приводится классификация нормативных требований к качественному переводу, а также переводческих ошибок; раскрываются причины переводческих ошибок и приводятся примеры ошибок в кинематографических текстах. В данном исследовании также описываются такие способы перевода, как субтитры, закадровый перевод, дублирование (дубляж). Также в статье представлен анализ переводческих ошибок при переводе мультипликационного фильма

Ключевые слова: французский язык, переводческие ошибки, кинематографический текст, субтитры, закадровый перевод, дублирование.

Abstract

In this article, the author reveals the concept of «translation error», provides a classification of normative requirements for quality translation, as well as translation errors; reveals the causes of translation errors and gives examples of errors in cinematic texts. The study also describes such translation methods as subtitles, voice-over translation and dubbing. The article also presents an analysis of translation errors in the translation of an animated film

Keywords: French, translation errors, cinematographic text, subtitles, voice-over translation, dubbing.

В настоящее время работа переводчика требует особой компетенции, поскольку оценка качества перевода остается одной из сложнейших и наиболее актуальных задач в сфере переводоведения. В последние годы были разработаны различные критерии оценки качества перевода, которые применяются в профессиональной деятельности переводчика.

Не существует общепринятого определения понятия «качественный перевод». В.Н. Комиссаров отмечал в одной из своих работ, что «качество перевода определяется степенью его соответствия переводческой норме и характером невольных или сознательных отклонений от этой нормы» [3, с. 228].

В.Н. Комиссаров выделяет следующие виды нормативных требований к качественному переводу:

1. норма эквивалентности перевода;
2. жанрово-стилистическая норма перевода;
3. прагматическая норма перевода;
4. конвенциональная норма перевода;
5. норма переводческой речи.

Вопрос о проблеме переводческих ошибок является центральной темой обсуждения в кругах филологического и переводческого сообщества уже на протяжении долгого времени. А.Д. Швейцер утверждает, что переводческая ошибка – это отступление от содержательного соответствия перевода оригиналу [6].

Наиболее известная и полная классификация переводческих ошибок представлена Л.К. Латышевым:

1. ошибки в трансляции исходного содержания, то есть функционально-немотивированные отклонения от содержания оригинала, которые различаются по степени дезинформирующего воздействия;
2. искажения, то есть субъективно-обусловленное отклонение содержания перевода от оригинала, в результате которого текст вызывает неадекватные представления и вводит реципиента в заблуждение;
3. неточности, то есть отклонения от содержания оригинала, которые характеризуются меньшей степенью дезинформирующего воздействия на реципиента;
4. неясности, то есть функционально-содержательный изъян перевода, который меняет смысл перевода, чаще всего связан с неправильным использованием переводческого приема, отличается от «искажения» и «неточности» тем, что оказывает на реципиента не столько дезинформирующее, сколько дезориентирующее воздействие;
5. ошибки в адаптации содержания исходного текста к условиям языка перевода;
6. лексические, грамматические, орфографические, пунктуационные и стилистические ошибки [5, с. 164-171].

Среди филологов не существует единого мнения касательно причин переводческих ошибок. По мнению советского и российского переводчика Н.К. Гарбовского, «недостаточная образованность переводчика» является главной причиной переводческих ошибок. [2, с. 514].

Перевод является неотъемлемой частью кинематографа, так как позволяет адаптировать фильмы для зрителей в разных странах, расширяя их доступ к культурному наследию и развивая межкультурное взаимодействие. Однако мы часто сталкиваемся с ошибками, которые были совершены при переводе кинематографических текстов.

Для того чтобы перевести тот или иной кинематографический текст, переводчикам приходится прибегать к различным способам перевода. Самыми распространенными из них являются: субтитры, закадровый перевод, дублирование (дубляж).

Наиболее точное определение современному представлению о субтитрах дает «Толковый словарь иноязычных слов»: «субтитр – надпись в нижней части кадра кинофильма, являющаяся обычно кратким переводом иноязычного диалога (или вообще текста) на язык, понятный зрителям» [4, с. 746].

К преимуществам субтитрования можно отнести то, что данный вид перевода является достаточно бюджетным, то есть для осуществления такого перевода требуется минимальное количество затраченного времени и денег. Однако существуют и недостатки: часто переводчикам приходится прибегать к такому приему как «опущение» для того, чтобы максимально кратко донести до зрителя суть текста оригинала, что влечет за собой неточное и неполное понимание смысла.

Закадровый перевод выступает вторым по популярности видом перевода фильмов. Такой перевод осуществляется голосом профессиональных актеров, но при этом на заднем фоне слышны оригинальные звуки. Его преимуществом является то, что зритель все равно слышит речь на языке оригинала, что помогает ему лучше погрузиться в атмосферу кинофильма. Можно назвать и недостатки данного вида перевода: иногда закадровый перевод может не соответствовать оригинальному голосу актеров, а искажения и неточности в переводе способны частично или полностью изменить смысл текста оригинала, что негативно сказывается на восприятии фильма.

Дубляж является самым сложным и дорогостоящим способом перевода фильмов. Его смысл заключается в том, чтобы полностью переозвучить всех персонажей. Для этого переводчику необходимо подготовить сценарий фильма. Среди достоинств такого вида

перевода следует отметить максимальный комфорт зрителя при просмотре фильма, особенно это удобно для людей, не знающих иностранный язык. При работе над текстом дубляжа переводчику приходится использовать множество переводческих приемов, таких как опущение, добавление, описательный перевод, конкретизация и т. д. Однако часто переводчики совершают на данном этапе множество переводческих ошибок: неточности, неясности, ошибки в адаптации и т. п. Следует отметить, что именно некачественный перевод скриптов фильма, вплоть до полного искажения сюжетной линии, принято считать недостатком дубляжа [1, с. 83-86].

Значительное количество переводческих ошибок можно встретить при переводе названий фильмов. Заголовок фильма – один из самых важных моментов для его идентификации аудиторией. Название фильма должно быть переведено максимально корректно, должно точно отражать содержание самого фильма.

Рассмотрим некоторые примеры переводческих ошибок в названиях фильмов:

1. Название фильма «*Le Boulet*» было переведено как «*Полный привод*». Однако слово *le boulet* имеет значение «*обуза*» в русском языке. Главными героями фильма являются двое мужчин, один из которых очень солидный и влиятельный человек, другой же – неудачник, он как раз и является обузой для первого. Даже посмотрев полностью фильм, трудно понять, почему переводчик использовал такой вариант перевода. Данное название не отображает главной сути фильма, а также может мало заинтересовать зрителя.
2. Название фильма «*Tais-toi!*» на русском языке имеет перевод «*Невезучие*». Представленный перевод также является ошибочным, так как не отражает сюжет фильма. Один из главных героев очень много разговаривал, поэтому название данной картины стоило перевести как «*Замолчи!*» Некорректный перевод названия фильма также мог негативно сказаться на рейтинге его популярности среди зрителей, которые ассоциируют данное название с одноименным фильмом 1981 года с Пьером Ришаром и Жераром Депардье в главных ролях.
3. Следующим примером является короткометражный фильм «*Charlotte et son Jules*». На русский язык название этого фильма было передано как «*Шарлотта и ее Жюль*», то есть слово «*Jules*» было переведено как имя мужчины. Такой перевод является неверным, так как во французском языке это слово имеет значение «*любовник*», либо же обозначает мужчину, с которым женщина состоит в отношениях. Поэтому если обратиться к сюжету данного фильма, то можно понять, что речь идет о Шарлотте и ее мужчине, которого на самом деле зовут не Жюль. Данный перевод названия фильма может привести в замешательство зрителя и помешать ему правильно понять сюжет.

Нами был проведен анализ переводческих ошибок при переводе кинематографических текстов на основе классификации Л.К. Латышева. Как было изложено ранее, согласно классификации Л.К. Латышева переводческие ошибки делятся на ошибки в трансляции исходного содержания, искажения, неточности, неясности, ошибки в адаптации содержания исходного текста к условиям языка перевода, лексические, грамматические, орфографические, пунктуационные и стилистические ошибки [5].

Данное исследование основано на анализе переводческих ошибок при переводе мультипликационного фильма «*Avril et le monde truqué*». Концепт этого полнометражного приключенческого мультипликационного фильма в стилистике стимпанка и альтернативной истории был разработан известным французским комиксистом Жаком Тарди. Премьера состоялась 15 июня 2015 года во Франции на Международном

фестивале мультфильмов в Анси, где мультипликационный фильм «Avril et le monde truqué» получил высшую награду в номинации «Лучший художественный фильм».

Проанализировав субтитры данного мультипликационного фильма, можно выделить следующие переводческие ошибки:

1. В начале мультфильма показаны титры, которые представляют команду, участвовавшую в его создании. Имя одного из продюсеров было переведено некорректно. Переводчик передал имя *Denis Delcamp* как *Денис Делькамп*. Данный перевод можно отнести к ошибке в адаптации содержания исходного текста к условиям языка перевода, так как данный перевод искажает настоящее французское имя и может запутать зрителя. Причиной данной ошибки является незнание переводчиком французских реалий. Поэтому допустимым переводом имени можно считать его транскрипцию: *Дени Делькамп*.
2. Еще одна ошибка была найдена в тексте перевода. Девушку в данном мультфильме зовут *Avril*, переводчик же передал ее имя как *Апрель*, используя дословный перевод. Его нельзя назвать корректным, так как в русском языке данное слово используется для обозначения месяца. Для перевода имени лучше использовать такую переводческую трансформацию, как транскрипция. Поэтому допустимым вариантом перевода имени будет являться: *Авриль*.
3. Вопрос «*Quand vous sortez?*» переводчик перевел как «*Когда вы уже выйдете отсюда?*». Представленный перевод препятствует пониманию зрителем исходного содержания текста, так как под этим вопросом подразумевается вопрос о том, когда одного героя мультфильма выпишут из больницы. Допустимый вариант перевода осуществляется при помощи приема конкретизации: «*Когда же вас уже выпишут отсюда?*».
4. Во время укачивания ребенка мать использует такие слова: «*La, la!*». При переводе текста данная реплика была трансформирована в: «*Ну, ну!*». Данный перевод является некорректным, так как в русском языке для убаюкивания ребенка чаще всего используются отдельные звуки, поэтому для перевода данного момента переводчику не нужно было прибегать к использованию междометий.
5. Еще одним примером переводческой ошибки может послужить реплика одного из героев мультфильма. Рассказывая полицейскому о результатах своей слежки, он употребляет слово «*fuit*»: *Elle sort, revient et fuit*. – *Выходит, возвращается и – фьюит!* В тексте оригинала данное слово является формой третьего лица, единственного числа, настоящего времени глагола «*fuir*», который переводится как «*убегать*». Переводчик же просто передал его звучание и подобрал соответствующее междометие на русском языке. Зрителю может быть непонятно значение этого слова, поэтому представленный перевод является некорректным. Для того, чтобы внести больше ясности, нужно использовать лексическую замену в виде фразеологического оборота в целях придания большей экспрессивности данной реплике: *Выходит, возвращается и, уаля, след ее уже простыл*.

В результате анализа данного мультипликационного фильма можно сделать вывод о том, что переводческие ошибки в содержании текста перевода могут серьезно повлиять на восприятие сюжета и характеров персонажей аудиторией, а также исказить смысл исходного материала. Неправильный перевод диалогов, непонимание культурных особенностей или неверная передача игры слов могут привести к недопониманию зрителем сюжета. Очень важно учитывать контекст и нюансы оригинального материала,

чтобы сохранить его аутентичность и передать зрителям истинное настроение и смысл произведения.

В наши дни к переводчику предъявляются повышенные требования: отличное знание как родного, так и иностранного языка, знание профессиональной специфики перевода, особенностей национального характера, менталитета, традиций и культуры представителей других стран, а также умение соблюдать профессиональную этику. Однако основным требованием к переводчику является способность создавать качественный текст на языке перевода за короткий промежуток времени.

Подводя итог вышесказанному, необходимо подчеркнуть, что профессиональный подход к выполнению перевода, постоянное обучение и самосовершенствование в данной области могут значительно повысить качество перевода кинематографических текстов, сделать его более точным и адаптированным для зрителей.

1. Богаченко, Н.Г. Особенности перевода кинофильмов / Н.Г. Богаченко, А.А. Сергоманова // Вестник ПГУ им. Шолом-Алейхема. – 2020. – № 2 (39). – С. 79-88.
2. Гарбовский, Н.К. Теория перевода: учебник / Н.К. Гарбовский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. – 544 с.
3. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение / В.Н. Комиссаров. – 2-е изд., испр. – М.: Р. Валент, 2011. – 408 с.
4. Крысин, Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 944 с.
5. Латышев, Л.К. Перевод: теория, практика и методика преподавания: учеб. пособие для студ. перевод. фак. высш. учеб. заведений. / Л.К. Латышев, А.Л. Семенов. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 192 с.
6. Швейцер, А.Д. Перевод и лингвистика: о газетно-информационном и военно-публицистическом переводе / А.Д. Швейцер. – 2-е изд. – Москва: URSS: ЛЕНАНД, 2018. – 278 с.

РАЗДЕЛ XI. АСТРОНОМИЯ

Походина М.А.

Космология и происхождение Вселенной

(ф) ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
(Россия, Новозыбков)

doi: 10.18411/trnio-11-2024-187

Аннотация

Космология, наука о происхождении и эволюции Вселенной, представляет собой одну из наиболее захватывающих дисциплин в астрономии. Данная статья рассматривает основные теории, объясняющие начало и развитие Вселенной, начиная с концепции Большого Взрыва и заканчивая современными представлениями о структуре и составе космоса. Также обсуждаются ключевые вопросы, касающиеся природы темной материи и темной энергии, их роли в расширении Вселенной.

Ключевые слова: космология, происхождение Вселенной, большой Взрыв, темная материя, темная энергия, структура Вселенной, эволюция Вселенной, астрономия.

Abstract

Cosmology, the science of the origin and evolution of the universe, is one of the most exciting disciplines in astronomy. This article examines the main theories explaining the beginning and development of the Universe, starting with the concept of the Big Bang and ending with modern ideas about the structure and composition of the cosmos. Key issues related to the nature of dark matter and dark energy and their role in the expansion of the universe are also discussed.

Keywords: cosmology, origin of the Universe, big Bang, dark matter, dark energy, structure of the Universe, evolution of the Universe, astronomy.

Космология — это наука, изучающая структуру, происхождение и эволюцию Вселенной в целом. Она сочетает в себе элементы астрономии, физики и философии, стремясь ответить на одни из самых фундаментальных вопросов о нашем существовании: как возникла Вселенная, как она устроена и как будет развиваться в будущем.

Современные представления о происхождении Вселенной основаны на теории Большого взрыва. Эта теория утверждает, что Вселенная начала свое существование около 13.8 миллиардов лет назад из состояния высокой плотности и температуры. В этот момент произошел резкий расширительный процесс, который привел к образованию пространства и времени, как мы их знаем. Гипотезу Большого Взрыва называют также моделью горячей Вселенной, или стандартной моделью. Эта гипотеза стала общепринятой после открытия в 1965 г. реликтового излучения. Несмотря на стандартность и общепринятость, концепция Большого Взрыва не дает ответа на некоторые вопросы. Например, каковы причины образования галактик из ионизированного газа? Почему наблюдается асимметрия вещества и антивещества? Самой большой проблемой остается состояние сингулярности, введение которого требуется уравнениями общей теории относительности А. Эйнштейна.

В космологии термин "сингулярность" обычно относится к состоянию, когда некоторые физические величины становятся бесконечными или неопределёнными. Поскольку в области сингулярности все существующие законы физики теряют свою применимость, мы можем лишь предположить, что в момент и до сингулярности самой концепции времени как таковой не существовало. Иными словами, не было ни «до», ни

«после», ни «во время». Теория описывает лишь ранние стадии развития Вселенной, происходившие непосредственно после Большого взрыва, однако, это совсем не означает, что она отрицает существование чего-либо до него — просто наша модель пространства-времени уже не способна это объяснить. Некоторые люди считают, что Большой взрыв произошёл в конкретной точке пространства, однако это мнение является ошибочным. Большой взрыв следует воспринимать как процесс расширения самого пространственно-временного континуума, который происходил одновременно во всех местах. Если бы это было именно взрывом, как, например, взрыв фейерверка, то он начался бы в одной точке и распространялся бы в стороны, но не изменял бы само пространство. С точки зрения наблюдателя, Вселенная выглядит одинаково во всех направлениях, что означает, что не существует центра, откуда началось её расширение, но есть определённый момент времени, с которого это расширение началось.

Темная материя и темная энергия представляют собой ключевые компоненты, которые определяют динамику и эволюцию Вселенной, хотя остаются до конца непонятыми.

Темная материя — это невидимая субстанция, которая не взаимодействует с электромагнитным излучением, что делает её невозможно наблюдать напрямую с помощью обычных телескопов. Она составляет примерно 27% всей энергии и материи во Вселенной. Основные доказательства существования темной материи основываются на следующих наблюдениях:

1. Гравитационные: когда свет от удаленных галактик проходит близко к массивным объектам (таким как скопления галактик), он искривляется. Этот эффект позволяют астрономам оценить массу невидимой материи, которая вызывает подобные искажения.
2. Ротация галактик: наблюдения показывают, что скорости вращения галактик слишком высоки, чтобы они могли удерживаться исключительно за счет видимой массы. Это предполагает наличие значительного количества невидимой массы, которая оказывает гравитационное влияние.
3. Космический микроволновой фон: анализ температурных колебаний в космическом микроволновом фоне, который является остатком тепла от Большого взрыва, также свидетельствует о наличии темной материи в ранних стадиях развития Вселенной.

Темная материя играет важную роль в формировании структуры Вселенной, создавая гравитационные "каркасы", на которых формируются галактики и другие космические структуры. Темная энергия, с другой стороны, представляет собой загадочный компонент, который вызывает ускорение расширения Вселенной и составляет около 68% её содержания. Первые доказательства существования темной энергии были получены в конце 90-х годов XX века, когда астрономы, исследуя расстояния до далеких сверхновых, обнаружили, что они значительно дальше, чем ожидалось. Это открытие стало неожиданным, поскольку подразумевало, что расширение Вселенной не просто продолжается, а ускоряется.

Темная энергия, возможно, связана с вакуумной энергией, предсказанной в квантовой физике. Однако природа темной энергии остается строго загадочной. Основные теории, объясняющие её свойства:

1. Константа Ламба: эта модель предполагает, что темная энергия является статичной и однородной, заполняя пространство равномерно.
2. Динамическая темная энергия: это предложение включает в себя различные формы темной энергии, которые могут изменяться со временем, такие как квазипотенциальные поля.

Когда речь идет о расширении Вселенной, темная материя и темная энергия действуют в противоположных направлениях. Темная материя, благодаря своей

гравитационной силе, стремится замедлить расширение, притягивая галактики друг к другу. Однако темная энергия, наоборот, создает силу, которая ускоряет это расширение, что в конечном итоге приводит к наблюдаемому расхождению между тем, что мы ожидаем видеть на основе обычной материи, и тем, что мы наблюдаем.

Таким образом, понимание природы темной материи и темной энергии является одним из самых актуальных и сложных вопросов современной астрофизики. Исследования в этой области продолжаются, и ученые надеются, что новые выяснения помогут разрешить эти загадки, приводя к более полному пониманию структуры и эволюции нашей Вселенной.

Космология активно развивается благодаря современным технологиям и наблюдениям. Одним из самых значительных открытий стало наблюдение за красным смещением галактик, что подтверждает, что Вселенная расширяется. Это открытие было сделано в начале 20 века астрономом Эдвином Хабблом. В последние десятилетия также было обнаружено, что расширение Вселенной происходит с ускорением. Это открытие привело к введению концепции темной энергии — загадочной силы, которая, по всей видимости, влияет на ускорение расширения.

Космология — это не только изучение далеких звезд и галактик, но и попытка понять наше место в огромной и загадочной Вселенной. Хотя мы уже достигли значительного прогресса в понимании ее происхождения и эволюции, многие вопросы остаются без ответа. Исследования в области космологии продолжаются, и, возможно, в будущем мы сможем разгадать еще больше тайн, которые хранит Вселенная.

Космологи прогнозируют различные сценарии для будущего Вселенной. Одни из них предполагают «Большой Разрыв», где вселенная будет продолжать расширяться, и все галактики в конечном итоге удалятся друг от друга. Другие варианты включают возможность «Большого Сжатия», если темная энергия изменит свои свойства, что, однако, на данный момент считается маловероятным.

Космология продолжает развиваться, и каждый день астрономы делают новые открытия, которые могут изменить наше понимание Вселенной и ее происхождения. Несмотря на все достигнутые успехи, множество важных вопросов остается без ответа, что подтверждает, что исследование космоса — один из самых увлекательных аспектов науки. Будущее космологии обещает множество увлекательных открытий, способных расширить горизонты человеческого знания о Вселенной и нашем месте в ней.

1. Досекина, А. А. Как образовалась Вселенная и каково ее будущее: вклад темной материи и темной энергии в развитие Вселенной / А. А. Досекина // Наука, образование, инновации: апробация результатов исследований : Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции, Нефтекамск, 07 февраля 2020 года / под общей редакцией А.И. Вострецова. — Нефтекамск: Научно-издательский центр "Мир науки" (ИП Вострецов Александр Ильич), 2020. — С. 28-37. — EDN ZEOQTW.
2. Королев, В. С. Размышления О СТРУКТУРНОМ СТРОЕНИИ И ВОЗМОЖНОМ РАЗВИТИИ ВСЕЛЕННОЙ / В. С. Королев // Variety of interaction forms of material objects through a prism of the latest analytical concepts : Peer-reviewed materials digest (collective monograph) published following the results of the XCIV International Research and Practice Conference and III stage of the Championship in Physics and Mathematics, Chemistry, Earth and Space Sciences, London, 18–23 декабря 2014 года. — London: Международная академия наук и высшего образования, 2015. — С. 25-27. — EDN UAQNRN.
3. Пеньков, В. Е. Модель "Большого Взрыва": pro et contra (к столетию со дня создания модели А.А. Фридмана) / В. Е. Пеньков // Проблемы онто-гносеологического обоснования математических и естественных наук. — 2022. — № 13. — С. 90-97. — EDN XYOTQR.
4. Рамазанов, С. Р. Начальные этапы развития Вселенной: статистические свойства первичных возмущений : специальность 01.04.02 "Теоретическая физика" : диссертация на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук / Рамазанов Сабир Рамазанович. — Москва, 2014. — 132 с. — EDN SVBZYF.

LJournal

Научно-издательский центр

Рецензируемый научный журнал

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ
№115, Ноябрь 2024

Часть 4

Подписано в печать 25.11.2024. Тираж 400 экз.
Формат.60x84 1/16. Объем уч.-изд. л.9,90
Отпечатано в типографии Научный центр «LJournal»